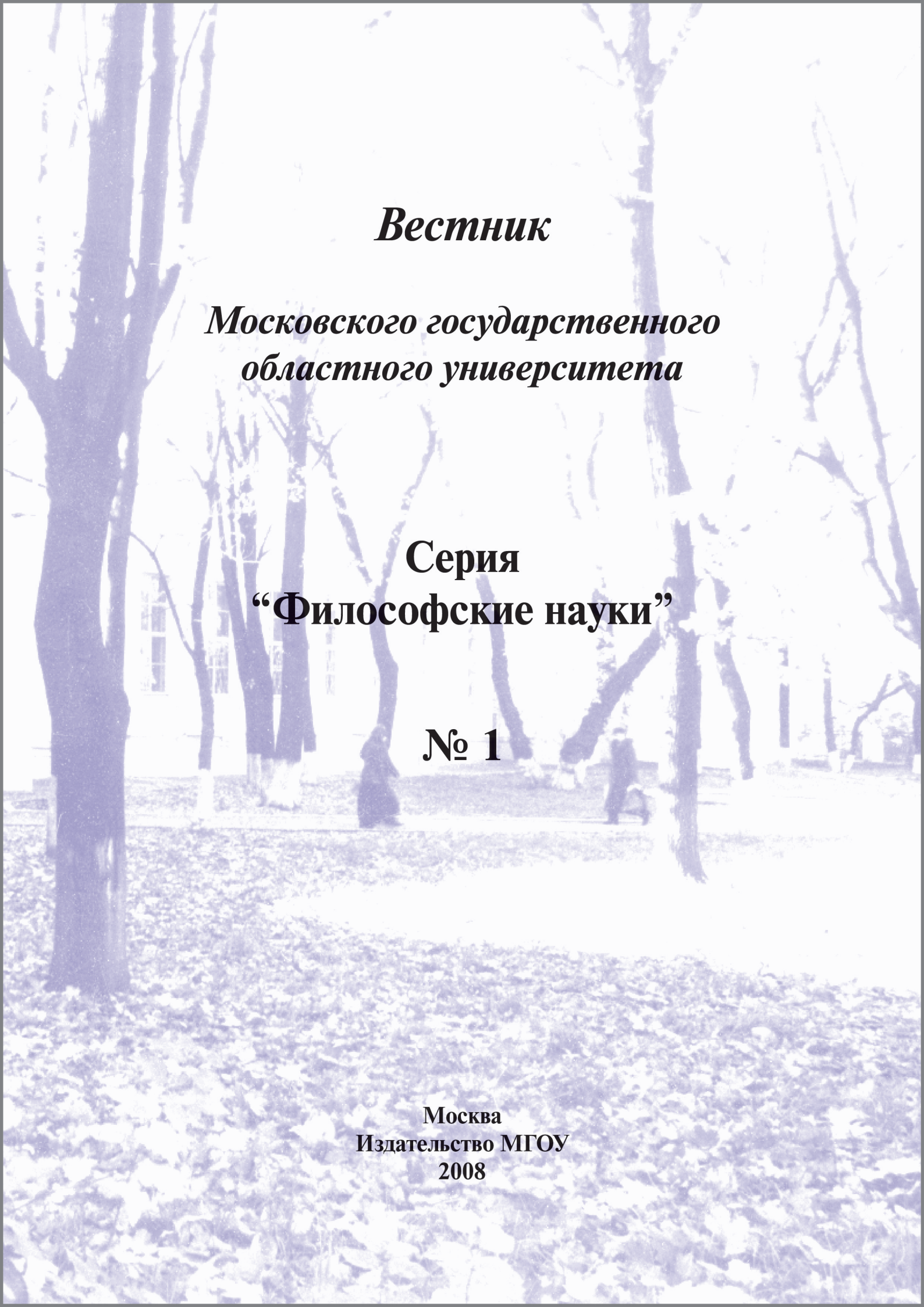


The background of the cover is a photograph of a park. In the foreground, there are several trees with bare branches, suggesting autumn or winter. The ground is covered with fallen leaves. In the middle ground, there is a path where a few people are walking. In the background, a large, light-colored building with many windows is visible, partially obscured by the trees.

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**Серия
“Философские науки”**

№ 1

Москва
Издательство МГОУ
2008

Вестник
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 1

Москва
Издательство МГОУ
2008

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Демина Л.А. - доктор философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Ям К.Е. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 1. - 2008. Выпуск в серии № 10. - М.: Изд-во МГОУ. - 168 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и правилах для авторов статей представлена 17.07.2007 г. и будет находиться там - с необходимыми изменениями - постоянно.

Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - 36759 (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же агентства на первое и второе полугодия 2007 г., первое и второе полугодия 2008 г.).

ISBN 978-5-7017-11-87-5

© МГОУ, 2008
© Издательство МГОУ, 2008

Уведомление ответственного редактора
серии «Философские науки» Вестника МГОУ

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. — Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием «**Вопросы философии**», которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998-2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе — более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже — к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по *истории и философии науки* все номера Сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием — «**Вопросы философии науки и образования**» (Вышли №№17-20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии «**Философские науки**» (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета — «**Вестник МГОУ**». В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006г. вышли второй, третий, четвертый и пятый номера этой серии. В 2007 году осуществлено издание шестого-девятого номеров серии. И так — по 3-4 номера ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ», осуществляемых Издательством МГОУ, воспроизводятся ниже.

Правила для авторов статей

Для публикации в выпусках серий научных работ «**Вестника МГОУ**» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Объем статьи не ограничен. Однако рекомендуемый объем 0,5-1 п.л. (12-24 листов А4).

Тексты должны быть представлены в виде файла на дискете (3,5 дюйма), набранного с использованием редактора Win Word 6.0 или 7.0 и на бумажном носителе формата А4 (210х297) в 2х экземплярах. *Дискета должна быть новой или проверенной на вирусы и раскрываться!* Маркировка дискеты должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи.

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое — 2,5 см, правое и нижнее — 2 см. Отступы в начале абзаца — 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. После литературы помещается краткая аннотация - 1-2 абзаца (но не более одного листа А4) на русском языке и одном из иностранных. Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегль 14) в пра-

вом верхнем углу, ниже сведения об авторе (курсивом, кегль 14): название учреждения, где работает автор, должность, ученая степень, ученое звание; ниже в центре название статьи (п/ж, кегль 14), далее текст без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Дискеты (диски) не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Примечаниях» (литература в конце текста) - кегль 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете (диске) и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам.

Образец оформления первой страницы статьи:

Иванов И.И.,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

Ноосферный анализ общества

Текст статьи.....

Аннотация.....

Примечания.....

Стоимость публикации зависит от количества страниц в статье. В стоимость входит публикация статьи в Вестнике и один экземпляр журнала, а также оплата авторами, организуемого редколлегией серии, *независимого рецензирования* статей. Условием опубликования принимаемых статей с 2007 года является также подписка на соответствующую серию Вестника МГОУ через агентство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или — при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ).

Ответственный редактор серии «Философские науки» — заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович.

Адрес редколлегии серии «ФН» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 261-13-80, а также 8(495) 223-31-76, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru

Эти же адреса и телефоны следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), как и в вышеуказанных выпусках Сборников «Вопросы философии науки и образования» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

РАЗДЕЛ 1.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Байдакова М.Ю.,

старший преподаватель кафедры социально-педагогических технологий факультета социальной педагогики Московского городского психолого-педагогического университета (ГОУ МГППУ), г. Москва; соискатель кафедры «Философия» Российского государственного университета туризма и сервиса, (ФГОУВПО «РГУТиС»), Московская область, Пушкинский район, пос. Черкизово

ПРОБЛЕМА ВОЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В современной науке о человеке при существующем плюрализме подходов, точек зрения и приоритетов вопрос о воле никогда не находится на периферии духовно - нравственных интересов. Это естественно, если научное исследование и теоретическая мысль развиваются свободно. В связи с этим важно осознание значимости и блага интеллектуальной и духовной свободы, т. к. навязывание человеку каких - либо представлений в качестве единственной истины - будь то вера во всемогущество науки, истинность определённых теорий или «высшее благо» материального благосостояния, - это «насилие над совестью, поэтому зло именно с антропологической точки зрения».

Воля является одной из основных характеристик душевно - духовной жизни человека. В монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам) воля - имя силы (Дух в своей объективации), посредством которой Бог творит мир и соотносится с тварным бытием. В некоторых волюнтаристических доктринах воля - определение Абсолюта. В язычестве и основанных на нём религиях онтологически первичной и жизненно ценной способностью человека представляется ум, по отношению к которому воля и чувство занимают подчинённое место, при этом божество мыслится как вселенский космический разум. В христианской религиозно - философской мысли волю - деятельность (созидательную или разрушительную) способность человека - часто считают духовной потенцией человека: «дух дышит в душе её воли».

Антропологическая тема - одна из наиболее важных и актуальных: «Знания о «внутреннем человеке» можно назвать «практической антропологией», без учёта которой богословское учение о человеке не может быть полным». Христианская антропология, настаивая на важности целостного видения человека, рассматривая личность как целостность, единство духовно - душевно - телесных сил, атрибутирует волю природе, отмечая её доминантное значение в формировании эсхатологического статуса личности; исследует основные характеристики волевого аспекта взаимоотношений личности и общества в перспективе их развития, обозначая иной уровень смыслообразования, иные ориентиры по проблеме воли, основанные на глубинных духовно - нравственных истоках - Бытии и Его проявлении в мире, формирует христианское мировоззрение, которое по своей природе сотериологично.

Христианское учение о человеке исходит из Евангельского и святоотеческого наследия, являющего целостную картину мира, бытия человека, цели и возмож-

ности духовно - нравственного становления личности, и рассматривает человека в единстве его бытия: начиная с сотворения Богом, через грехопадение, смерть, восстановление во Христе, будущее телесное воскресение и бессмертие, что позволяет увидеть истинную цель его жизни - преобразование во Христе, соединившим в Себе полноту Божественного и человеческого совершенства, чтобы «подобным исцелить подобное» (1).

Святоотеческое учение о воле констатирует, что духовно - нравственное совершенствование воли носит непрерывный характер, являясь важнейшим условием здорового состояния человека. Учение о воле в христианской антропологии даёт как общие представления о проблеме, так и специфические, раскрывая философскую и богословскую стороны учения о человеке. Учение о здоровом (исцелённом) человеке вполне обоснованно может быть названо христологией (2).

Предметом христианской антропологии является личность в её свободном или обусловленном отношении ко всей полноте бытия; в соответствии с целью которого человек как существо тварное призван к уподоблению своему Творцу через свободно - разумный подвиг воли (Мф. 5, 48). Свобода мысли и свобода веры - это не только неотъемлемое право каждого человека, но и его призвание (Гал. 5, 13). Для христиан свобода - не только путь к Истине, ведущий к «познанию и принятию того, что Бог открывает человеку», но и результат познания Истины (Ин. 8, 32). Божественное Откровение, обращённое к человеку, формирует христианское мировоззрение, которое по своей природе сотериологично (1 Тим. 2, 3 - 4).

Христианская антропология, рассматривая волю как важнейшую составляющую целостного бытия человека, определяет её как «устремлённость мыслящей и разумной души к тому, что любезно ей»; «совместно с природой» стремящаяся «к желаемому или к получению и обладанию желаемым» (Анастасий Синаит) (3); воля как действие или энергия «есть деятельное и самостоятельное движение естества» (Иоанн Дамаскин) (4).

Догмат о творении переносит внимание с природного на сверхприродное начало: реальностью, определяющей всё сущее, является трансцендентный миру Бог, творящий мир «из ничего» Своей волей и участвующий в его судьбе. Творение как свободный акт воли, а не природное излияние, «подобное излучению Божественных энергий, есть свойство личного Бога, Бога - Троицы, обладающей общей волей, принадлежащей природе и действующей по определению мысли», - пишет В. Н. Лосский (5).

В результате грехопадения (своеволия человека) мир изменился: чувства, разум, воля человека стали разъединёнными. Ещё Овидий отмечает, что обычное, ежедневное человеческое, «слишком человеческое» зло есть грех по слабости: «Вижу лучшее и одобряю, а следую худшему» (6). Аристотель, выявляя двойственный характер, противоречивые мотивы поведения человека, раскрывает антиномию разума и воли, интеллекта и нравственности (добродетели). Подчёркивая сложность природы человека, он указывает, что знание о добродетели и само поведение расходятся: «знают, но поступают иначе»; утверждает, что свобода воли человека реализуется только в добродетели (7). Апостол Павел свидетельствует, что человек обладает способностью желать добра, но не обладает силой его выполнить: *«Желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»* (Рим. 7, 18 - 19). По Августину, человек знает добро, но его воля не подчиняется ему, и он делает то, чего не хотел бы делать: *«Я одобрял одно, а следовал другому»* (8). Такое раздвоение человека он называет болезнью

души, неподчинением её самой себе, вследствие чего человек не может преодолеть своих греховных влечений без Божественной помощи - благодати. В христианстве воля есть, прежде всего, воля к спасению, что требует активных волевых усилий человека, направленных на преображение собственной природы, надломленной грехом. Общение с Богом мыслится не только как интеллектуальное созерцание (эта форма богопознания не отбрасывается, но и не абсолютизируется), но как особое движение воли к стяжанию благодати.

Признание воли важнейшим элементом человеческой жизни и богочеловеческих отношений породило проблемы, специфичные для христианского богословия. В христианстве воля - сила или часть духа, усиливающая интенцию ума, в познавательной деятельности (логических и созерцательных устремлениях). Наряду с разумом она является мерилом утверждения истины и добра, отрицания лжи и зла: воля - главная опора «я», стоящая «на страже личности» и удерживающая от обезличения и нивелировки; является доминантой характера. Воля - «связующая сила представлений, понятий, суждений и т. д.; без неё невозможны внимание, апперцепция, рефлексия, концентрация; воля необходима и для высших интенций духа - молитвы.

Совместная направленность интеллекта и воли - основа духовного развития личности. По словам Иринея Лионского, «Бог есть начало, а человек - конец, и в этих рамках заключено понятие о существующем (9). В онтологическом отношении Бог есть начало всего как в относительном, так и безусловном смысле, а человек - конец, завершение и венец Его творения (10). В гносеологическом отношении человек есть начало и источник всякого познания, а Бог - конечная цель и предел человеческого познания. По словам Тертуллиана, душа «есть всё, что составляет человека» (11). Василий Великий утверждает, что для познания собственной природы «потребна некая высшая мудрость, посредством которой каждый [...] познаёт себя, каков он» (12). В творениях отцов Церкви содержится и формальная сторона антропологии: сочинение Немезия Эмесского, антропологические трактаты Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и других Отцов; и практическая (нравственная) - творения Макария Египетского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и почти всех аскетов.

Иоанн Дамаскин свидетельствует, что человек как животное разумное, смертное, причастное уму и знанию, созданный по образу Божию, представляет собой малую, но «драгоценнейшую из всех тварей Божиих». Григорий Богослов видит в человеке, являющимся смешением двух природ, образец высшей мудрости и великолепия: человек как некоторая связь видимой и невидимой природы, по мысли Творца, должен «возвыситься к Нему и от всего собрать себе один плод - Бога», Который есть истинная жизнь. Иоанн Дамаскин придерживается дихотомии: «человек двойной», созданный с «двоякою природою», душа и тело составляют всего человека. Апостол Павел говорит о духе как третьей составной части человека (1 Фес. 5, 23).

Перечисляя двенадцать видов соединения души и тела, И. Дамаскин указывает на тесное их «сожитие», отмечая в природе человека параллелизм психофизических явлений. Повторяя учение Аристотеля и Немезия Эмесского, Иоанн Дамаскин отмечает, что человек посредством тела, состоящего из четырех стихий, примыкает к самым низшим формам земного бытия - неодушевлённым предметам; со стороны силы питающей, растительной и производительной он связан с растениями; с животными - общими являются низшие желания, чувствование и движение; с «бес-

телесными и умопостигаемыми природами» человек соединяется посредством разума. И. Дамаскин разделяет душевные силы, или способности, человека на познавательные - ум, мышление, мнение, воображение, представление, чувство, память; и желательные - воля и свободный выбор. Описывая познавательные - мыслительные и свободно - волевые процессы, Иоанн Дамаскин (13) следует Максиму Исповеднику (14) и Немезию Эмесскому (15).

Климент Александрийский, наряду со способностью познания признаёт в душе способность стремления - произвольного движения, в силу которого она по своей природе «устремляется из себя самой». В основе познания лежит стремление ума «к тому, что согласно с его природой», - свободное движение ума, самоопределение, или воля: «всему предшествует воля, ибо умственные силы от природы предназначены служить воле» (16). По утверждению Иоанна Дамаскина, «стремление неразумных существ не называется ни волей, ни актом воли», поскольку воля «есть разумное и свободное естественное стремление» (17); воля - «способность стремлений и расположений, дело которой заключается в устроении внешней жизни и деятельности человека» (18). По мнению Игнатия Брянчанинова, «воля есть сила, располагающая всей деятельностью души и отдельных её сил по указанию сознания и требованию совести»; её существенные взаимосвязанные и взаимообусловленные потребности - «желать и действовать».

Действие воли всегда сознательно: «Действие есть деятельность разумная»; деятельность неразумных сил души, происходящая «независимо от сознания и воли», не подчиняется разуму и не отражается «более или менее ясными ощущениями в сознании» - это «все физиологические функции организма, действия которых не ощутимы для сознания» (19). Иоанн Златоуст, свидетельствуя о воле, которая «побеждает природу», отмечает, что от привычки воля становится «второй природой»; а страсть и порок «происходят не от природы, а от развращённой воли»: природные силы человека не злы сами по себе и не служат причиной пороков: напротив, порок, страсть есть «движение вопреки природе», - не будь «свободного по выбору уклонения воли во зло, человек оставался бы добрым, каким был создан изначально» (20).

Свобода и воля принадлежат к темам по сути неисчерпаемым. По общетеологическому учению, воля эффективна, только когда она свободна. Христианство решает этот вопрос, опираясь на Священное Писание. По учению ап. Павла свобода является, прежде всего, свободой от греха (Рим. 6, 18 - 23), закона (Рим. 7, 4; 8, 2; Гал. 3, 2; 4, 5), смерти (Рим. 6, 5; 8, 2); и свободой для усвоения спасения (Рим. 7, 14 - 8, 2). Осуществление подлинной свободы реализуется во Христе: «К свободе призваны вы, братия» (Гал. 5, 13).

Свобода Христова есть «свобода от земных и космических сил, властей и князей мира сего, [...] дурной бесконечности и мировой бессмыслицы, [...] языческих богов и богинь» (21). Григорий Богослов утверждает: «Быть мудрым, значит, «иметь ведение о Божественном и человеческом» (22). Григорий Нисский свидетельствует, что личность есть избавление от законов необходимости, неподвластность господству природы, возможность свободно себя определять с помощью воли.

Цель свободы, - объясняет Григорий Богослов, - в том, чтобы «добро действительно принадлежало тому, кто его избирает». Личные существа - «апогей творения», т. к. они могут по своему свободному выбору и по благодати стать богом: «в самом своём величии - в способности стать богом - человек способен к падению; но без этой способности пасть нет и величия». Бог сотворил человека животным, получившим повеление стать Богом, - слово Василия Великого, на которое ссылается

Григорий Богослов.

Свобода человека - источник творчества, а не произвола, реализующаяся в восхождении к добру или добровольно утрачивающаяся в служении злу. Августин, различая невозможность грешить, принадлежащую одному Богу; и возможность не грешить, или свободный выбор между добром и злом (свойственные первозданному человеку до грехопадения), «через волю зла» приобретшему склонность к злу (действительное состояние после грехопадения) (23) утверждает, что истинная свобода означает служение Богу: свобода изначально дана человеку, чтобы он, посредством свободного решения воли, возрастал в добродетели и достиг вечного блаженства.

С защитой свободы воли утверждается подлинное достоинство человека. В учении о человеке интерес христианской антропологии с первых веков базируется на единстве природы людей и свободе воли человека (24). Христианское учение о свободе и благодати имеет некоторую степень схожести, близости и идентичности взглядов в восточной и западной Церкви, однако существует различие в вопросе о степени участия свободы и благодати в деле человеческого спасения. На Западе - под влиянием представления об испорченности человеческой природы, глубокой нравственной повреждённости всех сил человека вследствие грехопадения, в том числе воли и свободы, - преобладающее значение в деле человеческого спасения приписывается Божественной благодати - помощи Бога человеку. На Востоке - под влиянием борьбы с гностицизмом, отрицающим человеческую свободу и ставящим нравственную деятельность человека в зависимость от естественной необходимости - важнейшей считается выбор воли, человеческая свобода; благодать Бога признаётся недействительной без внутреннего расположения к ней со стороны человека.

В святоотеческом учении свободе воли принадлежит особое место. Иоанн Дамаскин отмечает, что свободная воля человека соотносится с благодатью Бога: границей свободной воли является воля Бога, от которой зависит итог действий человека, но выбор самих действий, являясь началом всего добродетельного или порочного, только во власти человека и поэтому осуждается так же, как и само действие. Григорий Богослов видит основание добродетели в разуме и «свободном произволении» человека, указывая на важность навыков воли в его нравственной деятельности; определяя привычку как некоторое постоянное качество; называет проявление привычки действием; добродетелью - «навык к добродетели», «навык к худому» - грехом.

Воля в христианском понимании свободна и принадлежит природе человека; личность рассматривается как целостность духовно - душевно - телесных сил, не сводимая к определённым набору функций: «Личность есть избавление от законов необходимости, неподвластность господству природы, возможность самоопределения благодаря свободной воле», - говорит Григорий Нисский (25).

Феолипт Филадельфийский отмечает, что «произволение является средоточием» человеческой жизни; человек обладает властью направлять стремление воли «либо к насаждению Божию, либо к запретному дереву». Связь произволения с разумностью есть существеннейшее свойство человека: если он может поступать самовластно, как хочет, то не будет злоупотреблять «самовластием и губить честь этого самовластия, заставляя лучшее рабски служить худшему». Если он обладает «волей для того, чтобы делать то, что сознательно выбрано», то «должен воспринять и способность различения, чтобы отделить зло от добра», согласовать свою волю только с одним добром, «ведая о добре посредством непретыкающегося различения», соблюдая то, что «по образу, руководимый [...] ведением, [...] любя одно только добро,

посредством хотения этого добра», начертывает в своей душе то, что «по подобию, как мыслящий, говорящий и творящий всё то, что соответствует Слову» (26).

Произволение понимается таким образом преимущественно как нравственный выбор, о котором св. Иустин говорит: «Если бы человеческий род не имел способности со свободным произволением убегать порочного и избирать доброе, то он не был бы виноват ни в чём, что бы он ни делал» (27). Климент Александрийский, анализируя вопрос о нравственном назначении и воспитании человеческой природы, особое внимание уделяет вопросам, связанным с этической проблемой свободы воли, - вопросы о добродетели и пороке, свободе и грехе, свободе воли и её связи с разумом, соотношении свободы и благодати и др.. Немезий Эмесский, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и другие Отцы разделяют волевой процесс на желание, обсуждение (совещание) и выбор (28).

Максим Исповедник, характеризуя различные грани единой свободной воли, образ Божий в человеке, определяет произволение (выбор) как «рассудительное желание» («стремление к»), то, что человек способен осуществить; «самовластие» - как законное господство над тем, что он способен осуществить, «беспрепятственное господство» над тем, чем он может «пользоваться», «нерабское желание» того, что от него зависит (29). По учению Максима Исповедника, человеческая воля является природной силой, тесно связанной с разумом: человек по природе разумен, а разумная природа обладает самопроизвольностью, свободой. Нарушение Божественной воли, злоупотребление своей свободной волей в попытке обойтись без Бога, стать на Его место, привело человека к утрате царственного положения, разрыву с миром духовным (грехопадение). Феолипт Филадельфийский анализирует то, что Максим Исповедник называет «гномической волей» - личностной, свойственной тварным ипостасям, являющейся их «образом желания» (30).

Согласно Феофану Затворнику, под волей следует понимать «способность души приводить в движение свои решения и исполнять свои замыслы». Воля определяется и как сила, способная управлять стремлениями человека, которой «принадлежит устройство [...] земной временной жизни - предприятия, планы, нравы, поступки, поведение»: воля в деятельности то же, что рассудок в познании; воля имеет в подчинении «все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно». Важнейшая задача человека - «вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь, сообразуясь с желаниями»; дело воли - «определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых [...] потребностями, чтобы жизнь текла спокойно и радостно» (31).

Грех внёс расстройство в область воли: с падением человек погряз в чувственности и, подобно бессловесным животным, стал всецело подчиняться телесным влечениям (2 Петр. 2, 12), увлекаясь ими против воли своей души, творяще волю плоти и помышлений (Еф. 2, 3). Человек, «каким он стал по падении, есть ветхий человек» (32). Симеон Новый Богослов отмечает, что «в зависимости от направления, которое принимает воля души человеческой, её именуют или волей духа, или волей плоти» (33). По мнению Августина, «одновременно желать и не желать - это [...] болезнь души» (34). Филарет (Дроздов) свидетельствует о том, что условием исцеления растленного произволения человека является благодать Бога и послушание Божественной воле, т. к. жизнь Христова спасительна для человека только при условии подражания ей (35): «Послушанием истине чрез Духа и очищаются души верующих» (1 Пет. 1, 22).

Христианская антропология, атрибутируя волю природе, позиционирует личность как целостность духовно - душевно - телесных сил, не сводимую только к оп-

ределённому набору функций. Бог творит человеческую личность по Своему Образу, даруя человеку свободную волю. Дело человека - преодолеть свою страстную и принять благую и совершенную волю Бога. В этом проявляется синергия - содействие Божественной и человеческой волей, что является условием полноценного бытия и подлинной духовности. Видение греховной повреждённости человека становится возможным только при обретении им богооткровенной веры, открывающей, каким он был до грехопадения и каким ему должно стать: свободной волей избирая Бога, человек стяжает дар обожения; сообразуя свою волю с Божественной, не лишается своей индивидуальности, уникальности, но, напротив, обретает единство, целостность, утраченные вследствие грехопадения. Понимание этой сущностной реальности создаёт основу понимания проблемы воли и смысла жизни человека.

Главная задача христианской антропологии, знающей и о глубине падения человека, и о святости, достигаемой через соработничество, синергию, человека и Бога - показать человеку путь спасения, духовного возрастания и соединения со своим Творцом, по образу Которого он создан (Быт. 1, 27). Согласно христианской антропологии, человек устремлён к эсхатологическому завершению своей жизни (1 Ин. 3, 2): будучи гражданином града земного, он одновременно является и гражданином будущего града - Града Божия, Небесного Иерусалима, образ которого на земле - Церковь (1 Тим. 3, 15), являющая миру истину о человеке, его образе. В отличие от светской антропологии, отстраняющей человека от источника его бытия - Бога Творца, христианская антропология «рассматривает человека как богообразное существо, жизнь которого не исчерпывается земной, материальной реальностью: размышляя о том, что делает человека человеком, христианин взирает на Того, Кто соединил в Себе небо и землю, - Богочеловека Иисуса Христа, Который, совершив Свой спасительный подвиг на земле, явил миру Бога, Которого никто никогда не видел и истинного Человека (1 Ин. 4, 12), поэтому «последователи и ученики Христа призваны уподобляться Ему, видя в Нём образец подлинной человечности».

Христианская антропология, на основании Божественного Откровения, отстаивает высочайшее достоинство, истинное значение и ценность человека, утверждает его «высочайшую свободу», «творческую мощь, равенство людей перед Богом вне зависимости от национальности, пола, социального положения», призывая «всех людей к братству и деятельному милосердию». Патриарх Алексий II отмечает, что «следует со смирением признать, что учение Церкви о человеке не всегда внятно и доступно миру», поэтому особенно актуально убедительное свидетельство и активный диалог с обществом: «Неся вечные истины, она должна быть готова мужественно отвечать на самые острые вопросы современности» (36).

Важность Священного Писания и Священного Предания, в том числе святоотеческого наследия, духовного опыта святых подвижников веры в явлении миру лика преображённого человека, живых примеров благодатного соработничества Бога и человека, в котором «воля духа», противостоя греховным соблазнам, побеждает и господствует над «волей плоти» (Гал. 5, 25), и приносит «плод духа», который есть *«любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера»* (Гал. 5, 22).

В заключение можно отметить, что проблема воли имеет принципиально важное, доминантное значение в христианской антропологии: именно направленность воли, «вектор воли», свобода выбора между добром и злом качественно характеризует личность. Основу христианского монотеизма, признающего Единого Личного Бога, составляют два важнейших и взаимосвязанных принципа, отличных от религиозно - мифологического сознания: идея творения, являющаяся основой онтоло-

гии, и идея откровения как фундамент учения о познании. Христианское учение о человеке, в частности его воле, свободе и свободе воли, отражая духовную, душевную и физическую реальности, позволяет значительно расширить область познания в свете непреходящих, вечных ценностей Бытия и Его проявления в мире.

Таким образом, на основании исследования богословских трудов нами проанализированы основные положения и гипотезы проблемы воли, обобщён и конкретизирован научно - исследовательский материал, выделены и представлены в систематически упорядоченном виде существенные особенности проблемы воли, свободы, свободы воли, составляющие онтологический фундамент личностных антропологических моделей; приведены примеры использования понятийно - терминологического аппарата как методологической основы для анализа богословских и гуманитарных вопросов в сотериологической и антропологической перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Григорий Нисский, св. Об устройении человека. - СПб., 1995.
2. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. - М. : Канон +, 1997. - 560 с.
3. Анастасий Синаит, прп. Путеводитель. // ЖМП. 1993. - № 7.
4. Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. / Пер. А. Бронзова. - М., 1896.
5. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. - М., 1991.
6. Овидий. Метаморфозы. - М. : Художественная литература, 1977.
7. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. - М., 1962. - С. 143.
8. Августин. Исповедь. Киев, 1980. - С. 210.
9. Пять книг против ересей. Кн. 5. / Пер. Преображенского. - СПб., 1900. - С. 450.
10. Пять книг против ересей. Кн. 4. / Пер. Преображенского. - СПб., 1900. - С. 370.
11. Пять книг против ересей. Т.1. Гл.1. / Пер. Преображенского. - СПб., 1900. - С. 206.
12. Василий Великий, свт. Собрание творений: В 5 - ти ч. Ч. 4. - М., 1846. - С. 308.
13. Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. / Пер. А. Бронзова. - М., 1896.
14. Вопросы к Фалассию. Т. 4. 1. Вопросы I - LV. / Пер. с др. - греч. и комм. С. Л. Епифановича и А. И. Сидорова. // Максим Исповедник, прп. Творения. Кн. 2. - М. : Мартис, 1994. С. 23, 110. - (Православный Свято - Тихоновский Богословский Институт. Святоотеческое наследие. Т. 2.).
15. Немезий Эмесский. О природе человека. - С. - П., 1912. - С. 90 - 113.
16. Владимирский Ф. С. Антропология и космология Немезия, еп. Емесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. - Сергиев Посад, 1913. - С. 161, 399 - 400.
17. Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. Кн. 2. / Пер. А. Бронзова. - М., 1896. - С. 98, 452.
18. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. Т. 1. Ч. 1. - М. : Правило веры, 2005. - С. 279.
19. Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения. Т. I. Аскетические опыты. - М. : «Правило веры», 1993. - С. 411, 102.20.
20. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Римлянам. - М., 1994.
21. Позов А. Основы христианской философии: В 3 - х ч. - Мадрид, 1970 - 1972.
22. Григорий Богослов. Творения. Изд. - е 2 - е. Ч. 1. Слово 3. - М., 1889.
23. Пантелеимон, иером. Антропология по творениям св. Иоанна Дамаскина. (Пример церковно - отеческой антропологии). - МДА, 1912.
24. Владимирский Ф. С. Антропология и космология Немезия, еп. Емесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. - Сергиев Посад, 1913. - С. 182.
25. Григорий Нисский, св. Об устройении человека. - СПб., 1995. - С. 96 - 97.
26. Свт. Феопит Филладельфийский. Послания к монахине Евлогии. / Перевод с греч. А. Сидорова. / Альфа и Омега. № 3 (41). - М., 2004. - С. 87 - 100.
27. Св. Иустин Философ и Мученик. Творения. - М., 1995. - С. 73.
28. Владимирский Ф. С. Антропология и космология Немезия, еп. Емесского, в их отношении к древней философии и патристической литературе. - Сергиев Посад, 1913. - С. 161, 399 - 400.
29. Максим Исповедник, прп. Вопросы к Фалассию. / Пер. с др. - греч. и комм. С. Л. Епифановича и А. И. Сидорова. // Максим Исповедник, прп. Творения. Кн. 2. Т. 4. 1. Вопросы I - LV. - М.

-
- : Мартис, 1994. - С. 20 - 23, 110.
30. Орлов И. Труды св. Максима Исповедника по раскрытию догматического учения о двух волях во Христе. - СПб., 1888. - С. 123 - 124.
31. Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. - М. : Правило веры, 2004. - С. 854.
32. Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. - М. : Правило веры, 2004. - С. 854.
33. Симеон Новый Богослов, св. Творения. Т. 3, сл. 45.- М. : Свято - Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
34. Августин. Исповедь. - Киев, 1980.
35. Филарет (Дроздов), свт. Пространный христианский катехизис. - М., 1911. - С. 34.
36. Материалы Богословской Конференции РПЦ «Учение Церкви о человеке». - М. : г / к «Даниловский» 5 - 8 ноября 2001.

Аннотация: Автором выявлены и проанализированы существенные особенности проблемы воли, свободы, свободы воли в христианской антропологии, составляющие онтологический фундамент личностных антропологических моделей; приведены примеры использования понятийно - терминологического аппарата как методологической основы для анализа богословских и гуманитарных вопросов в сoterиологической и антропологической перспективе.

Das Problem des Willens in der christlichen Anthropologie.

Maria Baidakowa

Oberlehrerin des Lehrstuhls für sozial-pädagogische Technologien der Fakultät für soziale Pädagogik der Moskauer Städtischen Psychologisch-pädagogischen Universität; Bewerberin des Lehrstuhls für Philosophie der Russischen Staatlichen Universität des Tourismus und Services, Moskauer Gebiet, Bezirk Puschkinskij, Siedlung Cherkisovo.

Abstrakt: Die Autorin hat die bedeutenden Besonderheiten des Problems des Willens, der Freiheit, der Willensfreiheit in der christlichen Anthropologie festgestellt und analysiert, die die ontologische Grundlage der persönlichen anthropologischen Modelle bilden; sie führt Beispiele der Anwendung des begriffsterminologischen Apparats als einer Grundlage für die Analyse der theologischen und geisteswissenschaftlichen Fragen in der soteriologischen und anthropologischen Perspektiven an.

Гудкова М.В.,

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Смоленский гуманитарный университет»,
аспирантка кафедры общей психологии

ОСОБЕННОСТИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КРИТИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

В отечественной психологии проблемы социального мышления начали интенсивно разрабатываться в научной школе К.А. Абульхановой - Славской и её сотрудников, которые предложили концепцию и структуру социального мышления. Основной вклад в изучение механизмов социального мышления к настоящему времени внесён группой исследователей: Г.Э. Белицкой, А.Н. Славской, М.И. Воловиковой, В.В. Знаковым, Н.Л. Смирновой, Е.В. Пашенко, О.П. Николаевой и др.

Исследование социального мышления с точки зрения подхода, обоснованного и разработанного К.А. Абульхановой – Славской, позволяет рассматривать мышление как мышление субъекта, призванное решать социальные проблемы конкретным субъектом.

По мнению К.А. Абульхановой - Славской, социальное мышление - это, прежде всего, одна из форм функционирования сознания личности, причём это именно активное, мыслящее сознание. В отличие от социального интеллекта, «...социальное мышление есть мышление о социальной действительности, социальных связях, социальных ситуациях и противоречиях, субъектом, которого является личность» [1, с. 183].

Развитие критического мышления является одним из общепризнанных направлений в зарубежной психологии. В частности над этим вопросом работают Боно Э., Дж. Гудлец, И. Уоллен Норманн, Ф. Хобрих, Д. Халперн, Р. Чалдини и др.

Принимая во внимание положение о том, что критичность многими авторами рассматривается как проявление регулирующей функции мышления и интеллекта, как относительно самостоятельный вид мышления (А.С. Байрамов, Н.Б. Березанская, П.П. Блонский, С.И. Векслер, Л.С. Выготский, С.А. Король, С.Л. Рубинштейн, Л.А. Рыбак, Ю.А. Самарин, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, О.К. Тихомиров, Боно Э, Дж. Гудлец, И.Уоллен Норманн, Ф. Хобрих, Д. Халперн, М.А. Холодная, Р. Чалдини и др.), мы в своих исследованиях придерживаемся такого подхода к определению критичности, при котором она рассматривается как механизм сличения, входящая в структуру мыслительного акта, как личностный фактор, обуславливающий интеграцию результатов психической деятельности в последующие мыслительные схемы.

Критичность мышления субъекта проявляется в таких признаках как: 1) умение строго оценивать работу мысли, поступки, действия – свои и других людей, в соответствии с определенными критериями (объективности, достоверности, существенности, целесообразности, новизны и т.д.); 2) умение контролировать, проверять, находить ошибки и недостатки в своих действиях и исправлять их; 3) умение быть устойчивым к внушающему воздействию или давлению чужого мнения.

Способность к критическому мышлению позволяет личности разрешать противоречия, «схватывать» самую сущность явлений. Не всякая личность, тем более в социальной жизни способна к критическому мышлению, к раскрытию сущности социальной действительности, к разрешению противоречий. Все эти вопросы могут

найти свой ответ в процессе исследования мыслительных процессов социального критического мышления личности.

По нашему мнению, критическое социальное мышление – это такой подвид социального мышления, который отличается более сложным видом мыслительной деятельности, позволяющий вынести здравое суждение о социальной действительности, социальных связях, социальных ситуациях и противоречиях, через функционирование собственных мыслительных процессов субъекта [4, с. 15]. Основной целью нашего исследования и явилось изучение мыслительных процессов в критическом социальном мышлении.

Реализация этой цели, в первую очередь, предполагает исследование влияния эффектов критического мышления на процессуальный аспект мышления. В западной психологии мы находим многообразие эффектов критического мышления: эффект контраста, эффект взаимного обмена, эффект авторитета, эффект контекста и др. Эти эффекты существуют только на уровне описательных характеристик [7, 12].

В своих экспериментальных исследованиях мыслительных процессов в критическом социальном мышлении мы опирались на понимание мышления как процесс в исследованиях С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, В.В. Селиванова; понимание операций социального мышления в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Г.Э. Белицкой, А.Н. Славской, М.И. Володиковой, В.В. Знакова, Л.В. Темновой и др.; экспериментальные исследования особенностей процесса мышления при решении нравственных задач Темновой Л.В.; экспериментальные исследования взаимосвязи процессуальных и смысловых характеристик мышления при решении задач Селиванова В.В.; а так же нашими исследованиями мыслительных процессов при реализации эффектов критического мышления (Гудкова М.В.) [4, 5].

Для исследования мыслительных процессов в реализации критического социального мышления, нами была использована социальная задача (нравственная задача) и система «контраст – подсказок» к ней. «Контраст-подсказки», в отличие от традиционно применяемой методики изучения мышления (С.Л. Рубинштейн, К.А. Славская, А.В. Брушлинский и др.), представляли собой единую цепь последовательного контраста отдаления от первоначального решения задачи, что способствовало формированию мыслительного процесса испытуемых. Мы использовали единую цепь «контраст – подсказок», которые воспроизводили последовательность базовых моментов эффекта контраста, что способствовало продвижению к решению или не решению социальной задачи.

Гипотезой исследования выступили следующие основные положения:

1) реализация эффектов критического мышления происходит за счет стагнации основных параметров мыслительных процессов субъекта таких как, уровень прогноза искомого, уровень соотношения условий и требований задачи, уровень характера развертывания процесса анализа через синтез, что не приводит к высоким уровням обобщения и абстрагирования при решении социальных задач;

2) стимуляция аналитико-синтетической деятельности будет приводить к формированию более высоких уровней критического социального мышления, меньшей подверженности человека эффектам критического мышления.

В исследовании приняли участие 125 испытуемых (60 мужчин, 65 женщин), в возрасте от 17- 35 лет.

При исследовании взаимодействия процессуального и операционного плана в реализации критического социального мышления, мы предлагали испытуемым подумать над проблемой разрешения или запрета усыновления российских детей

иностранцами гражданами. Эта нравственная задача в большей степени давала возможность для реализации наших исследовательских целей, т.к. она имеет множественность путей решения.

Изучение механизмов процесса критического социального мышления происходило методом микросемантического анализа протоколов исследования (А.В. Брушлинский). Проводимый нами микросемантический анализ, позволял понять направление изменения рассуждения, степень новизны высказывания, зарождения сомнения, т.е. непосредственно специфику мыслительного процесса критического социального мышления.

Само экспериментальное исследование проходило в три этапа. На первом этапе испытуемым предлагалось свободно высказать свое мнение по данному вопросу. На втором и третьем этапах эксперимента мы предъявляли испытуемым «контраст – подсказки», т.е. использовали эффект контраста, и затем анализировали особенности протекания мыслительного процесса у испытуемых. На этих этапах ставилась цель исследовать характер принятия -отвержения «контраст – подсказок» и особенность дальнейшего протекания мыслительного процесса.

По результатам ответов испытуемых об усыновлении российских детей иностранцами гражданами на каждом этапе экспериментального исследования мы получили следующие результаты (см. рис. 1).

Рис. 1.

Категории ответов испытуемых на каждом этапе
экспериментального исследования

1 этап эксперимента	2 этап эксперимента	3 этап эксперимента
категории ответов на начальном этапе свободного рассуждения	категории ответов на 1 этапе действия эффекта-контраста	категории ответов на 2 этапе действия эффекта-контраста
1. Испытуемые, которые давали однозначные ответы (либо да, либо нет). (75,2 %)	1. Испытуемые, которые сразу же поменяли свое мнение на противоположное. (71,6 %)	1. Испытуемые, которые снова поменяли свое мнение на противоположное. 38,5 %
2. Испытуемые, которые выражали сомнение по данному вопросу, но придерживались однозначного мнения. 17,6 %	2. Испытуемые, которые не изменили своего мнения, но их ответы имели ограничительный характер. 18,1 %	2. Испытуемые, которые поменяли свое мнение, но их ответы имели ограничительный характер. 36,5%
3. Испытуемые, которые видели двойственную сторону социальной проблемы. 7,2 %	3. Испытуемые, которые пришли к пониманию двойственности социальной проблемы. 10,3 %	3. Испытуемые, которые не изменили своего мнения и их ответы имели ограничительный характер. 25%

Для подтверждения-опровержения основной части гипотезы исследования возникла необходимость проанализировать степень изменчивости показателей следующих параметров мыслительных процессов: уровня прогноза искомого, уровня соотношения условий и требований задачи, характера развертывания процесса анализа через синтез в зависимости от действия эффекта контраста на разных этапах мыслительного поиска. Для этого мы использовали метод субъективного шкалирования и качественного описания.

В качестве меры зависимости между переменными использовался коэффи-

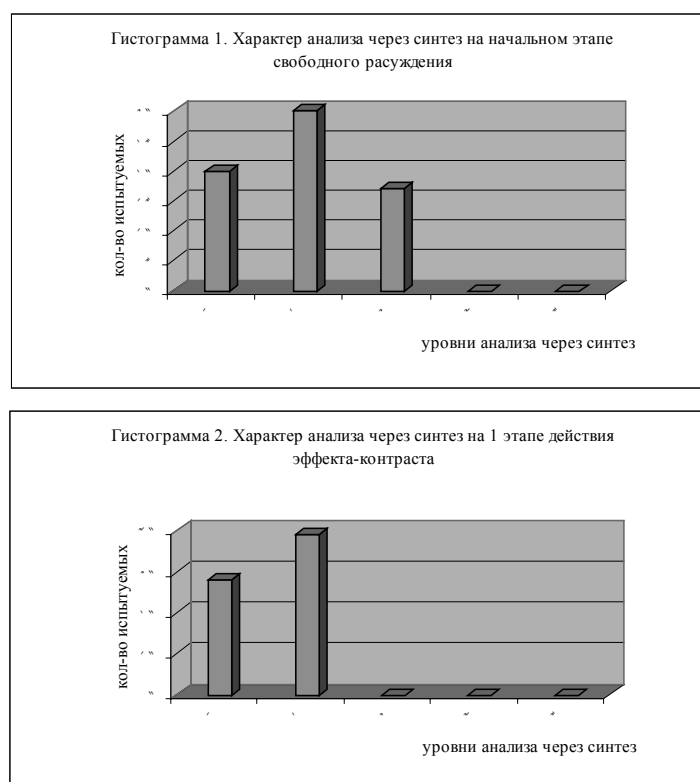
циент корреляции G (гамма). Выбор этого коэффициента обусловлен двумя факторами: тем, что переменные измерены в порядковой (ординальной) шкале и эти переменные содержат много повторяющихся значений [13, с. 109-111]. Мы получили статистически значимые коэффициенты корреляции зависимости реализации эффекта контраста от изменения исследуемых параметров мыслительных процессов: характера развертывания анализа через синтез ($r = -0,84$; $p < 0,000..$), уровня прогноза искомого ($r = -0,75$; $p < 0,000..$), уровня соотношения условий и требований задачи ($r = -0,65$; $p < 0,000..$).

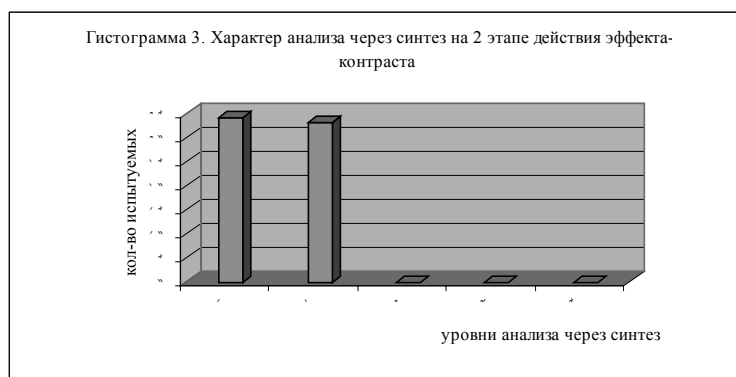
Вместе с тем коэффициент корреляции, указывая на существование интенсивности той или иной связи между явлениями, мало, что говорит о характере проявляющейся закономерности. Значимый коэффициент корреляции свидетельствует о наличии тесной связи между развертыванием основных параметров мыслительного процесса и реализацией эффекта контраста, но он не дает нам ответа на вопрос о причине и следствии, о главном и второстепенном. Поэтому нами предпринято, прежде всего, качественное рассмотрение влияния эффектов критического мышления на мышление как процесс.

Показательны протоколы испытуемых, которых мы отнесли к первой категории каждого этапа эксперимента. Эта категория испытуемых примечательна тем, что после каждого использования нами эффекта контраста, они изменяли свое мнение. Каждый раз они подвергались действию эффекта критического мышления – эффекта контраста. Их подверженность обусловлена стагнацией основных параметров мыслительного процесса, в частности, основного механизма мышления как процесса – анализа через синтез. Данная закономерность наглядно представлена на гистограммах, где после действия эффекта контраста мыслительный процесс испытуемых не превышает 1 и 2 уровней, т.е. ненаправленного анализа через синтез (рис.2).

Рис.2.

Гистограммы динамики изменения анализа через синтез на разных этапах эксперимента у испытуемых, подверженных воздействию эффекта контраста





Подверженность действию эффекта критического мышления объясняется тем, что у испытуемых этой категории на начальной фазе мыслительного процесса практически не проанализированы исходные условия и требования задачи. Прогноз результата решения крайне свернут и не расчленен. Эти испытуемые изначально пытались именно ответить на поставленный вопрос, они исследовали и видели только однонаправленное решение этого вопроса. Например, испытуемая Н.П. (29 л.) на вопрос ответила: «Порассуждать, конечно, можно. А с другой стороны, чего здесь рассуждать, эта тема нашумевшая, и по телевизору идут постоянные обсуждения. Лично моя точка зрения - однозначно, нельзя запрещать».

У испытуемой, таким образом, условия задачи не включены в иной контекст, выходящий за пределы того, что дано, ею не анализируется усвоение во всем его многообразии, не противопоставляется российское усыновление и иностранное, условия жизни у нас и за границей, ответственность и контроль с обеих сторон и т.д. Все ограничивается лишь ответом на вопрос - запретить или разрешить? Стоит подчеркнуть, что искомого, как некоего плана действий, идеальной структуры, еще нет. Искомое как бы равно требованию задачи (запретить - не запретить). Требование на данной фазе выступает как внешнее по отношению к условиям. Изначально условия задачи не соотносятся с ним. Такое требование (не дифференцированное испытуемым от искомого) сворачивает мыслительный процесс, не способствует проблематизации и дальнейшему разворачиванию мыслительной активности. Преобладание ненаправленного анализа через синтез обусловлено немногочисленными включениями объекта исследования в возможные различные связи и отношения с другими объектами.

После использования нами эффекта-контраста, в зависимости от первоначального мнения испытуемых, мы заметили, что испытуемые снова начинают придерживаться однозначного решения, при этом они меняют свое первоначальное мнение, и идут на поводу «контраст — подсказок». Они не проводят тщательный анализ всей предложенной им информации. Их мыслительный процесс синтезирует все эмпирические данные в один целостный образ (положительный или отрицательный). У испытуемых формируется жесткая логическая цепочка выводов, основанная на всех эмпирических данных. Эта информация в их осознании начинает существовать не независимо от поставленного основного вопроса задачи, т.е. первоначальная точка зрения не разворачивается, не анализируется, не вступает в новые отношения с поступающей информацией, а сворачивается, и на первый план выходит образ, созданный эффектом контраста.

Соответственно, за счет слабых операционных схем, сформированных на первом этапе протекания мыслительного процесса, происходит свободное разрушение собственного мыслительного образа. На данном этапе испытуемые все еще не видят неоднозначность решения социальной проблемы, не разворачивая активно

анализ через синтез, они с легкостью меняют свое мнение. Эмпирические данные ситуации, сформированные эффектом контраста, принимаются как эталон к последующему принятию решения. Новые виды объединений не приводят к формированию абстрактного поля видения проблемы. Например, испытуемый В.Л. (22 г.), который был против того, чтобы разрешить усыновление, после эффекта поменял свое мнение: «Да, я думал, что у нас дело обстоит гораздо лучше, а здесь теперь и не знаешь... Конечно, я согласен, каждый должен иметь право на счастье, и ребенок, и женщина, и казенная жизнь — тоже не жизнь. Нет, нет, нет — нельзя запрещать усыновление, пусть усыновляют, а то получается ни себе, ни людям». Таким образом, испытуемые данной категории были подвержены действию эффекта контраста.

Это происходит из-за низкого уровня обобщений условий и требований основной задачи. Мыслительный поиск здесь находится на начальной фазе — «ненаправленного анализа»; прогноз искомого крайне свернут, поскольку операционная схема еще не выкристаллизовалась, и испытуемые пытаются найти решение путем наименьшего сопротивления — принять эффект контраста за окончательный ответ.

На третьем этапе экспериментального исследования нами снова использовался эффект — контраста, но уже противоположный по отношению к предыдущему. И данная категория испытуемых снова поменяла свое мнение на противоположное. Данная группа испытуемых на протяжении всего экспериментального исследования никак не могла определиться с мнением. Их позиция формировалась только на той информации, которую мы предъявляли. У них эффект не анализируется, а синтезируется с эмоциями и желанием занять определенную позицию. Их анализ проходил только в рамках поступающей информацией, данная информация не развертывалась в больший контекст. Отсутствие сравнительной операционной схемы привел к скудности ответов, а также влиянию эффекта на качество принимаемого решения. События воспринимаются и анализируются ими как дискретные. Мыслительный синтез равнозначен в этом случае неумению выделять компоненты структуры предъявляемого стимула (эффекта) или же способности так или иначе комбинировать составные части объекта.

Другая группа испытуемых — это те, которые не были подвержены действию эффекта — контраста. Нами они отнесены к третьей категории первого и второго этапов эксперимента. Эти испытуемые, которые, либо сразу увидели двойственную сторону данной проблемы, либо пришли к осознанию двойственности путем разнонаправленного направленного анализа через синтез за счет множественного включения объекта исследования. Эти испытуемые, сразу же реагируют на глобальность проблемы. Наличие ответов с ограничительным характером являются подтверждением недизъюнктивности решения данной социальной проблемы. Направленный анализ через синтез приводит к высоким уровням обобщения у данных испытуемых, мыслительный поиск достаточно развернут, операционные схемы развернуты, структурны. Продуктивная аналитико-синтетическая деятельность приводит к высоким уровням абстракции, что позволяет достаточно широко взглянуть на данный вопрос.

На данном этапе, у данной группы испытуемых проблематизация имеет четкую структуру, выделяются условия и требования задачи. Так же нужно отметить, что характер прогнозов в решении данной задачи достаточно активный, что свидетельствует о достаточной осознанности ответственности по данному вопросу, т.е. субъект отчетливо понимает свою ответственность за принятое им решение. У данной категории испытуемых высокий уровень критического социального мышления. Эффекты критического мышления не приводят к стагнации мыслительного

процесса - анализа через синтез, наоборот мыслительный процесс разворачивается, эффект глубоко анализируется. Например, Испытуемый К.Н. (32 г.) говорит: «Да, эта проблема очень серьезная. Многие специалисты бьются над этой темой в законодательном плане и никак не могут прийти к определенным мнениям. Этот вопрос имеет свои внутренние противоречия. Можно проголосовать против усыновления, тогда мы лишаем наших детей права быть любимыми в семье...; а можно и разрешить, но тогда здесь будет риск, и мы будем подвергать риску детей... Вот... Мне трудно склониться к какой-то позиции.... Это серьезно...».

Во всех случаях принятия-непринятия контраст — подсказок, обнаружение - необнаружение двойственности решения задания определялись, прежде всего, реальным, достигнутым уровнем обобщения субъектом условий и абстрагированием требований основной задачи. Исходным в принятии-отвержении «контраст — подсказок» оказывается наличный уровень мыслительных процессов испытуемых, мера глубины анализа ими условий и требований задачи. Однако характер мыслительной работы по обобщению познаваемого объекта будет в определенной мере определяться способностью субъекта обнаружить эффекты критического мышления, т.е. уровнем развитости критического социального мышления. У испытуемых с развитым критическим социальным мышлением легче происходило обобщение, абстрагирование и перенос формируемых способов анализа объекта.

Таким образом, в наших экспериментальных исследованиях были выявлены особенности мыслительных процессов в критическом социальном мышлении. Гипотеза нашла свое подтверждение полностью.

Основываясь на полученных экспериментальных данных и на результатах их интерпретации, можно сформулировать следующие итоговые выводы настоящего исследования.

1) Критическое социальное мышление обладает специфическим характером поисковой деятельности, т.е. не обладает абсолютно завершенным поиском ответа на поставленный вопрос, как это обычно бывает при решении математических, физических и др. задач. Для критического социального мышления характерно наличие неоднозначных ответов (умение субъекта объединять две противоположности).

2) При решении социальных проблем субъект должен понимать полную ответственность за принятое им решение. Необходимо рассматривать проблемы не в одной, а в разных плоскостях. Широкое видение проблемы — залог критического социального мышления.

3) В основе обнаружения или не обнаружения эффекта контраста лежат параметры мыслительной активности: уровень анализа испытуемыми соотношения условий и требований задачи, мера абстрагирования ведущего противоречия проблемы и т.д. Следовательно, когда субъект по ходу мышления как процесса (его основного механизма — анализа через синтез (направленного)) углубляет свой анализ социальной задачи, это приводит к выявлению эффекта контраста — обнаружению возможности двойственности решения данной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни.- М.: Мысль, 1991.- 299 с.
2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение.- М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. — 392 с.
3. Брушлинский А.В., Воловикова М.И. О взаимосвязях процессуального (динамического) и личностного (мотивационного) аспектов мышления // Психологические исследования познавательных процессов и личности / Отв. ред. Ковач Д., Ломов Б.Ф. — М.: Наука, 1983.- С. 84-96.
4. Гудкова М.В. Когнитивная динамическая модель эффекта контраста. // Актуальные проблемы

-
- современной психологии: сборник научных статей. Вып. 4. – Смоленск: Универсум, 2005. – С. 35-39.
5. Гудкова М.В. Тренинг развития мыслительных процессов, обеспечивающих развитие критического социального мышления субъекта. – Смоленск: Универсум, 2006. – 56 с.
 6. Знаков В.В. Психология понимания правды. – Санкт – Петербург: Алтейя, 1999. – 281 с.
 7. Психология влияния. - 4-е изд., перераб. и доп. / Р. Чалдини. - СПб.: Питер, 2003.-288 с.: ил.- (Серия «Мастера психологии»).
 8. Рубинштейн С.Л. О природе мышления и его составе: Психология мышления. - М., 1991. – 73 с.
 9. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта (второе издание). – Смоленск: Универсум, 2003.- 312 с.
 10. Славская К.А. Мысль в действии (психология мышления). – М., 1968.
 11. Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Обнаружение противоречий как начальный этап формирования задачи // Искусственный интеллект и психология. – М., 1975. – С. 176-204.
 12. Халперн Д. Психология критического мышления. - СПб.: Издательство «Питер», 2000.- 512 с.
 13. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. 3-е изд. – М.: ООО «Бином-Пресс», 2007 г. – 512 с.
 14. Guilford J.P., Hoepfner R. The analysis of intelligence. – NY, 1971.
 15. John F. Kihlstrom and Nancy Cantor. Social intelligence.// Handbook of intelligence. Cambridge, 2000 – p. 358-379.
 16. Schustack M.W. Thinking about causality // R.J. Sternberg, E.E. Smith (eds.) *The psychology of human thought*. - Cambridge University Press, 92-115.

Аннотация: В статье Гудковой М.В. раскрывается теоретическое понимание особенностей мыслительных процессов критического социального мышления. Представлено экспериментальное исследование процессуальных и операционных сторон критического социального мышления. Впервые представлены и экспериментально выявлены мыслительные процессы, обеспечивающие реализацию эффектов критического мышления, экспериментально проверено влияние эффектов на снижение критического мышления; исследовано взаимодействие процессуального и операционального плана в критическом социальном мышлении субъекта.

Annotetion: In the paper written by M.V. Gudkova a theoretical comprehension of some peculiar properties of critical social thinking has been disclosed. An experimental part of the study involving both processual and operational aspects of critical social thinking has been presented. Thinking processes providing realization of critical thinking effectiveness have been presented and disclosed. The influence of the effects on the decrease of critical thinking has been tested; the interaction of proctssual and operational aspects of the critical thinking has been investigated.

Лыкова В.С.,

Смоленский областной институт
усовершенствования учителей,
доцент кафедры педагогики,
кандидат философских наук, доцент;
Филиал Московского психолого-социального института
в г. Рославле Смоленской области,
заведующая кафедрой гуманитарных,
естественнонаучных и математических дисциплин

**ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТАТЬЯ ПЕРВАЯ
(онтологический, гносеологический и антропоцентристский аспекты)**

Причины необходимости и возможности философско-педагогического осмысления образовательной ситуации в России заключаются:

1) в обновлении социально-экономической и политической ситуации в государстве: изменился способ производства — власть и средства производства перешли в другие руки;

2) в изменении образовательной ситуации в государстве, заключающейся:

- в изменении содержания образования;
- в изменении ценностных ориентиров общества и личности;
- в изменении форм общественного и личностного сознания;
- в изменении требований к личности выпускника общеобразовательных школ, вузов;

- в изменении требований к личности педагога. Организовать образовательный процесс, обеспечивающий формирование личности, отвечающей требованиям времени, может только преподаватель с обновлённым миропониманием, являющимся теоретико-методологической основой его профессиональной деятельности;

- в необходимости осуществления образовательной деятельности на высоком учебно-методическом и научно-методическом уровне. Преподаватель ежедневно входит в учебную аудиторию, и у него нет времени ожидать стабилизации образовательной ситуации в государстве. Ему нужно учить и воспитывать сегодня и сейчас. При этом любой уважающий себя педагог изначально предполагает получение положительных результатов в своей профессиональной деятельности;

- в негативном влиянии внешней среды на формирование нравственных качеств личности, вследствие чего у педагогов-практиков возникает необходимость изыскивать новые возможности формирования достойных граждан России.

- в появлении и функционировании наряду с государственными негосударственных образовательных учреждений;

- в перманентном реформировании образовательной системы в России, последний этап которой получил название модернизации российского образования. Слово «модернизация» произошло из английского языка и обозначает «усовершенствования», которые делают общество соответствующим современным требованиям, отказ от старых форм и поиск новых. Модернизация по кардинальности похожа на революцию, а по постепенности на реформу. Таким образом, произошла не просто формальная замена понятия «реформа» на понятие «модернизация», а происходит принципиально новый процесс в современной системе образования;

- перспектива вступления России в Болонский процесс. «В итоге — образование изменяется так, что оно станет действительно чем-то иным, станет другой образовательной системой — и что важно подчеркнуть — становится *движением действительно вспять*, от сегодняшних кризисных явлений и, как долго казалось, результатов реализации ошибок в реформировании образования, к его полному и окончательному развалу» (1, С.5) Система образования в государстве приобретет новые качественные образования.

Определение философско-педагогических основ современного образования предполагает рассмотрение философских концепций, выступающих в качестве методологии человековедческих наук, в том числе и педагогики, и исследование следующих проблем:

- онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты философско-педагогических основ современного образования;
- антропоцентристский характер современного образовательного процесса;
- духовно-нравственный аспект философско-педагогических основ современного образования личности как духовного биологически-социального существа;
- состояние современного общества и степень влияния положительных и отрицательных факторов окружающей среды на формирование личности, взглядов человека на явления бытия, на реализацию его творческих способностей;
- источники способности личности в современных условиях сохранить себя, свои индивидуальные особенности, а также источники развития личности педагога и обучающегося;

Философско — педагогическое осмысление образовательной ситуации в России возможно в рамках *философии образования*. Философия образования — это раздел философии, который рассматривает образование как общественный процесс и выводит анализ процессов, происходящих в этой сфере человеческого бытия, на более высокий уровень философского осмысления. Философия образования осуществляет исследования на основе имевшихся ранее и последних достижений философии, а также педагогики и психологии, которые в свое время являлись органической составляющей философии и оформились в самостоятельные науки относительно недавно: психология — в XVII веке, педагогика — в XVIII веке.

Философско-педагогическую основу современного российского образования могут составить, на взгляд автора, ряд следующих положений. В их числе: «Мир есть целое, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум» (Н.Н. Страхов)

Итак, первое: Мир есть гармоническое и органическое целое.

Целостность мироздания объясняется его заключенностью в пространстве и времени, вещественностью, движением, наличием единой Идеи развития мира, наличием единого разумного мыслительного центра — человека.

Данное положение может быть доказано на основе философских воззрений Н.Н. Стрхова (1828-1896).

1) Н.Н. Стрхову присуще объяснение целостности мироздания его заключенностью в пространстве и времени. Обосновывая мысль о пространстве и времени как интегрирующей основе мира, философ в основу своих воззрений положил представление о наиболее общих формах бытия как имеющих реальное значение и отражающих истинное определение самих вещей.

Н.Н. Страхов отрицает представление о пространстве и времени как бытия,

не имеющего границ, характеризующегося неподвижностью и непроницаемостью. Мир, по Н.Н. Страхову, заключается в пространстве и, следовательно, части пространства отличаются так же, как и части мира. Реально существующее пространство, не только содержит в себе тела, но и содержится в самих телах; мировые явления совершаются во времени, но они по самой сущности временные.

Мировое пространство и время не суть те пустые формы, которые не имеют никакой связи с тем, что в них содержится. Отсутствие хаоса в мире возможно только потому, что каждое тело занимает свое место, и каждое явление совершается по своему пути, следует одно за другим в строгой последовательности, и, следовательно, мировое пространство, содержащее эти места и эти пути, «держит на себе мировой порядок». Таким образом, пространство и время, по Страхову, есть та основа, которая обеспечивает целостность мира и его гармонию (порядок).

2) Утверждение Н.Н. Страхова, что «мир есть целое» базируется также на вещественной целостности мира. Вещественную целостность мира философ обосновывает двумя путями:

а) доказав силлогизм, человек есть животное, животное есть организм, организм есть вещество, мыслитель приходит к выводу, что все есть вещество.

б) Пространство, по Страхову, не только содержит в себе тела, но и содержится в самих телах. Но тела есть вещество, содержащееся в пространстве; явления есть проявление вещественных форм во времени, то есть все есть вещество.

3) Однако вещественная целостность мироздания не удовлетворила Н.Н. Страхова. Есть целое, но нет единства. Н.Н. Страхов же убежден, что мир есть не только целое, *мир есть единое целое*, так как существует единая Идея развития мира. Такого единства мироздания возможно достичь только при условии одухотворенности мироздания, признании, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа.

4) Но *мир есть* не только целое, единое целое, но и *связное целое*, так как одухотворенное вещество предполагает движение. Значит, все явления в мире взаимозависимы и взаимопроникаемы. Сложность мировых процессов заключается в их постоянном движении и постоянном изменении.

Н.Н. Страхов отождествляет понятия движение, развитие, жизнь. Одухотворенная материя, находящаяся в движении, есть жизнь. Следовательно, заключает Н.Н. Страхов, *мир* есть живое существо, организм. Таким образом, мир по Н.Н. Страхову, не только целое, не только единое целое, не только связное целое, но и *стройное целое*. Мир, как целостная система, организм имеет части более важные и менее важные. Части и явления организма не просто связаны, а соподчинены.

5) Соподчинение частей представляет согласованность, гармонию, образует гармоническое целое. Рассуждая таким образом, Н.Н. Страхов приходит к заключению, что мир, как живой организм, должен иметь *разумный мыслительный центр*. И этим *центром является человек*. Как главный орган мира, человек связывает его в одно целое, осознает величие и осмысливает явления мироздания. Без человека, по мысли Н.Н. Страхова, существование мироздания теряет смысл, ибо картина мира сама себя не видит и сама себя не осознает. Это доступно только человеку. Целостность и гармоничность мироздания означает закономерность явлений бытия. Закономерность же явлений бытия есть условие познаваемости мироздания. Задача науки — познать сущность предмета или явления. Познание осуществляет человек, связующий воедино духовную и материальную сущности мироздания.

Второе: «Познание возможно и нам доступно» (Н.Н. Страхов)

Философские рассуждения о познании Н.Н. Страхов начинает с предпосылки, что конечная цель познания - достижение истины, возможно и человеку доступно. Истинное познание поднимается до высших начал философии. Важнейшее методологическое положение теории познания об органической взаимосвязи познавательной деятельности человека с наиболее общими формами природного бытия - пространством и временем, Н.Н. Страхов раскрывает, основываясь на признании объективности существования пространства и времени. При этом он исходит из того, что общие формы бытия определяют основные формы познавательной деятельности человека.

Мыслитель выделяет три рода внешнего чувственного познания мира: чувства субъективные (вкус, обоняние главные из них), объективные (зрение, слух), субъектно-объективные (осязание) и, при этом, уточняет, что у человека имеется только два внешних объективных чувства познания мира (зрение и слух), так как существует только две существенные формы природы - пространство и время, то есть наиболее общие формы бытия определяют формы познавательной деятельности человека.

Познание мира эмпирическим путем основано на восприятии пространства. Пространственные характеристики (объекты) познаются (порождаются) в форме ощущений, восприятий. Явления и перемены, совершающиеся в предметах, основаны на восприятии времени, познаются путем разума и отражаются в теоретических знаниях. В наиболее чистом виде они воспринимаются работой души через интуицию, так как время - категория интуитивная.

Н.Н. Страхов, понимая представление как следствие восприятия действительного существования процессов и предметов внешнего мира, указывает на зависимость человеческих представлений от свойств пространства и времени, поясняя, что именно представление имеет две определенные формы - пространство и время; оно обнаруживается только в этих формах и притом одновременно в той и другой.

Единство форм бытия и познания мира философ доказывает положением, что представление необходимо должно иметь две формы и что они должны быть именно такие, как, во-первых, пространство, во-вторых, время. Одновременно, Н.Н. Страхов уточняет, что все душевные явления (страсти, желания) происходят только во времени. «Представить их в пространстве однакоже никак не можем». (2,с.412) Следовательно, познание законов (порядка) бытия возможно в органической взаимосвязи с пространством и временем.

Познание обусловлено мыслительной деятельностью человека, высшими формами которой является мышление и сознание. Мышление (разум) философ понимает как деятельность души. Духовная сущность является той силой, которая формирует вещество (тело), обуславливает движение материального мира, проявляется в процессе бытия и представляет собой «особую сферу, наш внутренний мир».

Ведущую роль в процессе познания мыслитель отводит субъективистскому (чувственно-интеллектуальному началу). Высшим уровнем познавательной деятельности человека, по мысли Н.Н. Страхова, является сознание, в котором переплетаются духовная сущность человека, «требующая для себя особого понятия», и материальный мир. Сознание — это совокупность мыслительной деятельности человека и присутствия оценочного элемента в определении сущности объектов и явлений бытия.

Процесс познания есть двойственный процесс (взаимодействие объекта-

субъекта), представленный в единстве материального и духовного как результат познавательной деятельности человека в пространстве и времени, как итог процессов и явлений мироздания; субъективный элемент Н.Н. Страхов рассматривает как необходимое условие достоверности познания. Таким образом, новой является идея философа о том, что наиболее общие формы природного бытия определяют формы познавательной деятельности человека.

По мнению некоторых учёных методологическую основу современной педагогической науки составляют такие философские направления как «экзистенциализм, прагматизм, диалектический материализм, неотомизм, неопозитивизм и др.» (3,с.95).

1) *Экзистенциализм* (существование). Согласно экзистенциализму свобода состоит в том, чтобы человек не выступал как вещь, формирующаяся под влиянием естественной или социальной необходимости, а «выбирал» самого себя, формировал себя каждым своим действием и поступком. Тем самым человек несет ответственность за всё совершенное им, а не оправдывает себя «обстоятельствами»;

2) *прагматизм*. Согласно прагматизму знание истинно, если оно получено в процессе практической деятельности человека и полезно для него. Для прагматиков не существует объективного научного знания;

3) *диалектический материализм*. Согласно данному философскому направлению мир материален, находится в движении и развитии, обусловленности единством и борьбой противоположностей, свойственной всем вещам и явлениям природного мира;

4) *позитивизм*. Согласно позитивизму единственным источником подлинного знания являются только специальные науки, опирающиеся на эмпирический опыт. Задача науки ответить на вопрос: не почему происходит то или иное явление, а как оно происходит;

5) *неопозитивизм*. Это философское направление приоритет отдаёт методам познания, а не его содержанию: главное «не знания», а методы их приобретения. Слабость педагогики неопозитивисты усматривают в том, что в ней доминируют бесполезные идеи и абстракции, а не реальные факты.

Полноценное познание законов бытия возможно осуществить в образовательном учреждении. «Образование — это система, позволяющая реализовать целенаправленное развитие интеллекта обучающегося посредством научной организации учебно-воспитательного процесса, что возможно сделать в условиях образовательного учреждения, дающего через реализацию учебных планов и программ школьнику, студенту системные знания о природе и обществе.

Образование — система, позволяющая передавать знания от поколения к поколению, формирующая личность, вырабатывающая методологию жизни.

Реализация этих благородных целей возможна при соответствующем содержании образования, ориентированном на общечеловеческие ценности, мировую культуру, изучение основ философии, этики, эстетики, человековедения, истории религии и других гуманитарных дисциплин.

Образование — это система самообеспечения, самовоспроизводства., программа жизни общества, способствующая сохранению жизнеспособности нации, ее генофонда, интеллекта, огромного мира, созданного русскими. Именно образование принципиально работает на будущее, предопределяя личностные качества каждого человека, его знания, умения, навыки, мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а в конечном итоге — экономический, нравственный, духовный потенциалы Личности, общества, цивилизации» (4,с.24-25).

Третье: Философский принцип антропоцентризма есть основа современного образовательного процесса. Сошлемся сразу же на Н.Н. Страхова: «Не из обстоятельств истекает величие и достоинство человека».

Антропоцентризм - это тип философии, сутью которого является восприятие человека как центра мира и венца эволюции природы. Выражением такой мировоззренческой установки стал гуманизм — учение, провозглашающее человека высшей ценностью. Истоки антропоцентризма восходят к античной философии, а именно, к Сократу (470-399 гг. до н.э.), который смысл человеческой жизни видит в познании человеком самого себя. «Познай себя», главный тезис философии Сократа. Метод исследования Сократа, который можно назвать субъективной диалектикой, предполагает активное размышление человека о самом себе.

Ярко выраженный антропоцентристский (личностный) характер носит философия эпохи Возрождения (XV - начало XVII веков). Это философия, в которой преобладает культ человека, его духовности, способности к творчеству, красоты, свободы и величия. Философия этого периода главным считает всестороннее и творческое развитие человека.

Такой взгляд на человека позволяет, с одной стороны, предъявлять к нему высокие требования, а с другой, показывает его неограниченные возможности в познании и преобразовании им окружающей действительности, что ярко проявилось в философии Нового времени (XVII век), когда проблемы гносеологии (теории познания) пронизывали большинство философских систем. Само же знание рассматривалось с точки зрения его практического применения для обретения власти человека над окружающим миром. Философия Нового времени находилась в тесном взаимодействии с наукой: математикой, механикой, физикой, а ее важнейшим объектом исследования стала природа, источники знания, методы его получения и формы существования.

Философия эпохи Просвещения (XVIII в.) представляет собой культ человеческого разума и восприятие разума как основного орудия преобразования общественных отношений на гуманных человеческих основаниях. Философия эпохи Просвещения опиралась на точные науки: биологию, медицину, физиологию, которые ориентированы на раскрытие сущности природы и человека.

Философский принцип антропоцентризма ярко проявляется и в русской философии, основным предметом исследования которой является человек, личность. Антропоцентристскую, личностную философию можно рассматривать как основу современной философии образования. Русские философы ставили и находили ответы на важнейшие вопросы человеческого бытия: где искать источник развития и саморазвития, совершенствования и самосовершенствования личности.

Эти вопросы стали ключевыми и в современной философской и психолого-педагогической науке.. Такие известные русские философы конца XIX начала XX веков как Н.А. Бердяев, Вл.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, И.А. Ильин и другие определяют человека как основной предмет своих философских исследований, рассматривают его как особое природное и социальное существо, проявление вселенского смысла, уникальное явление бытия.

Н.А.Бердяев (1871-1948), поясняя суть философии антропоцентризма, справедливо замечает, что «загадка человека ставит не только проблему антропологической философии, но и проблему антропологизма или антропоцентризма» (5,с.22). Русские философы, воспринимая человека как уникальное явление бытия, имеют различные взгляды на степень его значимости для мироздания. Так В.С.Соловьёв

(1853-1900) роль человека (человечества) ограничивает познанием мира.

Н.О.Лосский (1870-1965) считает, что в безбрежном океане мирового бытия человеческое я занимает ничтожное место, «однако смелой мыслью оно стремится охватить весь мир, отдать себе отчет об основах строения вселенной, понять, что такое *мир как целое*, постигнуть *смысл* мирового процесса, а вместе с тем определить и свое положение и назначение в мире»(6,с.4), так как личность есть «существо, обладающее *творческой силой и свободой*: она свободно творит свою жизнь, совершая действия во времени и пространстве»(7,с.23). Таким образом, раскрывая глубинную сущность личности, Н.О. Лосский определяет ее как деятельностьную субстанцию.

Взгляд русского философа Н.Н. Страхова на мир как гармоническое и органическое целое является важнейшим теоретико-методологическим положением его философских воззрений, исходя из которого мыслитель объясняет возможность познания мироздания, осуществления бытия, существования культуры. Возвеличив же человека до центра мироздания, выполняющего, как главного органа мира, роль связующего звена между духовным и природным аспектами бытия, определяющего смысл существования мироздания, Н.Н. Страхов представил особый, присущий только ему, антропоцентристский взгляд на устройство вселенной. Философию мыслителя, в центре которой находится человек, с полным основанием можно охарактеризовать как антропоцентристскую.

Н.Н. Страхов указывает, что безграничность понятия «человек» не позволяет точно предвидеть результаты воспитательного воздействия на него. «Из ребенка может выйти великий художник, великий мыслитель, великий деятель, может выйти Аристотель, Колумб, или Шекспир, словом один из тех людей, которых называют благодетелями человечества. Может разумеется выйти не только простой, обыкновенный человек, но даже и человек совершенно ничтожный» (2, с. 111).

Отвечая на вопрос, от каких же причин зависит формирование и совершенствование человека, Н.Н. Страхов указывает: «На этот вопрос обыкновенно отвечают, не запинаясь: от воспитания, от обстоятельств частной и исторической жизни, словом от всевозможных влияний, только не от самого человека. Но жестоко ошибаются те, которые дальше такого взгляда не видят. Не из обстоятельств проистекает величие и достоинство человека» (2,с.111). В доказательство своего утверждения Н.Н. Страхов приводит пример: в благополучной семье растет ребенок. Родители делают все, чтобы из него получился достойный человек.

«Наступают бесчисленные хлопоты: наставления, наказания, награды, книги, учителя и пр. и пр. Наконец питомца везут путешествовать, ему показывают все чудеса образованного мира и представляют весь земной шар во всем его великолепии. Кто же не знает, какие иногда результаты бывают следствием всего этого? Часто не смотря на все труды, причины не производят желаемого действия: книги не дают мыслей, картины природы не дают ощущений, и вообще всевозможные действия на питомца не возбуждают *его самостоятельности*, а нередко даже мешают его развитию» (2, стр.111).

В XIX веке мнение о доминирующем влиянии среды на формирование личности было господствующим. «Так г. Гончаров в своих романах изображает, что воспитание совершенно создает человека. Обломов вышел таким ленивцем вследствие воспитания в Обломовке; Штольц стал таким умницей вследствие умного воспитания, данного отцом; наконец Софья Николаевна Беловодова вышла куклой, потому что с детства все старались сделать ее куклой» (2,с.113).

Пытаясь отыскать истинные причины, влияющие на формирование и разви-

тие личности, Н.Н. Страхов приводит примеры самобытного развития ряда выдающихся людей, когда окружающая среда не только не способствовала их развитию, а наоборот, препятствовала. «Вспомните Ломоносова, бегущего за обозом рыбы в Москву — вот образец многих наших деятелей. Давно ли злые языки старались бросить тень на Гоголя, указывая на то, что он был плохо образован? Но недостаток образования есть вина среды, в которой воспитывался Гоголь, а *божественное пламя таланта* есть его неразделенная слава» (2, стр. 113).

Данные рассуждения позволили философу сделать вывод, что истинно «человеческие, истинно жизненные явления состоят не в слепом подчинении среде, а в выходе из-под ее влияний, в развитии высшей жизни на ступенях низшей. Таков характер человеческой жизни вообще, жизни всех организмов» (2, с.113-114).

Метод исследования человека у Н.Н. Страхова такой же, как и метод исследования мира: его «человек вообще» (2,с.259), «истинно богоподобный человек» есть антропологическое целое, которое им всесторонне изучается и объясняется: «человек есть нечто строго единое и целое. Оно есть существо глубокое и сосредоточенное» (2, с. 87).

В своем философском гимне человеку мыслитель возвеличивает его до центра мироздания: «Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания, он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление и главный орган мира» (2,с. VIII).

Но такое центральное положение человека в мире не только возвышает его, но и налагает величайшую ответственность за происходящее и, в первую очередь, за свои собственные поступки. Человек как носитель духа, проявление которого есть воля, а также разума, проявление которого есть стремление к истине, всегда имеет возможность выбора.

В то же время Н.Н. Страхов понимает, что человек «существо наиболее зависимое. В самом деле, - на него все действует; он подвергается всевозможным влиянием так, что эти влияния не остаются бесплодными, но производят непременно действие» (2, с.168).

Все влияния философ разделил «на два разряда, - такие, которые вызывают развитие, и на такие, которые его подавляют» (2, с.165). Поясняя различия вызывающих и подавляющих влияний, Н.Н. Страхов указывает, что подавляющие «влияния могут иметь величайшую силу, могут задерживать развитие до полного его уничтожения. Как бы велик духом или силен телом ни был человек, камень или пуля достаточны для того, чтобы исчезло все его величие и вся его сила. Точно так и нравственные влияния могут ослаблять и пересиливать стремления духа» (2, с.165).

Вызывающие влияния, то есть способствующие развитию, под которыми Н.Н. Страхов имеет в виду воздействие на человека природы, исторических обстоятельств, среды, в которой он живет, только создают условия для совершенствования человека, и от него самого зависит, воспользуется он этой возможностью или нет: «сила их незначительна. Сами по себе они сделать ничего не могут; они могут только пособлять работе развития, только давать ей простор, но не направлять и не производить ее. В этом отношении нужно всегда делать строгое различие» (2, с.165). Внешние обстоятельства подавляют в человеке одни стремления и дают простор другим. «Следовательно, то, что в нем развивается, развивается вполне самобытно, а не производится природою, историей, средою» (2. с.166).

Таким образом, Н.Н. Страхов считает, что благополучное общество есть не-

обходимое условие для успешной реализации человеком творческих способностей, но без активной деятельности человека его нравственное совершенствование невозможно, так как источник совершенствования человека заложен в самом человеке. Выбор остается за человеком.

На такое самосовершенствование способна только личность, которой свойственно высоконравственное состояние души. Человеческая индивидуальность, достигшая большей или меньшей свободы от внешних ограничений (влияний со стороны *не-я*) и обогатившаяся своим собственным духовным содержанием и называется собственно личностью человека. Личность — это свободно-разумное существо, разумно — сознательная жизнь, способная на постоянное развитие по восходящей линии в процессе своего бытия.

«Совершенно ясно, что каждый человек может развиваться только тогда, когда развивает сам себя. Воспитание, образование — собственно не производят развитие, а только дают ему возможность; они открывают пути, но не ведут по ним. Идти вперед по своему развитию человек может только на собственных ногах; в карете ехать нельзя» (2, с.112).

Величие человеческого духа состоит в том, считает Н.Н. Страхов, чтобы противостоять подавляющим влияниям: «для человека вообще нет влияний подавляющих, а все превращается в вызывающие... чтобы ни действовало на человека, организм идет вперед, и все приносит ему пользу, из всего слагается душа человека. Такова сила человеческой самостоятельности» (2, с. 166).

Таким образом, исследование проблемы влияния совокупности факторов на формирование человека, а именно, наследственности, среды и образования как процесса целенаправленного воздействия на личность, с целью достижения прогнозируемого результата обучения и воспитания в интересах общества и личности, позволяет сделать вывод, что доминирующая роль в становлении нравственной личности принадлежит самому человеку. Такая точка зрения сегодня особенно актуальна.

Современное понимание личности, имеющее место в психолого-педагогической науке, как человека с его социально-обусловленными и индивидуально-выраженными качествами и особенностями (характером, темпераментом, способностями, потребностно-мотивационной, познавательной и эмоционально-волевой сферами) или понимание личности как общественной сущности человека (личность — продукт социума), обозначающей совокупность прижизненно вырабатываемых человеком у себя свойств и качеств, не отвечает требованиям времени.

Внешняя среда сегодня не только не способствует формированию высоконравственной личности, но и прививает человеку низменные желания и устремления. Следовательно, возникает вопрос, как человеку противостоять отрицательным влияниям бытия, где найти силы для этого? Ответ на этот вопрос дает личностная, антропоцентристская философия: силы для преодоления негативного влияния внешних обстоятельств человек может и должен найти в самом себе, *«личность — это человек, способный присвоить положительные достижения социума, то есть сделать нравственный выбор, и противостоять отрицательным влияниям бытия, то есть реализовать свою духовную сущность, волю»* (8, с. 34).

Нравственная личность, обогатившая себя положительным опытом социального окружения, давшая правильную оценку отрицательным влияниям и способная противостоять соблазнам бытия, сделает нравственный выбор, безнравственная личность, то есть, антиличность, сделает безнравственный выбор. Именно эта способность человека к самосохранению себя как личности позволяет согласиться

с утверждением Н.Н. Страхова, что «не из обстоятельств проистекает величие и достоинство человека» (2, с.111).

Необходим нравственный образец, ориентируясь на который будет самосовершенствоваться каждый человек в отдельности, а значит, и общество в целом. И Н.Н. Страхов вводит понятие «человек вообще», который понимается им как совокупность положительных качеств отдельных индивидуальностей. Утрата хотя бы одной из них, по мысли философа, обедняет в целом сущность «человека вообще» и смысл мироздания в целом. Поэтому жизнь каждого человека имеет непреходящее значение. «Один день или час жизни значит больше, чем целая пустая вечность, и одно живое существо больше, чем целое небо мертвых звезд» (2, с. 259).

Позднее эта мысль нашла свое выражение в творчестве В.В. Розанова (1856-1919), который в 1894 году писал: «В индивидуальном - основание истории, ее главный центр, ее смысл, ее значительность; ведь человек в противоположность животному - всегда лицо, ни с кем не сливаемое, никого не повторяющее собою, он - никогда не «род»; родовое - в нем несущественно, а существенно - особенное, чего ни в ком нет, что впервые пришло с ним на землю и уйдет с нее, когда он сам отойдет от нее в мир иной» (9, с.V).

Н.Н. Страхов высказывает мысль о том, что чем выше идеал «человека вообще», «тем полнее и глубже будут удовлетворены наши глубочайшие и заветные стремления» (2, с.259). Но если сущность «человека вообще» есть совокупность положительных качеств отдельных индивидуальностей, то это обстоятельство накладывает обязательства на каждого человека: «чем выше мы будем ставить человека вообще, тем скромнее должны быть сами; ...гордость...прилична только человеку вообще, а не нам с вами в частности» (2, с.259). «Человек вообще», (человечество) богоподобен. Это тот нравственный идеал, к которому должен стремиться человек в течение своей жизни в процессе нравственного совершенствования.

«Русская философия, антропоцентричная по своему характеру, всесторонне изучила человека, и задача современной педагогической, как и любой другой общественной науки, состоит в том, чтобы использовать эти знания, так как забвение уже имеющихся исследований задерживает развитие не только отдельных областей человеческого познания, но и общества в целом» (10, с.7).

Н.Н. Страхов по этому поводу пишет, что «...сегодня мы забываем, что сделано вчера, и каждую минуту чувствуем себя так, как будто за нами нет никакого прошедшего, - каждую минуту готовы начинать все сызнова. Наблюдая, как в продолжение десятков лет на сцене нашего умственного мира фигурируют все одни и те же вопросы, постоянно поднимаемые и постоянно не делающие ни шагу вперед, - как одни и те же мнения, предрассудки, заблуждения повторяются без конца, каждый раз в виде чего- то нового, - как не только статьи или книга, а целая деятельность иного человека, горячо и долго работавшего над известной областью и успевшего внести в нее некоторый свет, исчезает, по-видимому без всякого следа, и опять бесконечной вереницей появляются все те же мнения, все те же ошибки, те же недоразумения, та же путаница и бессмыслица, - наблюдая все это, можно подумать, что мы вовсе не развиваемся, не движемся вперед, а только топчемся на одном месте, вертимся в заколдованном кругу» (11, с.225 - 226).

Изучение антропоцентристской, личностной философии Н.Н. Страхова, анализ педагогических проблем, затронутых в его работах, позволяет понять:

- почему в благополучных семьях появляются неблагополучные дети;
- где человеку найти силы в период социальных потрясений в обществе и в

моменты личных стрессовых ситуаций;

- как противостоять негативным влияниям среды, наличие которых в обществе подтверждает ту мысль, что человеческий дух способен впитывать не только положительное, но и отрицательное, а значит, не исключено, что человек, взятый в отдельности, может быть как существом «бесконечно высоким...», но точно также он может быть и существом ничтожным, ... в котором нет даже животных достоинств» (2, с.159).

Историко-педагогическая ситуация, сложившаяся в образовательной системе в начале девяностых годов в России, привела к необходимости актуализации определенных философско-педагогических идей, разработанных в философско-педагогических науках в предыдущие эпохи. Педагог вынужден был обратиться к теории развития личности и философии личности.

«Философский принцип антропоцентризма в современной педагогике реализуется через личностно ориентированное образование. Личностно ориентированное образование — это образование, ориентированное на личность (ЛОО = ООЛ). Личностно ориентированное образование — это не новация, а инновация, так как педагогика личности сформировалась в педагогике в XIX веке. Новация — это явление новое и по форме, и по содержанию. Инновация — это явление старое по форме, но новое по содержанию.

Понятие «личностно ориентированное образование» можно рассматривать как модернизированное название «педагогика личности», также как понятие «личностно ориентированный подход» можно рассматривать как модернизированное название понятия «личностный подход» ЛОП=ЛП]»(12,с.38).

«Личностно ориентированное образование — это системное использование преподавателем всей совокупности педагогических подходов с целью достижения прогнозируемого результата обучения и воспитания школьника, студента в интересах личности и общества». [ЛОО=ИП+ЛП (Л-Д, Л-Ц) + ДП], где ЛОО — личностно ориентированное образование; ИП — индивидуальный подход; ЛП — личностный подход; Л-Д — личностно-деятельностный подход; Л-Ц — личностно-центристский подход; ДП — дифференцированный подход» (12, с.38).

«Личностно ориентированное образование, с точки зрения современной психолого-педагогической науки, можно определить как учет, опору и использование в педагогической деятельности психолого-физиологических особенностей каждого обучающегося с целью создания оптимальных условий для его максимального самообучения, самовоспитания и саморазвития с учетом способностей, возможностей, желаний и зоны ближайшего развития (ЗБР)» (12, с.38-39).

«Личностно ориентированное образование — это не смена педагогических технологий, а изменение педагогическим работником своего миропонимания и взаимодействия с этим миром. Педагогические подходы (индивидуальный, личностный, дифференцированный) прицельно направлены на личность обучающегося, который изначально является основным субъектом и центром образовательного процесса. Образовательный процесс носит антропоцентристский характер» (10,с.9).

Изменение педагогом своего миропонимания и взаимодействия с этим миром означает изменение его сознания. В этом заключается философская сущность личностно ориентированного образования. «Сознание — высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности. Сознание представляет единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия в нем.

Объективная же действительность сегодня заключается в изначальном признании обучающегося личностью, основным субъектом образовательного процесса, основанном на самообучении, самовоспитании и саморазвитии. Действия педагога по отношению к ученику (студенту), принимают осознанный характер. Осознанные же действия можно рассматривать как действия, спроектированные с учетом потребностей, норм, способностей личности» (13, с.57-58).

При личностно-ориентированном образовании доминируют субъект-субъектные отношения. Понимание того, что главной целью образовательного процесса как системы способов взаимосвязи обучения и воспитания является максимальное развитие индивидуальных особенностей школьника (студента) через его субъектную учебную познавательную деятельность — это и есть ни что иное, как изменение педагогом своего сознания. Суть этого изменения заключается в признании несомненного приоритета личности обучающегося в процессе обучения и воспитания (14, с.9-10).

Преподаватель, руководствующийся философским принципом антропоцентризма (в центре образовательного процесса, в центре внимания педагога находится личность обучающегося), реализуемым через личностно ориентированное образование, видит в каждом учащемся (студенте), личность, развитие и совершенствование которой нужно направить в заданном направлении. Образование приобретает антропоцентристский характер. Антропоцентризм в образовании окончательно оформился в XX веке. Антропоцентристская, личностная философия образования, ориентирована на развитие всех сфер личности обучающегося — потребностно-мотивационной, познавательной, эмоционально-волевой и составляет важнейшее положение философско-педагогических основ современного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1) Дырин А.И. К вопросу об управлении образованием как системой и его насущных проблемах в свете начатой страной реализации Болонской декларации. // Вестник МГОУ №3. Серия «Философские науки». М. Изд-во МГОУ, 2006
- 2) Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб., 1872.
- 3) Сластенин В.А. и др. Педагогика. М., 2000.
- 4) Лыкова В.С. Нравственность и учебно-воспитательный процесс в школе-интернате. // Социальная адаптация и психолого-медико-педагогическая реабилитация детей в условиях специальной коррекционной школы-интерната восьмого вида. Материалы НПК. Смоленск. 1999.
- 5) Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999
- 6) Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995
- 7) Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. М., 1998
- 8) Лыкова В.С. Философия Н.Н. Страхова (1828-1896) как теоретико-методологическая основа обновленного миропонимания современного педагога. // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск №. Челябинск. 2003
- 9) Розанов В.В. Ф.М. Достоевский. (Критико-биографический очерк). / В кн. Полн. собр. соч. (Ф.М. Достоевского). Т.1. М., 1894. С. VI
- 10) Лыкова В.С. Философско-педагогические основы современного образования. // Опыт, проблемы и перспективы подготовки специалистов в негосударственных образовательных учреждениях. Материалы I Всероссийской НПК. Москва-Рославль. 2006.
- 11) Страхов Н.Н. Критические статьи об И.Е. Тургеневе и Л.Н. Толстом. СПб., 1885
- 12) Лыкова В.С. Философско-педагогические основы современного образования (духовно-нравственный аспект). // Опыт, проблемы и перспективы подготовки специалистов в высших учебных заведениях России. Материалы II Всероссийской НПК. Смоленск-Рославль. 2007
- 13) Лыкова В.С. Вера в человека, вера в его личность. // Образование и рынок, 1997, №3
- 14) Лыкова В.С. Социально-философская сущность личностно ориентированного образования. // Психолого-педагогические исследования в системе образования. I Всероссийская НПК. Часть I. 25 июня 2003. Москва-Челябинск. 2003

Аннотация: В статье Лыковой В.С. исследуются философско-педагогические основы современного российского образования, раскрываются онтологические, гносеологические и антропоцентристские аспекты образовательного процесса. Целостность мироздания рассматривается как условие закономерностей процессов, происходящих в мире и, следовательно, как условие познаваемости мира. Личностно ориентированное образование представлено как способ реализации философского принципа антропоцентризма в образовании.

The summary: In Lykovej V. S.'s clause (article) philosophic-pedagogical bases of modern Russian formation(education) are investigated, are opened ontologism, gynecological and антропоцентристские aspects of educational process. Integrity of a universe is considered (examined) as a condition of laws of the processes occurring in the world and, hence, as a condition of cognoscibility of the world. Личностно focused formation(education) is submitted as a way realization of a philosophical principle антропоцентризма in formation (education).

Лыкова В.С.,

Смоленский областной институт
усовершенствования учителей,
доцент кафедры педагогики,
кандидат философских наук, доцент
Филиал Московского психолого-социального института
в г. Рославле Смоленской области,
заведующая кафедрой гуманитарных,
естественнонаучных и математических дисциплин

**ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТАТЬЯ ВТОРАЯ
(духовно-нравственный и аксиологический аспекты)**

Четыре: Человек есть духовное биосоциальное существо. «Человеческая жизнь ясно представляет две стороны, — духовную и телесную. Только отсюда, зная дух в самих себе, мы распространяем его на другие организмы» (Н.Н. Страхов)

Духовность — понятие, производное от слова дух. Дух, философское понятие, означающее идеальное начало мира. Вопрос о соотношении духа (идеи) и материи есть основной вопрос философии.

Понятие духовность имеет различные смысловые оттенки:

- светское;
- светско-философское;
- религиозное.

Светское понимание духовности рассматривает духовность как «свойство общественного и личностного сознания, которое характеризуется высокой моралью и нравственностью, высоким интеллектом, основано на общечеловеческих ценностях и принципе гуманизма» (1, с.23) и включает следующие составляющие:

- моральную основу (писанные правила), законы, по которым живут члены данного общества. Это предполагает разработку справедливых законов в государстве, которые защищают интересы каждого гражданина и которые являются действенными;

- нравственную основу (неписанные правила), которыми руководствуются члены общества в повседневной жизни, что предполагает бережное отношение к традициям, обычаям, обрядам своего народа. Высокие морально-нравственные критерии этноса — неременное условие патриотизма, любви к большой и малой Родине, гарантирующей целостность и безопасность государства;

- интеллектуальную основу, что, в свою очередь, предполагает бережное отношение к генофонду нации. Высокий интеллект нации есть гарант прогрессивного развития общества в целом, высокого авторитета государства на международной арене. Отсутствие или недостаточная сформированность хотя бы одной из составляющих духовности делает ее неполноценной, ущербной (2, с.40).

«Духовность — высшие стороны внутреннего мира человека, которые проявляются в человечности, сердечности, доброте, искренности, теплоте, открытости для других людей. Духовность основывается на широте взглядов, эрудиции, культуре, общем развитии личности. Потеря духовности равна потере человечности» (3, с.117-118). «Л.Н. Толстой считал лучшим из людей того, кто живет своими мыслями

и чужими чувствами, худшим — человека, эгоистически ориентированного на себя, подчиняющего свои суждения не истине, а выгоде» (4, с.212). Формирование духовных потребностей личности — важнейшая задача воспитания.

Светско-философское понимание духовности предполагает возвышение человека до *признания творческого начала мира*, признание духовной сущности человека на осознанном уровне.

Вся философия, начиная с античной и заканчивая современной, признает идеальное начало мира. Так, Н.Н. Страхов пытается примирить начала современного научного реализма с идеалистическими принципами отвлеченной философии: в случае невозможности объяснения явлений бытия на основе данных естественно математических наук, мыслитель находит объяснение в запредельном.

Теория познания Н.Н. Страхова основывается, и в этом также ее особенность, на признании наличия высочайшего Существа, предопределившего законы мироздания, что, однако, не означает абсолютной заданности бытия, а предполагает творческую деятельность человека. Вывод философа о невозможности познания мира только методами естественных наук привел его к необходимости искать ответы на явления бытия в области философии. Выйдя за пределы естественных наук, Н.Н. Страхов обосновывает мнение о единстве материального и духовного в человеке.

Н.Н. Страхов, представив человека как духовное существо, которому свойственно высоконравственное состояние души, в основу теории духа положил идею, нашедшую дальнейшее развитие в творчестве В.С. Соловьева, в трудах Н.О. Лосского, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, также рассматривавших человека как существо, духовное начало которого понималось ими как основа познания бытия, самого себя и считавшими, что человеческому духу свойственно стремление к пониманию истины, к подтверждению веры разумными основаниями.

Н.А.Бердяев хотя и не отводит человеку роль центра мироздания, считает его особым существом: «человек есть существо, принадлежащее к двум мирам и не вмещающееся в этот природный мир необходимости...» (5,с.38). По мнению Бердяева, духовность - основное отличительное свойство человека: «Духовный элемент в человеке означает, что человек не только природное существо, что в нем есть сверхприродный элемент»(5,с.32)

В работе «О назначении человека» (1931), характеризуя сущность человека, Н.А. Бердяев пишет: «Разгадка бытия для человека скрыта в человеке. В познании бытия человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира» (6, с.50). В работе «О человеке, его свободе и духовности» Н.А. Бердяев указывает на то, что человек «сознает себя не только природным существом, но и существом духовным» (5, с.22).

Человек, согласно воззрениям С.Л. Франка (1877-1954), как и животное, «входя в состав «этого» мира и в нем соучаствуя, одновременно возвышается над ним, имея в себе иную, сверхмировую инстанцию, в которой он дистанцируется от этого мира» (7,с.322), а «вера человека в самого себя, кульминирующая в самообожествление» (8,с.59.), основывается на «сознании особой, исключительной ценности человека» (8,с.59), аристократичности его происхождения, вере в некую абсолютную ценность и вере «в интимную близость человеческого духа к этому высшему началу, в его исконное сродство с ним» (8, с.59).

Знания, полученные на основе духовной деятельности человека, Н.Н. Страхов считает наиболее достоверными и точными. Восприятие философом человека как

духовного биологически-социального существа в единстве духа, души и тела, осознающего всю меру ответственности за настоящее и будущее, соответствует требованиям времени. Это основа обновленного миропонимания современного педагога.

Философские воззрения Н.Н. Страхова, рассматривающего мир как гармоническое и органическое целое, центром которого является одухотворенный человек, сегодня приобретают особую актуальность. В начале двадцать первого века человек начинает понимать, что его аристократическое положение в мироздании возлагает на него величайшую ответственность. Состояние современного общества обязывает человека, наконец, осознать меру своей ответственности за сохранение жизни на планете, за формирование образа жизни, достойного его высокому предназначению.

Наука досконально изучила вещественную природу человека: его могут разобрать и собрать по частям как мотор машины, поддержать в руках почки, печень, сердце. Но никто еще не поддержал в руках любовь и ненависть, радость и горе, гнев и ревность, зависть и страх. Никто не может ответить на вопрос, откуда берет человек силы в период социальных потрясений в обществе, в моменты личных стрессовых ситуаций, в моменты физических и нравственных страданий. Ответы на эти вопросы можно найти в области философии, признав, что у человека есть некое надорганическое начало. Именно человек, по мысли Н.Н. Страхова, обладает активным действующим началом - духом, представляющим собою «особую сферу», его «внутренний мир».

Именно такое понимание сущности и значимости человека позволяет дать философское обоснование антропоцентристскому характеру образования, проявляющемуся в том, что в центре внимания педагога всегда находится личность обучающегося, исторического деятеля, философа, литературного героя, автора учебника, ученого и т.д. Антропоцентристский характер образовательного процесса предполагает диалог личностей в образовании, который оформляется в диалог эпох, культур.

Религиозное понимание духовности предполагает веру человека в Бога и отправление религиозного культа.

Церковь в Российской Федерации отделена от государства. Большинство педагогов в своей педагогической практике руководствуются светским и светски-философским пониманием духовности. Восприятие человека не просто как материального, вещественного, биосоциального существа, а как *духовного* биосоциального существа, позволяет педагогу находить в человеке новые источники его внутреннего развития и совершенствования, а именно, апеллировать к духовной сущности человека: к его душе, которая проявляется через чувства и стремится к Красоте; к его духу, который проявляется через волю и стремится к Добру; к разуму человека, который проявляется в представлениях и стремится к Истине.

Восприятие русскими философами человека как духовного биосоциального существа, осознающего всю меру ответственности за настоящее и будущее, соответствует требованиям времени и открывает перед педагогом новые возможности для совершенствования своего педагогического мастерства и активизации самосовершенствования личности независимо от внешних влияний и даже вопреки негативным влияниям, которыми полна современная действительность. Восприятие человека как духовного биосоциального существа может и должно составить одно из положений философско-педагогических основ современного образования.

И, наконец, пятое: Этические категории высшего порядка есть аксиологическая основа современного образования. ...Мы никогда не можем вовсе потерять чувство истинного идеала человеческой жизни» (Н.Н. Страхов)

Ориентация на высшие нравственные ценности определяет перспективу развития по восходящей линии как для общества в целом, так и для каждого человека в отдельности. Бытие неотделимо от постижения истины, святости, любви, то есть представляет собой особый вид деятельности или одухотворенное познание, формы которого - искусство, религия, нравственные нормы.

Человек в этом случае характеризуется как субъект культуры, сохраняющий, творящий и распространяющий духовные ценности. В отличие от европейских философов, считавших единственным путем прогрессивного развития общества научно-технический прогресс, русская философская мысль источник совершенствования человеческого бытия видела в духовной жизни народа

Ценность бытия определяется теми нравственными категориями, которыми руководствуется человек, общество в процессе жизни. Ценности и есть социальная форма органического принципа. Они являются той живительной силой, которая способствует как духовному совершенствованию каждого отдельного человека, так и прогрессивному развитию общества в целом. Аксиологический аспект в русской философии выходит на первый план: чтобы мир стал лучше, лучше должны стать люди: каждый человек в отдельности и общество в целом. Философско-аксиологическая проблематика стала органической составляющей современной педагогики. Педагогическая мысль стремится определить те ценностные ориентиры, которые могут быть положены в основу образовательного процесса.

Н.Н. Страхов сформулировал гармоничный идеал нравственного самосовершенствования человека, который является не единовременным актом, а постепенным переходом от простого к более сложному чувствованию мира. Эту постепенность Н.Н. Страхов назвал ступенями: первая - справедливость, вторая - милосердие, третья - святость, проявляющаяся в деятельности человека, в личностном и общественном бытии.

Задача земного существования - это внутреннее совершенствование личности, которое достигается не отдельными моментами, а всей жизнью человека. Духовная культура общества не является надстройкой, органично вплетенной в социально-политические движения народа, а выступает в единстве личностного и общественного бытия, основой которого является высоконравственная личность, руководствующаяся категориями справедливости, милосердия, святости.

По Н.Н. Страхову, в жизни «мы должны соблюдать во всех наших делах справедливость, т.е. никого не обманывать, никому не вредить, не нарушать чужих прав и интересов, ...» (9, с.201). Принцип справедливости есть право человека поступать справедливо, «значит совершать только такие действия, на которые я имею право. А право я имею делать все, в чем мое благо не противоречит благу других людей» (9, с. 203).

Принцип справедливости, по мнению мыслителя, органично связан с такой философской категорией как свобода. Но эта свобода относительная. Человек свободен в своих поступках только до тех пор, пока его действия не нарушают права других людей. «В этих границах я свободен, и каждый имеет право на такую свободу. Это не значит, чтобы как-нибудь уже рождались с этими правами. Нет, очевидно, эти права - плод человеческого разума, плод долгой истории» (9, с. 203).

Философская категория справедливости предполагает достоинство личности, которое поддерживается и умножается тем, что каждый член общества уважает

права других, и все другие уважают права каждого. «Теперь мы за каждым человеком признаем достоинство личности, признаем, так сказать, законность каждого эгоизма, и требуем только, чтобы все эгоизмы уравнивались, не мешали друг другу. Ибо таково самое простое и самое общее разрешение задачи мирного сожительства людей» (9, с.203).

Для соблюдения порядка и защиты человеческого достоинства существует государство. Государство же обязано охранять права каждого человека на основе справедливости. «А для того, чтобы этот порядок соблюдался, мы устроим государство, которого первая и неотложная обязанность есть именно ограждение прав каждого лица, устранение всякой несправедливости» (9, с. 203).

Государство «со своими юридическими формами есть истинная школа первоначальной нравственности - оно учит различать свое и чужое право» (9, стр.204). Соблюдение принципа справедливости - основа благополучия каждого человека в отдельности, процветания государства в целом, а также условие позитивного сотрудничества различных государств. Таким образом, этическая категория справедливости рассматривается Страховым как в личном плане (личностное качество человека), так и в общественном, как норма для построения взаимоотношений между людьми и государствами.

Анализ размышлений Н.Н. Страхова о принципах построения государства позволяет провести аналогию с принципами построения платоновского государства и установить их тождественность: в основе государственного устройства Н.Н. Страхова и Платона лежит принцип справедливости, который обеспечивает взаимоотношения между людьми и государствами, защиту интересов и прав каждого человека.

Второй ступенью нравственного самосовершенствования человека является «милосердие, любовь к ближнему» (9, с.201), предполагающее наличие у каждого человека таких качеств как честность, доброта. «Когда человек полюбит такое душевное настроение и такую деятельность, то он во всяком деле будет думать не о своей пользе, а о пользе других, он захочет ... всю свою жизнь отдать не служению ближним» (9, с.201-202). Дело в том, что государство «еще не ручается нам за добрые отношения между людьми и не устраняет злых отношений» (9, с.206), поскольку каждая свободная сделка, даже каждый разговор, может быть или взаимною услугою или же взаимною борьбою.

«Закон тут не может ничему помочь, потому что он может только устранять всякую внешнюю насильственность ... борьбы, но не может предписать внутреннего согласия» (9, с.206). В самом внутреннем мире человека, недоступном закону и насилию, есть другое начало, которому человек может только свободно подчиняться и которое одно только способно уничтожить противоречие наших прав и обращать борьбу эгоизмов в содействие и согласие. «Это начало - доброта сердца, милосердие, любовь к ближним» (9, с.201-202). Жизнь для других, в основе которой взаимная любовь, милосердие, по Страхову, может составить цель человеческого существования. Более того, «для земной жизни это идеал».

Однако справедливость и милосердие это только ступени к высшему нравственному идеалу - святости. Святость Н.Н. Страхов определил как высочайшую степень нравственного совершенства человека. Любви к людям, желания помочь им недостаточно, чтобы содействовать истинному благополучию других. Для полной реализации добра нужно специфическое свойство его носителя, то есть святость, как наивысшее проявление справедливости и милосердия. По Страхову, святость

является побуждающим началом, активизирующим действия человека на пути к третьей степени нравственного совершенствования, ориентир, предопределяющий сознательную активную жизнь человека.

Таким образом, у Н.Н. Страхова на первый план выдвигается нравственная характеристика личности. Аксиологический аспект антропоцентристского философского наследия Страхова является определяющим в его философских воззрениях. Чтобы мир стал лучше, лучше должны стать люди - справедливее, милосерднее, непогрешимее. Это основной определяющий фактор качественной характеристики общества, не зависящий ни от государственного строя, ни от политики, ни от людей, находящихся у власти.

Человечество интуитивно всегда завышает планку требований к себе, создавая этим самым перспективу для дальнейшего совершенствования. Сегодня, в условиях кажущейся девальвации истинных ценностей, педагог в своей практической деятельности руководствуется все-таки этическими категориями высшего порядка, составляющими аксиологическую основу его профессиональной деятельности, так как понимает, что это позволит получить желаемые результаты в его профессиональной деятельности, не потеряв «чувство истинного идеала человеческой жизни».

Объектом изучения педагогики является образование как система, а предметом - «образование как реальный целостный педагогический процесс, целенаправленно организуемый в специальных социальных институтах», в центре которого находится человек, личность» (10, с.76). Философия, как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, общая методология процесса познания является основой для анализа объекта, предмета педагогики и определения философско-педагогических основ современного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1) Лыкова В.С. Нравственность и учебно-воспитательный процесс в школе-интернате. // Социальная адаптация и психолого-медико-педагогическая реабилитация детей в условиях специальной коррекционной школы-интерната восьмого вида. Материалы НПК. Смоленск. 1999
- 2) Лыкова В.С. Философско-педагогические основы современного образования (духовно-нравственный аспект). // Опыт, проблемы и перспективы подготовки специалистов в высших учебных заведениях России. Материалы II Всероссийской НПК. Смоленск-Рославль. 2007
- 3) Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. Минск- Москва: Харвест, АСТ, 2001.
- 4) Современный словарь по педагогике. Минск: Современное слово, 2001.
- 5) Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды. М., 1999.
- 6) Бердяев Н.А. О назначении человека. Париж. 1931
- 7) Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
- 8) Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1993.
- 9) Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892
- 10) Сластенин В.А. и др. Педагогика. М., 2000.

Аннотация: В статье Лыковой В.С. исследуются философско-педагогические основы современного российского образования. Восприятие человека как духовно-биосоциального существа, осознающего всю меру ответственности за настоящее и будущее, предполагается соответствующим требованиям времени. Аксиологическую философско-педагогическую основу современного образования составляют этические категории высшего порядка и рассматриваются как условие совершенствования профессиональной деятельности педагога и образовательной системы в России с целью формирования высоконравственной личности. Философия как наука о все-

общих законах развития природы, общества и мышления, общая методология познания представлена как основа для анализа объекта, предмета педагогики и определения философско – педагогических основ современного образования.

The summary: In Lykovej V. S.'s clause (article) philosophic-pedagogical bases of modern Russian formation (education) are investigated. The perception (recognition) of the person as the spiritual biosocial essence realizing all measure of the responsibility for the present and the future is supposed to corresponding requirements of time. Аксиологическую the philosophic-pedagogical basis of modern formation(education) is made with ethical categories of the maximum(supreme) order and are considered(examined) as a condition of perfection of professional work of the teacher and educational system in Russia with the purpose of formation of the highly moral person. The philosophy as a science about general laws of development of the nature, a society and thinking, general methodology of knowledge is submitted as a basis for the analysis of object, a subject of pedagogies and definition philosophic -pedagogical bases of modern formation (education).

Музяков С.И.,

кандидат философских наук, доцент,
докторант кафедры философии и религиоведения
Военного университета МО РФ (г. Москва)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ВОИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Безусловно, одной из важнейших проблем для жизнедеятельности любой системы является наличие понятных и устойчивых норм деятельности, дисциплины и порядка в обществе и государстве. Большинство исследователей придерживается точки зрения, что стремление к социальному порядку заложено в человеке изначально, так как без организующих начал невозможна какая либо деятельность. Примечательно в этом смысле высказывание немецкого философа Г. Данглера, который отмечал, что основной задачей философии с самого ее возникновения является поиск надежного основания для упорядочения нашей жизни, на котором бы покоилось как знание, так и деятельность. Поэтому вся история философии, можно сказать, есть поиск ценностных оснований жизни и деятельности (1).

Другой, не менее известный немец Н. Луман отмечает, что подобно любой другой системе, общество как система имеет свою окружающую среду, от которой система сама себя отличает и с которой она соотносится. Это своего рода необходимое условие, основание для успешного функционирования любой системы(2). Например, для воинской деятельности окружающей средой являются иные ценности, чем для других видов деятельности (производственной, педагогической, юридической и т.д.). Но с другой стороны, именно благодаря ценностям эти подсистемы образуют систему. «Система находит свою важнейшую ориентацию, продолжает Н. Луман, не в определённых состояниях самой себя или окружающего мира, а в своей соотнесённости с меняющимся ценностным пространством»(3). К примеру, взятая сама по себе, вне соотнесённости с ценностной средой, воинская деятельность не может гарантировать удовлетворения потребностей общества.

Ценности, как известно, являются одним из важнейших факторов социальной интеграции, то есть условием обеспечения единства общества как целостной системы. Любая система стремится к устойчивости и равновесию. В сущности, всякое общество, осознаёт оно это или нет, занимается регуляцией деятельности, направленной на сохранение равновесия системы. По утверждению известного польского философа С. Лема: «Самые “необъяснимые” с точки зрения наблюдателя иного культурного круга виды общественных связей и законов, заповедей и “табу” всегда были направлены в принципе к одной и той же цели: уменьшить хаотичную произвольность индивидуальных действий, свести на нет всё это разнообразие — потенциальный источник нарушения равновесия»(4).

Русские философы также выделяли важные аспекты в характере этой проблемы, обосновывая особый методологический угол зрения на социальность. Они занимались поисками формообразующих принципов социального мира, определяя базисные основы экзистенциально-индивидуальной и социально-коллективной надежности. Такой тип рациональности был представлен русскими консерваторами XIX века, причем в социально-философском ее варианте(5). В их представлениях мы находим тесно взаимосвязанные фундаментальные понятия: ценность, основа, норма, благо. Не столько целевое, сколько ценностное причинение кладет онтологический предел беспредельному социальному движению. Аристотелевское «то, ради чего» акцентируется в аспекте «каким образом» и «зачем» поддерживается дан-

ное смысловое измерение(6). Русские консерваторы, по мнению А.Деникина, исходили из того убеждения, что посредством цельного знания бытие понимается, и в этом состоит подлинная сущность духовно-практического освоения мира, гарантирующая социальную стабильность. Вместо онтологии истории и природы предлагается онтология ценностей и норм(7). Соответственно трансформируется онтология взаимоотношений объекта и субъекта.

Русский консерватизм XIX века выдвигает свою версию «антропного принципа» в социальной философии. Эту позицию в целом можно представить в следующем виде: «Ценностная основа жизни не нуждается в рациональном обосновании, потому что сама является материнским лоном любых форм освоения мира, в том числе и рациональных. Для русского консерватизма аксиологический фактор является неустранимой реальностью и отправной точкой исследования»(8).

Специфика русского консерватизма заключается в том, что его не интересует трансцендентальная субъективность (классический рационализм), равно как и индивидуальная субъективность (философия жизни, экзистенциализм и др.). Изначальная установка на всеобщее предполагает соответствующую систему методов исследования. *Во-первых*, объяснение бытия социальной системы осуществляется в аспекте поиска ценностного субстрата мироздания. «Своеобразие русской культуры XIX века состоит в ее повышенном чувстве идеала..., вечного идеала, а не просто «нравственности», что является более частным, поверхностным и многих подводило...»(9). *Во-вторых*, тотальность ценностного момента в постижении бытия. Теоретическая рефлексия, откровение, эстетическое переживание, нравственная убежденность, стремление к прагматическим целям подчинены аксиологическому контексту. *В-третьих*, ценностная детерминация осуществляется из настоящего, т.е. социальное бытие возможно потому, что в обществе всегда есть статичные ценностные отношения, которые формируют мотивацию субъекта.

В иерархической структуре мира социальные феномены изначально имеют ценностный статус, они приобретают его в определенный момент, ценностные отношения сохраняют и воспроизводят социальную реальность, мотивируя активность субъекта. «Именно поэтому, отмечает К.Леонтьев, с волнениями в России можно было справиться, что в душах бунтующих были глубокие консервативные начала, потому что все наши бунты имели более или менее самозваннический или мнимолегитимный характер»(10).

Согласно русскому консерватизму, социальный идеал статичен и представляет собой предел коллективных целеустремлений. В неклассической ветви гносеологической парадигмы понятия утопичности нет, социальный идеал реализуется здесь и сейчас, как ближайшая причина социальных изменений, а его носители разнокачественны и сменяемы(11). Такой тип обустройства социальной жизни критикует К.Леонтьев: «... Плутократически-либеральное устройство общества есть самое бессодержательное, ненадежное и беспринципное из всех общественных устройств. Нет ни сильных, привычных обществу привилегированных властей, ни могучих, вне либерального благоденствия стоящих и поэтому дисциплинирующих это общество, - идеалов...»(12).

Главная особенность ценностных отношений, по мнению русских консерваторов, состоит в том, что они включают в себя не только должное, но и желаемое, связанное со свободным выбором, душевным стремлением. Поэтому, ценности выражают такие отношения между людьми, которые не разъединяют, не отчуждают одного человека от другого, а объединяют, собирают людей в общности любого по-

рядка: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом, включая, как отмечал П.А. Флоренский, в это единство человечности весь мир(13).

По мнению ряда ученых(14), признать нечто ценным, целью деятельности — значит соотнести его с имеющимся опытом, показать его важность и значимость для жизни людей. Но если оценивание представляет собой процесс соотнесения некоторых явлений между собой по их значимости для человека, то из этого следует, что ценность включает в себе отношение значимости. В структуре значимости можно выделить объект оценивания, оценивающий субъект и само ценностное отношение, которое является одним из видов связи по разрешению противоречия между человеком и окружающим его объективным миром.

Было бы недостаточно констатировать, что ценности представляют собой отношения, содержанием которых является значимость объекта для субъекта. Необходимо также выяснить, что представляет собой эта значимость — объективные характеристики предметов и явлений действительности или качества (свойства), которые субъект приписывает этим предметам и явлениям.

Когда говорим о значимости, то мы признаем важность идеи или предмета для проявления активности личностью. Социальная значимость понимается нами как способность человека оказывать влияние на ход определенных событий. Именно к ней стремится человек как социальное существо.

Каким образом решается проблема социальной значимости в русской философской мысли XIX века? Если экзистенциализм рассматривает ценности в русле влияния индивидуально-антропологического фактора на историю, то в русской философской традиции, особенно её консервативной ветви, прослеживается обратная логика. Для него ценностная сторона является основой общественного развития. Предмет его рассуждений — исправное функционирование Отечества, и в этой схеме ценностная сторона первична по отношению ко всем структурно-функциональным и личностным компонентам общественной жизни.

Модус социальной значимости в русском консерватизме неразрывно связан с ценностями. Здесь социальные смыслы представляют собой выделенный, особый регион бытия. В отличие от феноменологии они не являются идеальными объектами мысли, на которые направлено индивидуальное сознание. Напротив, они сами составляют содержательную значимую сторону феноменов сознания. С помощью социальных значений является и объективируется коллективное сознание. Значение — духовное содержание социальности, а смысловое единство имеет социологические корни. Такое ценностное сознание деятельно и «программирует» социальность. Понимание социальных смыслов уже есть Благо, а целеполагающая деятельность по определению становится ценностной.

Таким образом, отметив различные методологические позиции и подходы в отношении социальных ценностей общества и армии, необходимо отметить следующее. При рассмотрении ценностной проблематики в названных подходах и не только, усматриваются четыре момента.

Во-первых, любая система должна развиваться по имманентным нормам. Процедура организации различных форм деятельности предполагает учет общечеловеческих норм в виде духовных ценностей, идеалов, значений, традиций, обычаев той или иной социальной организации.

Во-вторых, система социальных ценностей связывается с признанием их объективного характера, на который наслаиваются субъективные свойства. Мы придерживаемся данной точки зрения, поскольку объективный момент в ценностях

опосредован потребностями и интересами субъекта. Исследуя природу ценностей, необходимо сделать вывод, что субъективный момент возрастает на протяжении переходов от потребности к интересу и от интереса к ценности. Ценность вообще может существовать в виде субъективной структуры личности, равно как и в форме объективированных отношений в виде некоторых свойств результатов человеческого труда. Но противопоставление различных форм ценностей (материальных, духовных, общечеловеческих, целевых, инструментальных, групповых, личных и т.д.) и представление одной из них в качестве истинной неправомерно, потому что само содержание ценностного отношения едино.

В-третьих, определяя ценность в качестве единства объективного и субъективного, саму объективность понимают так, что ценностные явления формируются помимо воли и желания человека. Ценности как определенные модусы выступают в разнообразных отношениях между субъектом и объектом. Единство объективной и субъективной сторон природы ценностного отношения можно понимать и в смысле особого характера независимости от субъекта, то есть в смысле подчиненности ценностных отношений законам социального развития.

В-четвертых, социально значимые модусы задают содержательную определенность активности личности и определяют нормы и смыслы различных форм деятельности. Модусы социальных значений могут выступить основанием для определенной типологии (системы) ценностей. Они служат наиболее тесной точкой соприкосновения или даже “срачивания” личности и общества, ибо по самой своей сути являются целевыми ценностями субъекта деятельности и носят несомненные признаки своего социального происхождения (вне общества они невозможны или немыслимы). Каждый из модусов может иметь целый ряд своих собственных модификаций, некоторые из них будут названы в рамках нашего исследования.

Многие ученые придерживаются той позиции, что легитимизации различных форм деятельности помогают лишь те социальные ценности, которые становятся объективной и субъективной стороной общественного процесса. Например, К.Мангейм утверждает, что ценности не средства манипуляции, а исходная субстанция функционирования всех общественных структур(15). Поэтому воинская деятельность окажется малоперспективной, если она не укладывается в русло основных социальных значений.

Какие же основные социальные значения (ценности) важны в настоящее время для воинской деятельности? Решение этой задачи и выявление модусов социальной значимости в воинской деятельности позволят нам сформировать более обширную систему ценностей, состоящей из нескольких групп. Социально значимыми модусами воинской деятельности, безусловно и в первую очередь, являются: Святость (праведность, духовность), Знание (информация), Слава (популярность, известность), Мастерство (профессионализм), Дело (хозяйство, предприятие), Власть (влияние, ответственность), Богатство (капитал, состояние).

Почти все они могут иметь или приобретать отрицательный знак как по отношению к субъекту деятельности, так и для интересов общества. Так, знание может быть ложным, известность дурной (плохая репутация или известность преступника), власть незаконной или противозаконной, богатство может быть получено преступным путём или мастерство может использоваться в преступных целях и т.д. Но в любом случае с людьми, обладающими этими ценностями, другие люди “считаются”, их “принимают во внимание”.

Целевые ценности, выступающие как модусы социальной значимости, служат

основными стимулами деятельности человека. Стремясь к их достижению, люди проявляют активность, обретая социальную значимость. Но очевидно, что обладание разными ценностями ведет к разной социальной значимости и сказывается на разных сферах жизнедеятельности общества.

Так, значимость воина не равна значимости богача или художника, хозяина, вождя, мастера и т.д., а значимость последних не равна между собой хотя бы потому, что деятельность каждого из них имеет специфический “продукт”. Вождь принимает решение, воин производит “защиту”, мастер производит вещи, хозяин организует использование природных и социальных ресурсов и т.д. Кроме того, способы достижения разных модусов далеки от одинаковости. Нельзя с помощью одной и той же деятельности достичь славы, богатства, святости, власти и т.д. Но это не означает, что один и тот же человек, используя разные виды деятельности, не способен достичь определенного комплекса названных ценностей. Лучше, правда, когда эти ценности хорошо сочетаются между собой (что возможно), то есть некоторые из них могут составлять как бы естественные соединения (но об этом чуть ниже). Но даже несочетающиеся между собой ценности имеют нечто общее. Обычно они имеют общие корни на более высоком уровне.

Тот факт, что эти ценности суть проявления чего-то общего, подтверждается возможностью их превращения одной в другую, хотя и не на взаимной основе. Так, святость может перейти во власть (Жанна д’Арк, аятолла Хомейни), а слава, популярность — в богатство, мастерство — в славу, но обратные переходы не всегда возможны или крайне затруднены (что свидетельствует не об отсутствии взаимосвязи, а о наличии какой-то иерархии между ценностями). Известный преступник может стать известным политиком, можно написать книгу и заработать неплохие деньги, но не всякому богачу удастся подобно Нобелю увековечить свое имя. И, конечно, притча о богаче, которому труднее попасть в Царство Божие (обрести святость), чем верблюду пройти сквозь игольное ушко, может быть истолкована весьма рациональным и земным образом (для чего полезно вспомнить мысль Аристотеля о том, что каждому виду деятельности соответствует свое благо).

Действительно, богач не может обрести святость не потому, что он богат, то есть просто владеет богатством и пользуется им, но потому, что его реальная деятельность не направлена на достижение святости, не имеет ее своей целью. Богач, как деятельное социальное существо, то есть человек, имеющий богатство и занимающийся приращением последнего, ориентирован в своей деятельности не на дух, а на материю, как средство упрочения своего социального влияния. Он погружен в материальное бытие умом, волей и чувствами, оно дает ему радость жизни, являющуюся следствием самореализации этого человека в мире через богатство. Если же он изменит направление своей деятельности и попытается самоутвердиться через служение мыслящему духу (неважно, как он сам для себя трактует это понятие), то тем самым богатство потеряет для него смысл и значение как стимул деятельности. И у него появится, шанс вступить в царство Духа уже здесь, на земле. Очевидно, что одновременное служение и духу, и богатству невозможно, ибо это разнонаправленные деятельности, а попытка совместить их неизбежно влечет внутреннюю лживость и внешнее лицемерие (“Не можете служить Богу и маммоне”)(16).

Существуют другие несовместимые или плохо совместимые ценности, например, власть и святость, хозяйство и святость, потому что в обоих случаях происходит “обмирщение” святости. Напротив, возможны сочетания ценностей, легко совместимых друг с другом. Например, сочетаются знание и святость, богатство и

хозяйство, мастерство и слава. Знание, похоже, сочетается достаточно легко с любой ценностью, особенно если выполняет служебную роль.

В воинской деятельности желательно обладание несколькими хорошо совместимыми ценностями, чтобы добиться социальной значимости и устойчиво обладать ею. Для данного вида человеческой активности знание очень удобно иметь в связке с мастерством (профессионализмом), святостью (духовностью) и ответственностью (властью). В воинской деятельности органически сочетаются все вышеназванные модусы социальной значимости.

Воин со всеми его личностными особенностями может выступать в качестве объекта, имеющего значимость для другого военнослужащего. И в этой значимости одного воина для другого проявляется степень развития воинской деятельности. Когда мы говорим о значимости, больший акцент делаем на той социальной единице (субъекта, индивида), которая стремится к признанию со стороны других субъектов. Представление о социальной значимости как фундаментальной личностной ценности позволяет также лучше понять мотивы человеческого поведения. Но, социальная значимость, как абстракция, приобретает свою легитимность лишь через социальные ценности.

Тем не менее, по своему объему понятия ценности и значимости не совпадают. Это различие можно проследить как минимум по двум основаниям. *Во-первых*, речь идет не просто о значимости, а о социальной значимости, когда объективно затрагиваются потребности и интересы больших групп людей. *Во-вторых*, социальная значимость может быть как позитивной, так и негативной, в зависимости от влияния на общественный прогресс.

Исходя из этого, необходимо признать, что ценности могут иметь как индивидуальную, так и общественную признаки, как положительную, так и отрицательные характеристики (направленности). Такая позиция получила распространение в последнее время в работах ряда известных философов-исследователей(17).

Несмотря на разносторонность и разнонаправленность социальных ценностей необходимо признать, что гуманистическое содержание должно быть исходным признаком ценности. Если значение выражает количественную оценку, то в ценностях отражено качественно-количественное видение объективного мира.

Поэтому *первую группу* ценностей представляют те символы и значения, которые определяют качественно-количественные характеристики человека и его смысловую загруженность в социально-нормативном пространстве. К ним можно отнести, прежде всего, идеалы гуманизма, стремление к истине, добру, красоте. По своему происхождению они всеобщие и являются предельными категориями, которые являются нам как определенные константы. В настоящее время, например, идеалы гуманизма как основная ценностная установка цивилизованного мира постепенно утрачивают свою несомненность и авторитет. И хотя гуманизм составляет идейную основу современной демократии и либерализма, на которую ориентированы все ценности демократического общества (права каждого человека на жизнь, счастье и свободу, записанные в конституциях многих стран мира), но направленность современного массового сознания на потребительские ценности подвергает сомнению нравственные идеалы гуманизма. В новых мировоззренческих концепциях экономического либерализма (особенно чикагской школы) главным вершителем общественного прогресса становится механизм рынка. Предполагается, что законы его функционирования сами по себе превращают алчность и корысть человека в полезную для общества силу, ведущую его к благоденствию. Низшие качества человека,

ранее выбрасываемые общественным сознанием за рамки общественной морали, признаются ценными для процветания общества и индивида. А высокие качества: духовность, доброта, стремление к жертвенному подвигу, в системе ценностей “экономического человека” становятся ненужными и смешными.

Это крушение мировоззренческих идеалов с необходимостью приводит к переоценке ценностей в жизни. От традиционного взгляда на природу человека как изначально добрую мировое общественное сознание поворачивает к прямо противоположной ее оценке. Вместо утопического социализма и общества всеобщей справедливости приходит идея индивидуализма и вульгарного материализма. Предположение, что достаточно лишь изменить внешние условия, чтобы благая сущность человека реализовала себя, и возникло идеальное общество, постепенно заменяется исключительным вниманием к темным сторонам человека. Подчеркивается его склонность к убийству и насилию. Человек расценивается как носитель зла многими представителями мирового общественного мнения.

Во вторую группу социальных ценностей входят те, что выступают в качестве регуляторов межиндивидуальных и межгрупповых отношений, упорядочивая конкуренцию субъектов при достижении целевых ценностей. Это такие ценности, как право, свобода, справедливость, милосердие, солидарность и т.п., перечень которых может весьма различаться в разных культурах. Они социальны по своему происхождению. На их основе способы и результаты достижения целевых ценностей признаются “законными”, “нравственными”, “справедливыми”, поэтому они выполняют функцию своеобразных критериев, нарушение которых может привести к тому, что социальная значимость обретает отрицательное значение. Например, для военнослужащего и гражданского человека критерии значимости будут отличаться, т.к. сфера их деятельности различна. В основании воинской деятельности лежит ответственность особого рода — за свою жизнь и жизнь других людей. Он осознаёт себя причастным к высшей ценности — жизни. В этом плане внутренняя ответственность нанести вред, сотворить что-либо недостойное, обеспечивает процесс внутреннего, осознанного принуждения. И в этом отношении высокая ответственность, долг, честь, достоинство, являются своеобразной цементирующей основой деятельности военнослужащего, его мировоззрения и основой профессионализма.

Пока неясно точное количество этих инструментальных ценностей. Непонятно также, существует ли какой-то общий феномен (общая “праценность”), порождающий их и обуславливающий их появление, или же каждая из подобных ценностей связана с какой-то отдельной высшей общечеловеческой ценностью. Можно сказать, тем не менее, что инструментальные ценности не только упорядочивают деятельность субъектов, но и защищают высшие общечеловеческие ценности. Несомненным является, по нашему мнению, то, что для каждого вида деятельности существует определенный минимум только ей присущих инструментальных ценностей.

В третью группу входят инструментальные ценности, имеющие витальное происхождение. Это жизнь (собственная жизнь человека), ум, здоровье, красота, сила, ловкость и т.п. Наличие этих ценностей, а зачастую и благ, ибо они достаются даром, облегчает достижение целей воинской деятельности. Очевидно, что наличие какого-то минимального уровня интеллекта, данного от природы (скажем, для овладения речью), абсолютно необходимо, чтобы человек состоялся как социальное существо. И ясно, что обладание красотой, силой, умом дает дополнительные возможности для достижения успеха. Более того, на ранних этапах развития общества

(периоды дикости и варварства) эти ценности были ведущими при получении социальной значимости, а ныне, хотя их влияние несколько упало, существенно повышают шансы в жизненной борьбе.

Четвертой группой ценностей следует считать характеристики природной среды. Это природные ресурсы, которые обобщенно можно назвать “вещество”, “энергия”, “пространство”. Они являются целевыми или потому, что служат предметом конкуренции, или потому, что в определенной мере воспроизводятся, но в обоих случаях люди прилагают усилия для обладания ими. Эти ценности интересны тем, что представляют собой природный субстрат богатства, что имеет далеко идущие последствия. Обладая объективными качественными характеристиками, эта группа ценностей независима от субъекта деятельности. Тем не менее, они могут быть причиной серьёзных противоречий в стремлении обладать ими. Основатель феноменологической аксиологии М.Шелер предлагает разрешить возникающие противоречия по поводу обладания такими ценностями следующим образом: положить в основу жизни не принцип конкуренции, не классовую вражду, а принцип солидарности и оценивать блага в соответствии с этим принципом, считать наиболее ценными те материальные блага, которыми может пользоваться возможно большее количество людей (например, воздух, вода, частично земля)(18).

Наконец, *пятая группа* — высшие общечеловеческие ценности, к каковым следует относить Мыслящий дух (Бог или совокупная душа человечества), Общество (родная страна), Человечество (родной народ), Человека (как “ближнего”), Природу, ибо эти явления выступают в качестве безусловных предпосылок существования всех людей, причем в настоящее время для их сохранения требуются все большие усилия каждого по отдельности и всех вместе.

Возможно, как уже отмечалось выше, наличие инструментальных ценностей (право, свобода, справедливость и т.д.) как раз и обусловлено необходимостью защиты этих ценностей от стремления человека “потираться и хватать” (выражение А.Солженицына). Не исключено, что существуют какие-то сложные взаимоотношения между высшими ценностями и “обслуживающими” их инструментальными. Скажем, право защищает интересы общества, а гуманность — отдельного человека (в первую очередь). Может иметь место ситуация, когда две или три инструментальные ценности призваны защитить одну общечеловеческую (например, справедливость и милосердие — отдельного человека). Но пока это весьма туманная проблема, неясно даже, имеет ли она действительный смысл. В целом складывается следующая система ценностей воинской деятельности.

1. Целевые ценности воина, имеющие социальную природу (общественное благо, защита интересов государства и граждан страны).

2. Инструментальные ценности, имеющие социальную природу (право, свобода, справедливость, равенство).

3. Инструментальные ценности, состояния или свойства воина (долг, честь, достоинство, ответственность, дисциплинированность, исполнительность и др.).

4. Ценности природной среды (земля, вода, полезные ископаемые и др.).

5. Высшие общечеловеческие ценности (всеобщая душа человечества (мыслящий дух), жизнь, справедливость).

Вероятно, нет необходимости заниматься анализом каждой из ценностей, названных здесь. Ведь каждая группа ценностей в онтологическом плане связана с другими группами. Только в плане гносеологического осмысления ценностных оснований деятельности мы можем их условно разделить на группы и уровни. В своем

сочетании друг с другом названные группы могут быть систематизированы и иным образом. В процессе своей деятельности человек так и поступает, выстраивая их определенным образом в зависимости от способа деятельности: материальной или духовной.

Поскольку существуют два вида деятельности — материальная и духовная (мыслительная), выделяют материальные и духовные ценности.

Материальные ценности, окружающие бытие человека, представляются его сознанию непосредственно, просто и ясно. Он ощущает и осознает их ценность и значимость для своего физического существования, он их ранжирует по различным параметрам, в том числе, и по степени доступности. Как бы на некоторой “плоскости” своего сознания он раскладывает их в различных вариантах, уподобляясь игроку, стремящемуся найти выигрышную комбинацию. Они воздействуют на сознание человека, стремясь привлечь его внимание, сформировать его в мыслях и чувствах признание их значимости, побудить его к действиям по их достижению, стать доминирующим основанием его жизнедеятельности. Человек, реализуя свои устремления, вступает в разнообразные отношения, опираясь, на сформированное таким ценностным образом, мировоззрение. Происходит упрощение ценностных оснований, подход к ним с позиций “плоскостного”, обыденного мышления, с позиций “здорового смысла”.

Здравый смысл и наша интуиция, выработанные на богатом жизненном опыте взаимодействия с простыми системами, приводят к возникновению определенной схемы ценностных оценок и суждений, вводящих человека в заблуждение, и, тем не менее, пытающегося понять, а тем более, управлять процессами в социальных системах. Весь жизненный опыт человека и процессы его мышления обусловлены, как правило, исключительно опытом взаимодействия с простыми системами, обладающими, так называемыми цепями отрицательной обратной связи первого порядка. Такие цепи называются цепями поиска цели, и подразумевают наличие в системе одной простой и понятной для всех цели. Подобное упрощение М.Хайдеггер называл, бегством от бытия. Он отмечал, что человек бежит от бытия к реальности, материальному миру, все дальше отдаляясь от истины(19). В таком материальном мире человеку становится тесно, и он начинает драться, кусаться и бодаться. В стремлении к первенству начинает действовать не задумываясь. В подобной ситуации наблюдается тенденция к «профанации» или «спекуляции на понижение». Сущность данного явления состоит в сведении «всего и вся» на низшие мотивы. Б. Вышеславцев отмечает, что в теории и практике тенденция «игры» на замещение высших духовных ценностей низшими будет всегда наиболее популярной, так как именно низшие ценности являются для большинства индивидов наиболее убедительными и популярными(20). Яркое подтверждение тому мы обнаруживаем в содержании современного информационного потока, обрушившегося на сознание российских граждан. Убийства, насилие, стремление к богатству любой ценой, фетишизация материальных благ, чувственных наслаждений и развлечений есть доминанты содержания большинства программ, реализуемых в России на радио, теле, кино и видео экранах, в сетях Интернет, в разнообразной печатной продукции, разрушающие ценностные основания человеческой активности.

По утверждению В.Зельманова, там, где духовность искажается или проявляется её полное отсутствие, возникает трагедия, как для личности, так и для общества. «Бездуховность есть подлинная причина порождения преступлений, аморализма, возникновения атмосферы безответственности и вседозволенности. Это, в конеч-

ном счёте, оборачивается для всего общества бесчисленными жертвами, потерями и потрясениями»(21). Применительно к воинской деятельности, потеря ценностных оснований может привести разложению данной системы. Что мы и наблюдаем последние 20 лет. И здесь никакая реформа или модернизация не помогут, коль нет всем понятных социальных значений и ценностных оснований воинской деятельности. Как говорил известный герой М.Булгакова профессор Преображенский, из романа «Собачье сердце», разруха начинается в голове, с разрушения понятных оснований жизни(22).

Духовные и материальные ценности, наполняющие социальное пространство(23), в различных вариациях могут быть представлены в виде общечеловеческих, телеологических, инструментальных ценностей и в своей совокупности составляют сложную систему социальных ценностей, влияющих на мотивацию деятельности военнослужащих.

Резюмируя материалы статьи можно и надо сделать следующие выводы:

1. Рассмотрение социальных ценностей, как мы выяснили, составляют, с одной стороны основу, а с другой — цель в функционировании воинской деятельности. Являясь одним из важнейших факторов социальной интеграции, ценности выступают условием обеспечения единства общества как целостной системы. Но эта целостность обеспечивается именно теми ценностями, которые присущи той или иной общности, той или иной философской традиции. В русской философской традиции поиск системообразующих ценностей, поиск смысла жизни всегда были приоритетными направлениями исследователей. В отличие от аксиологической традиции европейской жизни, где ценностные отношения в основном подчинены внешним явлениям и эффектам, российские традиции, особенно в её консервативной ветви, в большей степени направлены на всеобщий дух, на идеал. Для европейской цивилизованной жизни душа человеку не нужна. И совесть не нужна, потому что в этой жизни внешнее детерминирует над внутренним, организованное явление преобладает над задушевностью. А без совести человек превращается в машину по производству человекоподобных действий, т.е. внешне организованная жизнь приучает тебя поступать без внутренней причины. Как справедливо замечает К.Аксаков: «Европа дает возможность человеку, поступив по закону..., поступить безнравственно»(24). Вот эта возможность и заставляет русских философов говорить о неприемлемости европейских путей развития.

2. Природа социальных ценностей очень многообразна. Это многообразие заключается, прежде всего, в многоуровневости и многоаспектности данного феномена. В российской философской традиции ценности всегда были встроены в человеческую жизнь и образовывали своеобразную матрицу, фундамент любых форм проявления активности, в том числе и в военной сфере. Для каждой сферы деятельности, наряду с общими ценностями, существуют специфическое сочетание ценностей. В воинской деятельности такое сочетание ценностей и их иерархию можно представить в следующем виде: а) *святость* (праведность, духовность), б) *знание* (информация), в) *слава* (популярность, известность), г) *мастерство* (профессионализм), д) *дело* (хозяйство, предприятие), е) *власть* (влияние, ответственность), ж) *богатство* (капитал, состояние).

Поэтому осознание ценностной среды, самоидентификация военнослужащих в определенных условиях позволяет им чувствовать себя более комфортно, понимать предназначение своего собственного бытия, проявлять активность и оптимизировать свою деятельность. Но это уже тема другой, следующей нашей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Dingler H. Grundriss der methodischen Philosophie. Füssen, 1949. S.7.
2. Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a./M., 1984. S. 31.
3. Luhmann N. Указ. соч. С.32.
4. См.: Станислав Лем. Сумма технологий. М., 1968. С. 152 - 153.
5. См. например: Аксаков К.С. О том же //Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996; Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996; Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1996; Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. М., 1989; Хомяков А.С. Сочинения в 2-х томах. М., 1994 и др.
6. Цит. по: Деникин А.В. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли XIX века: становление методологии. М., 2000. С. 54.
7. Цит. по: Деникин А.В. Указ. соч. С.55.
8. См.: Там же.
9. См.: Проблемы изучения русской философии и культуры («круглый стол») // Вопросы философии. 1988.№9.С.106.
10. Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга. 1992. С.51.
11. См.: Деникин А.В. Указ. соч. С.57.
12. Леонтьев К.Н. Указ. соч. С.300.
13. Цит. по: Философия культуры: становление и развитие /Под ред. М.С.Кагана, Ю.В.Петрова, В.В.Прозерского, Э.П.Юровской. СПб.,1995. С.57.
14. См., например: Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции //Вопросы философии. 1996. № 4. С.15-26; Малахов В.А. Культура и человеческая целостность. Киев, 1981 и др.
15. См.: Мангейм К. С.462-465.
16. Евангелие от Матфея.
17. См., например, работы С. Ангелова, В. Брожика., В.А. Василенко, А.М. Ворониной, В.В. Гречаного, О.Г. Дробницкого, М.С. Кагана, А.А. Ручки.
18. Цит. по: Чухина Л.А. Феноменологическая аксиология Макса Шелера. М., 2001. С.184.
19. См.: Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге: Сборник.- М.: 1991.- С. 102-111.
20. Вышеславцев Б.П. Трагизм возвышенного // Этика преображенного эроса. М., 1994. С.218
21. Зельманов А.Б. Место мировоззрения в духовной жизни общества //Сознание и теория мировоззрения: история и современность. Иваново, 1992. С.38.
22. Булгаков М.А. Собачье сердце /Роман. М., 1995. С. 164.
23. Хочется заметить, что ценностное пространство это только часть бытия. Несомненно, бытие и ценности соотносятся и могут быть представлены как часть и целое. Но не совсем было бы корректно их отождествлять.
24. Аксаков К. Соч., Т.1. М., 1898. С.18.

Огородников А.Ю.,
Одинцовский гуманитарный университет,
преподаватель

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИСВОЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В любом обществе существуют латентные тенденции его развития, которые определяют основные процессы, происходящие в нем. Изучать данные тенденции непосредственно невозможно. Поэтому необходимо найти социальные показатели этих тенденций — существенные элементы социальной реальности, зависимые от них.

Одним из наиболее устойчивых и значимых элементов социальной системы являются ценности. Они непосредственно определяют характер социальных отношений, трансформацию социальных институтов, формирование норм. Ценности с одной стороны — это представления о степени значимости, важности всех явлений жизнедеятельности индивида, идеалах, с другой — носитель информации, опыта в сфере культуры, соединенной с реальными социальными действиями. С помощью ценностей социальные изменения закрепляются в идеальной сфере культуры. Ценности являются основным индикатором происходящих в обществе изменений, имеющих устойчивый характер, т.е. имеющих уровень тенденций, поскольку ценности — наиболее стабильный и медленно меняющийся элемент социальной системы.

В современном российском обществе происходит изменение социальных форм и отношений, образуются новые социальные общности, идет становление сложной классово-социальной структуры общества. Изменения идут и внутри социальных групп, а также на уровне самосознания личностью своего места в социальной структуре.

Учитывая увеличение роли субъективной стороны социокультурных процессов сегодня в связи с развитием гражданского общества и расширением возможностей субъектов, а также малую изученность данной области в общественных науках, особую актуальность приобрел интегральный субъект-субъектный подход взаимодействия индивида и общества, когда индивид и общество рассматриваются как взаимодействующие субъекты. Исследование в рамках этого подхода социальной самоидентификации субъектов социального процесса и особенно изучение социальных факторов, влияющих на интериоризацию ценностей и основанных на социальных условиях, вскрывают латентные тенденции развития общества. Тем самым можно в какой-то степени выявить, какие социальные типы, субъекты социального действия доминируют сегодня и влияют на характер становящегося общества.

Под социальными факторами в данном аспекте мы понимаем конкретные явления общества, элементы его целостной структуры, которые непосредственно влияют на индивида в процессе его социализации, всех видов его взаимодействия с обществом, формирования его конкретных взаимоотношений с обществом. При этом необходимо учитывать, что общество разнородно, в нем взаимодействуют и противостоят разнонаправленные тенденции, определяющие как форму настоящего, так и тенденции, которые в будущем могут изменить и форму, и само качество общества.

На индивида в процессе его социализации общество влияет не столько своим цельным состоянием, сколько конкретными проявлениями таких состояний, с которыми индивид сталкивается в повседневной жизни. Эти конкретные проявления

цельного состояния общества мы и называем социальными факторами. Социальные факторы, с которыми сталкивается индивид в процессе его жизнедеятельности, представляют собой конкретные проявления противоречивых процессов, определяющих состояние общества в целом, ведущие, глубинные направления его развития. Наиболее значимые, влиятельные социальные факторы, разумеется, меняются в разные эпохи.

Задача исследователя — выявить те факторы, которые характеризуют данное общество в данное время. Нас интересует, прежде всего, современное российское общество, современные социальные факторы, с которыми непосредственно сталкивается индивид в России сегодня. Становящиеся социальные факторы сегодня особенно влиятельны для индивида, так как современное общество характеризуется переломом в развитии, когда традиционные идеалы, нормы, ценности рушатся, особенно у молодых людей, находящихся под воздействием пропаганды западного, буржуазного образа жизни и конкретных реалий современной России, определяющих характер ее общественных отношений.

Данный период к тому же характеризуется тем, что в обществе только складываются, находятся в стадии формирования общественные классы, и не столько классовые пристрастия пока что определяют отношения индивида к обществу, социальные ценности, а стиль жизни, привычки, разного рода предпочтения, нахождение индивида в каком-либо сегменте общества. Индивиды могут находиться в разных слоях общества, но иметь общие предпочтения, привычки, стили жизнедеятельности. Другим моментом, влияющим на интериоризацию ценностей, является сложность современного общества, кризис идеалов, нравственности, трудности реализации ценностей, релятивизм ценностей, альтернативы и варианты ценностей, целей, входящих в противоречие, что затрудняет выбор ценностей, возникает представление о ситуативности ценностей. Всё это влияет на взаимодействие индивидов, возникает много частных условий интериоризации ценностей.

В структуре и иерархии ценностей, сложившихся у конкретных индивидов, непосредственно проявляются формообразующие основы социальной структуры общества, которые в свою очередь, влияют на динамику, направление становящегося нового качества общества.

Динамика общественных отношений и состояний особенно остро проявляется в движении ценностей по шкале их иерархии: одни ценности для определенных социальных групп утрачивают значение, другие, напротив, приобретают особую значимость и определяют жизнедеятельность индивида, его общественные связи. По характеру ценностей исследователь может выявить основные, как правило, противоборствующие, тенденции в развитии общества. Однако в рамках одного общества существует большое количество, часто противоположных друг другу, ценностных систем.

Исследование среднестатистических величин применительно к распределению ценностей не выявляет специфики конкретного общества, результаты такого анализа не ухватывают многогранности и сложности структурирования представлений индивидов. Следовательно, в нашем случае эффективнее использовать качественные методы анализа, в частности, — метод идеальных типов. Это метод, как правило, применяется именно для изучения качественной специфики сложных объектов (типы личности, типы государств, экономических систем, мировоззрения и др.). В качестве основы для построения идеальных типов ценностных систем мы взяли модель их интериоризации, поскольку в ней в чистом виде проявляются социаль-

ные процессы, в отличие от моделей ценностей, на которые оказывают воздействие культурные, психологические факторы и множество ситуативных переменных.

Учитывая все вышесказанное, мы будем исследовать способы интериоризации ценностей, их особенности на современном этапе развития российского общества, те факторы, изменения и процессы в обществе, которые влияют и трансформируют эти способы. Полученные выводы помогут лучше осознать устойчивые латентные тенденции социальной динамики России.

В качестве объекта изучения мы избрали молодежь, поскольку в молодежной культуре особенно ярко проявляются общественные противоречия. Молодежь готовится занять действенные места в экономике, политике, культуре, находится на пороге активной социальной жизни, и будущее России во многом зависит от способа взаимодействия молодежи с обществом.

Для выявления социальных факторов, сегодня особенно влияющих на молодежь, мы обратились к наиболее фундаментальным и авторитетным исследованиям общественных процессов, происходящих в XX – XXI веках, в том числе исследованиям и современных западных философов, поскольку по известным причинам сегодня оказались идентичными процессы, происходящие в России и в ведущих западных странах.

Используя данные исследований, мы выделили новые социальные условия, и на их основе выявили социальные факторы, которые не определялись самими исследователями, поскольку они не ставили такой задачи. Среди концепций, анализирующих динамику современного общества, нами выделены *три направления*.

Первое направление носит критический характер и анализирует современное состояние общества как фазу кризиса и/или регрессирующий этап в общественной динамике.

Второе направление подходит к проблеме с объективистских позиций и рассматривает современные социальные условия развития и формирования личности в конструктивной интерпретации как элементы, способствующие развитию общества.

Третье, самое новое направление, носит интегрирующий характер. Оно учитывает первые два подхода, рассматривает современное общество как сложный, многогранный феномен, который имеет ряд положительных и отрицательных качеств. Исследователи каждого направления рассматривают различные, но важные стороны современных социальных процессов.

К *первому* направлению мы относим философов и социологов О. Шпенглера, К. Мангейма, К. Ясперса, Х.Ортега-и-Гассета, Э. Фромма, Х. Арендт и др. На основе изучения тех социальных условий и явлений современного общества, открытых ими, мы выявили факторы, которые воздействуют на интериоризацию ценностей. Среди них – отсутствие моральных или интеллектуальных критериев отбора тех личностей, которым оказывается доверие при восприятии информации, преобразуемой в ценности; интериоризация ценностей без усвоения культуры прошлого, на основе отрицания этой культуры, слабо развитого исторического сознания; стремление развивать в себе только те черты, которые, по субъективному убеждению индивида, наиболее востребованы в обществе; попытки уйти от ситуации выбора или переложить ответственность за выбор на социальное окружение или общество в целом.

Фактором, влияющим на интериоризацию преимущественно инструментальных ценностей, выступает положение о том, что жизненные стандарты человека определяются не столько принадлежностью к определенному классу, сколько теми влияниями и убеждениями, которые молчаливо разделяются представителями всех

классов общества в равной мере. Основным источником новизны в ценностных моделях становится средний класс. Сегодня распространена ситуация низкой адаптации индивида к быстроменяющимся условиям социальной и технологической среды, что формирует у него экзистенциальный вакуум.

Обобщив идеи школы постмодерна, мы выделили ряд факторов, затрагивающих процесс интериоризации ценностей. Во-первых, человек теряет способность рационально, аргументировано обсуждать и отстаивать свою точку зрения среди окружения относительно идеалов (в нашем случае ценностей-идеалов). Следствием этого является страх перед размышлением в целом, индивидуальным осмыслением проблем. Во-вторых, информация, способная повлиять, трансформировать систему ценностей индивида, воспринимается с точки зрения ее формы, а не смысла («medium is the message»), следовательно, структурированность ценностей перестает быть осознаваемой и иметь индивидуальный (уникальный) профиль.

Второй ряд теорий оценивают современное состояние общества как объективный и позитивный этап его развития. К этому направлению нами отнесены Э. Дюркгейм, М.Вебер, Д.Белл, Р. Ингларт, М. Кастельс, А. Турен.

На основе анализа второго ряда теорий, нами выделены следующие социальные факторы. Доминирование у индивидов эмоциональных интенций над рациональными. При этом поиск источников эмоциональной энергии обращен к внешней (социальной) среде индивида. Обратной стороной этого процесса является релятивизм моральных ценностей индивида. Распространенность мнения о том, что блага всего общества доступны для каждого человека. Преданность профессии, но осознание независимости от организаций и бюрократических структур. Переживания социокультурных феноменов вызваны не индивидуальным опытом, а «обобщенным опытом» через полученную извне информацию. Забота о качестве жизни начинает преобладать над вниманием к материальному благосостоянию и физической безопасности.

На основе анализа работ *третьего, интегрального, подхода* к обществу (М. Флуэ, Г. Маркузе, С. Московичи, О. Тоффлер) нами выявлено решающее влияние на интериоризацию ценностей общественного мнения, активно формируемого СМИ. Отсюда возникает унификация потребностей и ценностей из-за *ликвидации критического мышления*, которое престаёт быть фактором выбора и интериоризации ценностей, хотя процесс интериоризации ценностей проходит в условиях иллюзорного ощущения свободы в выборе ценностей во всех сферах жизни. Данный фактор выступает как предпосылка обновления и реструктуризации социальной системы, так как под его воздействием возникает тенденция к отказу от основ (норм) построения современного общества, поскольку индивиды в конечном счете понимают иллюзорность и противоречивость внедряемых ценностей, например, свободы.

На основе анализа работ современных *отечественных исследователей* (Б.А. Грушин, А.В. Погорельчик, Е.Д.Павлова, С.В.Паховский, С.В.Туманов, Г.Г.Диллигенский, Л.Е.Климова) нами выявлены также важные социальные факторы. Переход от жесткой к гибкой социальной структуре, возникновение общности интересов, вызванное увеличением контактов и увеличением общего знания о возможностях удовлетворения потребностей, вследствие чего распространяется унификация инструментальных ценностей, фактором которой является глобализация трудовых отношений (их унификация, распространение единых стандартов). На уровне терминальных ценностей возникает релятивизм идеалов и дальнейшее их исчезновение. Отмечается процесс десакрализации современного общества, в ко-

тором произошел отказ от Абсолюта, человечество отпало от Вечности, перестало соотносить с этим понятием свои мысли, чувства и действия.

Важное место в отечественных исследованиях уделяется проблемам *быстрого и опасного* распространения массового сознания и массовой культуры. Мы сделали следующие выводы о следствиях такого распространения на трансформацию ценностных структур, способов их интериоризации. Человек, подверженный процессу омассовления, не стремится (не хочет и не может) поставить конечной (главной, духовной) цели своей жизни. Следовательно, инструментальные ценности у него находятся в иерархии выше терминальных. Для него характерна относительность (непостоянство) идеалов (они уже перестают исполнять функции идеалов), целей, ценностей, образа жизни массового человека. Соглашение с информацией (доверие к информации) у массового типа человека основано не на подтверждении ее смысла своим личным опытом или опытом тех социальных групп, с которым он себя идентифицирует, а на основе абстрактных представлений о реальности. Следовательно, принятие информации не подкреплено рационально, а происходит на уровне веры.

Итак, структура, иерархия ценностей, может формироваться одними индивидами самостоятельно, на основе размышления над тем, что происходит в обществе, теми ценностями, которые разделяет его окружение и навязываемые идеологами, другими бездумно, их принимают как свой способ жизнедеятельности наиболее подходящий для конкретных отношений в обществе, они являются пассивными членами социума, не противоборствующими отрицательным процессам.

В аспекте субъект — субъектных отношений индивида и общества, под типами интериоризации ценностей мы понимаем различные способы воспроизводства (усвоения и реализации) ценностей, которые являются идеальными моделями, выделенными нами на основе анализа того, как индивид понимает средства формирования деятельности и какую значимость он ей придает.

Нами также определены (предложены) два критерия дифференциации типов интериоризации ценностей индивидом. *Первый критерий* основан на изменении характера источников для рефлексирования (координации) социальных действий индивида. В ситуации высокой плотности социальных отношений и потоков получаемой информации необходимость в постоянной опоре на устойчивые, усвоенные образцы поведения уменьшается. У индивида появляется возможность опоры в регулировании (рефлексировании) повседневной практики на участвовавшие социальные и информационные контакты со множеством разнородных групп. Они становятся главным критерием субъективного анализа «правильности», адекватности деятельности. *Второй критерий* заключается в способе фильтрации (отбора) и анализа информации, который подвергся трансформации в современном обществе. Высокая плотность социальных отношений и информационных потоков вынуждает индивида фильтровать информацию: часть её не допускать, часть допускать и анализировать, часть воспринимать без анализа (непосредственно интериоризировать).

Защитными инструментами и индивидуальными критериями фильтрации информации (культурных образцов) могут служить, во-первых, идеалы, идеи, усвоенные ранее (устойчивые образцы и эталоны) и, во-вторых, социальное окружение, его ожидания, приоритеты, распространенное мнение в сфере межперсональных контактов индивида.

Для человека современной эпохи первый инструмент не всем доступен, поскольку человек сегодня в большинстве уклоняется от любых идеалов. Поэтому отбор информации такой индивид производит на основе ожиданий, приоритетов и ус-

тановок своего социального окружения. Корреляция между ценностями-идеалами и терминальными ценностями у него отсутствует. Потеря устойчивости в идеалах и ценностях связана с тем, что в результате постоянных контактов с представителями разных социальных групп (непосредственно и через каналы СМИ), имеющими различные системы потребностей и ценностей, а также потери идентификации с определенной социальной стратой.

Исходя из этих двух критериев, мы склонны выделить четыре типа личностей, различающихся по интериоризации ценностей.

Первый. Для личности этого типа характерно стремление отбирать информацию на основе субъективной уверенности в том, что эта информация может быть одобрена и распространена в социальном окружении индивида. Такая уверенность может быть подкреплена авторитетными мнениями, легкостью восприятия информации, степенью узнаваемости индивидом отдельных элементов информации, модой и др. Рефлексирующее и координирующее действие этой личности производится с опорой на актуальную в момент действия информацию, а не на строго институционализированные образцы поведения. У этого типа средства деятельности доминируют над целями.

Второй тип личности, назовем его «первый промежуточный тип», осуществляет фильтрацию информации, основываясь на его собственные, сформировавшиеся и устойчивые идеалы и вытекающие из них ценности, соответствующие индивидуальной структуре личности. Но при формировании и координации своей деятельности, как и у первого типа, такая личность опирается на информацию, полученную извне.

Третий тип, — «второй промежуточный тип», когда индивид определяет степень актуальности для себя информации на основе представлений об одобряемости и распространенности информации в социальном окружении. Повседневная практика рефлексируется этим типом личности с учетом традиций, устоев, институционализированных форм деятельности, которые носят устойчивый характер. Для данного типа характерно несоответствие идеалов и ценностей—целей.

Четвертый тип, назовем его «традиционный тип», отбор и фильтрацию информации осуществляет по критерию соответствия этой информации его устойчивым идеалам и ценностям, и при координации и оценке результативности своих действий личность ориентируется на традиции, устои и институциональные нормы, усвоенные как образцы поведения, хотя они могут и развиваться, обогащаться.

Данные типы раскрывают для нас существование в российском обществе социальных субъектов, по-разному влияющих на социальные процессы: одни активно участвуют в конструировании новых социальных форм, определяют и в своей повседневной практике противостоят и преодолевают негативные процессы в обществе, несоответствующие потребности гармоничного существования и развития личности. Ценности и мировоззрения, распространенные у этого типа индивидов имеют перспективу быть в основе следующих этапов развития общества. Другие боятся изменений, пассивно принимают, как должное все социальные процессы, приспособляются к ним в ущерб своим сущностным потребностям и интересам, мало участвуют в социальном конструировании реальности, поэтому их мировоззрение и ценности имеют мало шансов на последующее воспроизводство и длительное существование. Впрочем, место и степень распространенности отмеченных «типов» можно выявить лишь прикладными социальными и прежде всего социологическими исследованиями.

Аннотация: На социальные процессы общества влияет степень активности его граждан. Сегодня в связи с этим возникла проблема так называемого «массового человека», то есть человека, бездумно воспринимающего социальную действительность и приспособляющегося к ее деструктивным явлениям.

В статье рассмотрен процесс интериоризации действообразующих элементов социума среди молодежи, условия, влияющие на воспроизводство массового человека среди молодежи, выявлены критерии отнесения индивидов к «массовому человеку». Первый основан на типах источников для рефлексирования социальных действий, второй заключается в изменении у индивида способа отбора и анализа информации. В статье так же показаны соотношения типов массового человека и немассового, социально активного и промежуточного типа. Данный материал показывает составляющие развития современного российского общества, может быть использован в прогнозах такого развития.

Annotation: Social factors in the assimilation and internalization by the individual of the values and value orientation.

The social processes of society are influenced by the degree of activity of its citizens. Recently in this connection there has arisen of the problem of the so-called “mass person”, i.e. the person thoughtlessly perceiving the social reality and assimilating its destructive phenomena.

This article examines process of interiorization of factor of the society which forms the behavior of youth, the conditions influencing reproduction of the mass person among youth, criteria of reference of individuals to the “mass person”. The first one is based on the types of sources for reflection upon social behavior; the second one consists in changes on the individual level way of selection and analysis of information.

In the article the proportion of types of the mass person and the person of the non-mass type, socially active and intermediate types are defined. The present material describes components of development of modern Russian society, which can be utilized in forecasting such development.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Мировоззрение постоянно привлекало и привлекает внимание исследователей. Эта тема имеет свою тысячелетнюю историю и собственную, отличную от всех других форм общественного сознания, логику. К ней обращались и обращаются философы и представители других гуманитарных наук в разные периоды истории, особенно, на ее переломных рубежах. Не случайно в настоящее время она переживает очередной подъем актуальности (особенно в России). Вечная значимость данной темы в том, что наиболее интересный предмет для каждого человека (и для человека вообще) — прежде всего он сам. Не случайно А.С. Пушкин в свое время пришел к подобному выводу в романе «Евгений Онегин»: “Трудов напрасно не губя, любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего любезней, верно, нет его”. (1).

Действительно, самопознание не только основа осознанно прожитой индивидуальной жизни, но и основа того, какой будет жизнь человека и общества в будущем. Человеку, который недостаточно знает самого себя, трудно найти стратегически верный путь приращения гуманистического и интеллектуального потенциалов и в себе, и в обществе в целом. Ядром духовной сферы человеческой жизни, по мнению многих философов, является мировоззрение. (2, 3, 4 и др.). Поэтому оно часто становится основной темой различных способов познания (самопознания): философского, научного, художественного, обыденного и др.

В данной статье мы обращаемся к теме мировоззрения в контексте проблем, связанных с философским анализом художественной литературы. Для их решения, учитывая значение художественной литературы для формирования мировоззрения, необходимо воссоздать современную картину названного феномена, для чего нельзя не выделить его основные признаки.

В философской литературе различают понятия «мировоззрение», «мироощущение», «мировосприятие», «миросозерцание», «миропонимание». Между всеми этими понятиями существует тесная взаимосвязь и единство. Нередко они употребляются в качестве синонимов. Вместе с тем, между этими понятиями имеются и различия. Понимая относительность их отграничения, обусловленную попыткой выделения определенных структурных уровней мировоззрения, вместе с тем, согласимся с данным суждением и определим наш подход к названным феноменам, исходящий из анализа оснований, предложенных разными исследователями и частично реконструированных нами.

Не претендуя на оригинальность и, тем более, авторство, мы, как и большинство исследователей, полагаем, что основой понятия «мироощущение» является чувственный подход к миру, фиксация объектов действительности при помощи различных органов чувств, пассивное восприятие человеком мира в форме эмоционально окрашенных ощущений - предпосылка миропонимания — первая ступень формирования мировоззрения, его чувственное основание. В этом контексте можно сослаться на закон: чем богаче и разнообразнее мироощущение человека, тем продуктивнее формируется его мировоззрение. *Мирозозерцание* — можно считать синонимом мироощущения.

Мировосприятие — это, на наш взгляд, ценностный подход к миру, предполагающий оценку информации, полученной при помощи органов чувств и попытку ее систематизации на основе нравственно-этических категорий — вторая ступень формирования мировоззрения. Мировосприятие — это, следовательно, и процесс формирования отношения человека к миру, его ценностной ориентации.

Миропонимание — особая форма гносеологического отношения человека к миру, специфический механизм познания человеком явлений действительности, рациональная систематизация чувственного материала, разграниченного на основании ценностного подхода — третья ступень формирования мировоззрения.

Завершающий этап предполагает интеграцию рассмотренных уровней. Употребление же названных понятий в качестве синонимов может привести к ошибкам. Например, отождествление мировоззрения с мироощущением, на наш взгляд, приводит к сведению более сложного и богатого феномена к более простому.

Заявленные нами структурные уровни мировоззрения не представляют собой, однако, единственный и тем более, достаточный способ решения задачи определения его содержания. Структурные составляющие мировоззрения могут быть выделены и по другому важному признаку — по степени сложности и полноты отражения в сознании человека объективной реальности и по их месту в гносеологическом (познавательном) процессе.

Известно, что в ходе познавательной деятельности объективная реальность отражается в сознании человека в форме определенных образов, которые существенно отличаются друг от друга, то есть являются разнокачественными. Под качеством в данном случае мы понимаем уникальный, специфический способ связи элементов анализируемого явления. В нашем случае, говоря о многокачественности формируемых в сознании образов, мы обуславливаем данный феномен: во-первых, бесконечной многочисленностью познаваемых явлений реальности и, во-вторых, различными способами связи одних и тех же элементов в целое. Исходя из данного основания, в содержании мировоззрения можно выделить элементарную (чувственную), формально-логическую, содержательно-логическую, методологическую и методическую составляющие.

Элементарная (чувственная) составляющая формируется с использованием следующих познавательных форм: ощущений, восприятий, представлений, чувственных определений, которые складываются и функционируют в обыденном сознании. Поскольку определения первых трех форм представляются достаточно хрестоматийными, уделим внимание последней — чувственным определениям. В подходе к названной форме мы присоединяемся к суждениям тех исследователей, которые определяют ее, прежде всего, как результат активного познания человеком действительности, возникающий в итоге интеграции и дифференциации всей чувственной информации о познаваемом явлении. А.А. Кокорин, например, считает, что «*Чувственные определения* — это формы сознания, отражающие специфику, отличие одних объектов чувственного познания от всех других явлений действительности, выражающие отношения между ощущениями, восприятиями, представлениями познаваемых явлений.» (5).

В контексте нашего исследования данное определение представляется наиболее приемлемым, поскольку оно наиболее четко отражает характерные признаки рассматриваемой формы и отношение к объекту познания и, следуя логике анализа, предполагает, что чувственные определения в системе познаваемых феноменов закрепляют чувственный опыт, которым располагает тот или иной человек, коллектив,

социальная группа. Кроме того, они играют особенно продуктивную роль в процессе практической деятельности людей, сообщая им определенную мировоззренческую направленность. На основании выделенных чувственных форм познания в сознании человека формируется *чувственная картина мира*, характерная в большей степени для мировоззрения обыденного, житейского.

Обыденное мировоззрение отличается нерациональная ориентация на представленные в культуре стереотипы поведения, принимаемые без всякого доказательства положения, а также смешение отрывочных научных знаний с философскими, религиозными и даже мифологическими представлениями. Обыденное мировоззрение допускает соединение логически и культурно, исторически несовместимых идей. Эта форма мировоззрения отличается отсутствием стремления к рациональной рефлексии принятых убеждений, отсутствием сомнения в том, что просто принимается на веру, лёгкостью представления желаемого в качестве действительного, ориентацией сознания на мироощущение (миросозерцание).

Тем не менее, обыденное мировоззрение оказывается практически действенным, а содержащиеся в нем, основанные на здравом смысле и стереотипах житейской мудрости положения, нередко становятся отправными пунктами философского обобщения и даже научного анализа действительности. Наше внимание к этому уровню мировоззрения обусловлено тем, что его достаточно часто отождествляют с художественно – образным, то есть с мировоззрением, сформированным на основе интеграции художественных образов. На наш взгляд, такой подход не вполне корректен, чтобы разъяснить свою позицию, далее мы более подробно остановимся на вопросе о содержании художественного образа.

В контексте рассмотрения обыденного мировоззрения следует подчеркнуть его принципиальное отличие от обыденного уровня мировоззрения. *Обыденное мировоззрение* – это мировоззрение, ориентированное на абсолютизацию обыденных целей, интересов, обыденных вещей. Оно формируется на основе обыденного сознания человека и, чаще всего, не проникает в сущность воспринимаемых явлений и процессов, воспринимая их в основном на чувственном уровне. Говоря литературным языком – это мировоззрение «Обломовых».

Обыденный уровень мировоззрения имеет свои отличительные признаки по отношению к обыденному мировоззрению. Во-первых, он является необходимым звеном мировоззрения каждого человека. Социализация – длительный и сложный процесс, в рамках которого человек проходит различные стадии, поднимаясь по «ступеням познания». В этом восхождении от незнания к знанию обязательно присутствует элемент обыденного, обусловленный тем, что не сразу, не всегда, и не каждый человек поднимается до уровня теоретических обобщений. Во-вторых, обыденный уровень лежит в основе волевой и интеллектуальной составляющей мировоззрения. Именно он дает человеку первичные знания о мире, без которых их (указанных составляющих) формирование невозможно.

Однако необходимо подчеркнуть, что абсолютизация обыденного уровня мировоззрения приводит к негативному, с точки зрения познавательного процесса, результату – закреплению в сознании человека обыденного мировоззрения как целого, как завершенного, фактически как определенного типа мировоззрения. Для преодоления такого – возможного следствия абсолютизации обыденного уровня мировоззрения – необходимо, прежде всего, найти способ перевода чувственной информации в стадию ее рационального освоения. То есть, для того, чтобы получить возможность оперировать чувственной информацией следует перевести ее в

рациональную форму, адаптировать к рациональному способу мышления.

Очевидно, что напрямую указанный переход невозможен. Должны существовать такие формы познания, которые принадлежали бы мышлению, но отражали действительность не на сущностном уровне, а на уровне явления, обеспечивая тем самым перевод чувственной информации в рациональную. Роль такого «адаптера» выполняют термины, суждения, умозаключения и абстрактно-логические определения – формы, принадлежащие абстрактно – логическому мышлению. Именно на его основе формируется *абстрактно – логическая составляющая мировоззрения*.

Названные формы выполняют функцию знакового обозначения чувственной информации. Благодаря им сознание человека получает возможность абстрагироваться от непосредственного контакта с объектом. Чувственная информация, представленная в знаковой форме, может целенаправленно передаваться от человека человеку и, таким образом, способствовать возникновению общения людей по поводу явлений, которые не обязательно воспринимались ими в данной конкретной ситуации. Словом, у людей появляется возможность обмена мировоззренческими позициями (мировоззрениями). Возникает феномен мировоззренческого «противоборства», который приводит к тому, что более «сильное» мировоззрение, несущее в себе большую рациональность, убежденность и чувственно – эмоциональную окрашенность, обладающее большей привлекательностью, начинает доминировать в определенной социальной среде (группе, обществе).

Целенаправленное, осознанное применение названных форм в познавательном процессе ведет к формированию *абстрактно – логической картины мира*. Следует, однако учитывать, что перечисленные нами формы абстрактно – логического мышления (познания) органично связаны между собой и не могут существовать друг без друга, а допущенное нами их условное разграничение возможно только в рамках познания данного феномена. Эта установка, впрочем, действует и по отношению к другим формам познания, которые мы будем рассматривать ниже.

Дальнейшее размышление по поводу составляющих мировоззрение элементов естественно приводит к вопросу – ограничиваются ли возможности человека в познании мира рассмотренными формами и подходами. Очевидно, что нет, так как они не отражают интеллектуального (научного), логико-диалектического уровня названного процесса, который органически «вырастает» из чувственной и абстрактно – логической составляющих, уже отмеченных нами. В данном случае мы говорим о *содержательно – логической составляющей мировоззрения*, формирующейся при помощи таких форм познания как понятия (категории), законы, принципы и теоретические (научные) определения, выступающей ядром мировоззрения и служащей основой преобразовательной деятельности человека. В задачу осуществляемого нами исследования не включено специальное рассмотрение данных форм познания, да и объем статьи исключает это. Вместе с тем, мы позволим себе выделить некоторые особенности, нюансы указанной составляющей мировоззрения, которые помогут сохранить логическую стройность и целостность нашего анализа, его результатов.

Во-первых, следует подчеркнуть, что *содержательно – логическая составляющая мировоззрения*, формируясь на базе чувственной и абстрактно – логической, не сводится к ним. Ее содержание значительно глубже и богаче, поскольку обеспечивает отражение сущности анализируемых явлений. Эта составляющая является *теоретическим ядром* мировоззрения. Ее объем и функционирование определяют принадлежность к тому или иному типу мировоззрения (научному, религиозному, обыденному и др.). Исходя из этого, во-вторых, *содержательно-логическая состав-*

ляющая мировоззрения обладает способностью существенного обратного воздействия на формирующие ее элементы. И, наконец, определять границы между рассмотренными составляющими мировоззрения допустимо только в интересах познания. В реальном сознании они существуют в единстве, образуя интегральное качество мировоззрения, придавая ему определенный характер и нацеливая на решение конкретных практических задач. На основе данной составляющей мировоззрения формируется *содержательно – логическая, диалектическая (научная) картина мира*.

Человек разумное социальное существо. Его *деятельность целесообразна*. А чтобы действовать соответствующим образом в сложном реальном мире, он *должен не только знать, но и уметь*. Уметь выбрать цели и способы их достижения, уметь принять то или иное решение и руководствоваться им в практической деятельности. То есть, социально активная личность подчиняет функционирование рассмотренных составляющих мировоззрения решению определенных практических задач. Это приводит к тому, что информация, которой она располагает, соединяется с задачами дальнейшего познания и преобразования явлений действительности. В результате использования указанных знаний в интересах решения практических задач, рассмотренные гносеологические формы, начинают функционировать в новых условиях, что определяет изменение их содержания, детерминирует процесс их трансформации в методологические средства.

По образному выражению одного из современных специалистов в области теории познания А.А. Кокорина: «...человек «выносит» знания, закрепленные в гносеологических формах, в среду, и, помещая их между собой (субъектом) и объектом (предметами, явлениями, процессами), осуществляет с их помощью познание и преобразование явлений действительности». (6). То есть, на базе гносеологической формы каждого уровня (в нашем случае имеются в виду формы познания, участвующие в формировании всех составляющих мировоззрения), в ходе ее практического использования субъектом формируется определенное методологическое средство. На основании этого можно сделать вывод о том, что методология как система указанных методологических средств, сформированных на базе совокупности, взаимосвязи гносеологических форм, входит в состав мировоззрения, является его *методологической составляющей*. Не случайно ведь методологию иногда называют мировоззрением в действии. И это именно так.

Следует отметить далее, что все методологические средства находятся в отношении единства и взаимодополнения. Только с помощью всего арсенала методологических средств можно получить максимальную и точную картину анализируемых явлений (в нашем случае – картину мира). Но возможности методологических средств различны, а их выбор и логика применения обусловлены конкретными обстоятельствами и спецификой объекта исследования. Именно поэтому, мировоззрение человека, как правило, формируется, во-первых, опираясь на методологии различных исторических периодов и, во-вторых, предполагает применение в познавательном процессе конкретного набора методологических средств и определенной историческим опытом последовательности их использования. В данном случае мы говорим фактически уже о методике познания явлений действительности – своего рода *методической составляющей мировоззрения*. Методологию, на наш взгляд, правомерно рассматривать как своеобразную, первичную методику познания, процесс формирования набора методологических средств. Без этой ступени разговор о методике теряет смысл. Вместе с тем, методология не может реализовать себя, если не решены задачи выбора заявленных средств и не определена последовательность их

использования применительно к объекту и условиям познания.

Таким образом: во-первых, мировоззрение человека, основанное на гносеологических формах познания действительности, включаясь в процесс ее преобразования, не может нормально функционировать без методологической и методической своих составляющих, являющихся необходимыми элементами его содержания. Словом, мировоззрение социально активной личности предполагает наличие гносеологического основания, обоснованных методологии и методики, используемых человеком в процессе познания и преобразования мира.

Во-вторых, полученные в ходе познавательной деятельности знания, являющиеся гносеологической составляющей мировоззрения, то есть основные понятия, законы, принципы и теоретические определения, являясь основным достоянием сознания, составляют ядро мировоззрения.

В-третьих, мировоззрение человека (мироощущение + мировосприятие + миропонимание) в процессе своего функционирования решает задачи: выработки целостного взгляда на мир; формирования ценностного отношения к миру; определения конкретных действий людей по освоению и преобразованию мира. И все это — NB.

Однако, следует подчеркнуть, что в предложенных выводах речь идет, главным образом, о теоретических (научных) знаниях. Вместе с тем, к сожалению, они далеко не всегда составляют ядро личностного мировоззрения. Поэтому мы и говорим о разных типах мировоззрения, предполагающих в качестве своей гносеологической основы различные виды знаний, которые как известно, могут быть истинными, правдивыми, ложными. В зависимости от того, какие знания составляют основу мировоззрения, оно соответственно становится *истинным, правдивым, или ложным*. Для отграничения названных видов мировоззрения «определим», обозначим заявленные понятия.

Известно, что чем солиднее запас *истинных знаний* в ту или иную эпоху, у того или иного народа или отдельного человека, тем более серьезную опору может получить соответствующее мировоззрение. Однако, в понимание истины в разные эпохи вкладывалось разное содержание. У Аристотеля, например, истина рассматривается как высшая форма бытия. Человек, постигая истину, приближается к совершенному бытию. Но на этом пути много трудностей. (7). И. Кант в “Критике чистого разума” на вопрос о том, что такое истина, ответил следующим образом: истина возможна лишь в форме предмета, то есть как соответствие рассудка (самой формы всеобщности и необходимости) и чувства (эмпирического многообразия ощущений, возникающих в априорных формах времени и пространства). (8). Философия и наука прошли длительный путь познания, прежде чем прийти к современному пониманию истины.

Истина — это достоверные знания об объекте, т.е., знания, объективность которых доказана, обоснована. Сознание «просвещенных» эпох, как правило, стремится к получению достоверных, *истинных знаний о мире*. Именно такие знания составляют теоретическое ядро мировоззрения современного человека.

Правда — это отражение действительности, нацеленное на получение объективных знаний о ней, но не всесторонне доказанная истинность. Не случайно в современной логике и методологии науки классическая трактовка истины как соответствия знания действительности дополняется понятием правдоподобности — степени истинности и — соответственно — ложности гипотез и теорий. (9).

Ложь — это ошибочное и даже искаженное отражение действительности (с

такой же целевой установкой). То есть, ложь отличается от заблуждения именно целевой установкой. Наивное, непросвещенное человеческое сознание, не располагая достаточными средствами для четкого, последовательного, рационального обоснования своих взглядов, часто обращается к фантастическим вымыслам, поверьям, обычаям, не имеющим объективного основания. В современных условиях формирование ложного мировоззрения часто является итогом реализации чьей либо цели, а также не различение подлинно научного знания и многообразных форм вненаучного знания.

Степень познавательной насыщенности, обоснованности, продуманности, внутренней согласованности того или иного мировоззрения бывает разной. Но знания никогда не заполняют собой всего поля мировоззрения. Кроме знаний о мире (включая и мир человека) в мировоззрении осмысливается также весь уклад человеческой жизни, выражаются определенные системы ценностей (представления о добре и зле, прекрасном и безобразном и другие), формируются образы прошлого и модели будущего, получают одобрение (осуждение) те или иные способы жизни, поведения. Наличие и объем названных элементов в содержании мировоззрения определяет его *профессиональную направленность*. Ведь очевидно, что мировоззрение врача отличается от мировоззрения юриста, писателя, математика и т.д. В социальной среде формируются различные типы мировоззрения, что является одним из условий сбалансированности общества.

Формирование мировоззрения — это *длительный процесс* познания человеком действительности, в результате которого оно приобретает относительно завершённый вид. Именно поэтому мировоззрение как сформировавшаяся система устоявшихся взглядов человека на мир, *достаточно трудно поддается изменениям*. В данном случае речь идет о взглядах, превратившихся в *убеждения*. Только убеждение, основанное на эмоционально-личностном доверии к знанию, достраивает его до собственно мировоззрения. Вместе с тем, предложенное утверждение не рассматривается нами как догма, как константа, не изменяющаяся вообще. Мировоззрение изменяется, но не под воздействием каких-то случайных, малозначимых факторов общественного бытия, но под воздействием очень важных, существенно значимых явлений в жизни людей (исключение может составлять лишь обыденное мировоззрение, о чем уже было сказано).

Таким образом, по своей сущности *мировоззрение* — это система устойчивых взглядов человека на мир в целом, сформировавшаяся в процессе его бытия, определяющая его отношение к действительности и важнейшие направления деятельности по реализации потребностей, интересов, целей. Впрочем, данное определение отражает, главным образом, именно сущностные характеристики мировоззрения. Поэтому, для более полного понимания данного феномена необходимо, дополнить его характеристику рядом других — содержательных признаков мировоззрения. В первую очередь — указанием на *образ, стиль и способ мышления*.

В процессе жизнедеятельности человека у него вырабатывается уникальный, достаточно устойчивый способ познания, отражения явлений действительности. Он обусловлен обстоятельствами жизни каждого человека, неповторимостью организации его сознания. По существу речь идет об *образе мыслей человека*. В этом смысле его можно определить как специфический, сформировавшийся в ходе жизнедеятельности человека, относительно устойчивый способ познания им явлений действительности. В контексте анализа содержания мировоззрения, образ мыслей предстает как механизм «наполнения» мировоззрения определенной информацией о

явлениях действительности, новой всегда для каждого человека.

Способ мышления человека — своеобразное продолжение, развитие его образа мышления, т.е., применительно к рассматриваемой проблеме — это сложившийся в ходе жизнедеятельности человека, специфический, во многом уникальный механизм оперирования образами о явлениях действительности с целью получения целостной информации о мире. Такое понимание названного феномена делает его важным звеном мировоззрения людей.

Наряду с образом и способом мышления каждый человек является носителем и во многом специфического *стиля мышления* как устойчивого и уникального, сложившегося в процессе жизнедеятельности людей механизма использования ими информации о явлениях действительности в интересах решения определенных задач. То есть, это механизм превращения информации о явлениях действительности в *методологические средства решения практических задач*. Понимая подобным образом содержание стиля мышления, можно с полным основанием констатировать, что он является необходимым и важнейшим звеном мировоззрения людей, поскольку последнее призвано ориентировать человека на определенные практические действия.

В содержании мировоззрения (если следовать далее логике наших рассуждений) правомерно рассмотреть и такое специфическое методологическое явление как *методологическая парадигма*. В философской литературе встречается несколько вариантов ее определения. Вместе с тем, их существование не лишает нас возможности, не претендуя на абсолютность, предложить особенность и своего подхода к данному феномену, поскольку он в большей степени соответствующий логике авторского исследования.

Очевидно, что в каждый период общественного развития люди приоритетно используют те или иные методологические средства для решения практических задач. Это и приводит к возникновению и формированию парадигм. *Парадигма*, на наш взгляд, представляет собой совокупность методологических средств (приемов, способов, подходов, методов), которые наиболее часто и широко используются людьми в тот или иной период общественного развития для решения задач познания и преобразования явлений действительности. Такое понимание парадигмы позволяет утверждать, что она не только так или иначе влияет, но зачастую может становиться элементом содержания личностного мировоззрения людей, тем более, что мировоззрение каждого человека, безусловно, в той или иной степени, реагирует на конкретную историческую парадигму, оно способно принимать или отвергать последнюю, но не считаться с ней, не учитывать ее роль в познании мира не может.

Отмечая взаимодействие мировоззрения человека и общей (общественной) методологической парадигмы в более предметном плане подчеркнем следующий ряд положений.

Во-первых, парадигма — это специфическая, приоритетно работающая в конкретный период времени методология. А мировоззрение человека, как правило, формируется, опираясь на парадигмы как методологии различных исторических периодов.

Во-вторых, если парадигма — это приоритетная методология конкретного исторического периода развития, то мировоззрение — это систематизированные, устойчивые знания о мире, имеющие практическую нацеленность на решение конкретных задач бытия людей. Работая на практику, они, по сути, превращаются в индивидуальную методологию, личностную парадигму конкретного человека.

В-третьих, парадигма — это наиболее авторитетная в конкретный период вре-

мени общественная, общая методология. В то время как мировоззрение — это явление, как правило, характеризующее процесс жизнедеятельности конкретной личности, конкретного человека. (Во всяком случае, если мы трактуем вопрос о личностном мировоззрении).

В-четвертых, влияние парадигмы на содержание мировоззрения человека, а, в ряде случаев, и вхождение в него многим своими элементами можно считать и правомерным, и доказательным.

Итак, мировоззрение — сложное, напряженное, противоречивое единство знаний и ценностей, интеллекта и эмоций, мироощущения и мировосприятия, миропонимания, способов и стиля мышления, методологической парадигмы... И уже такое — здесь представленное понимание содержательно-сущностных признаков мировоззрения позволяет нам перейти к предметному решению задачи определения (характеристики) взаимодействия художественной литературы и мировоззрения человека, людей, их общностей.

Литература — очень широкое понятие, включающее в себя литературу научную эпистолярную, художественную и т.д. *Художественная литература* — это процесс творческого отражения людьми действительности в художественных образах с использованием печатного слова (если мы говорим о многовековой и даже о современной литературе), ориентированный на широкий круг читателей.

Художественная литература понимается и как результат указанного процесса, воплощенный в литературных произведениях, в которых реальность осмысливается и фиксируется в художественных образах. То есть, центральным понятием художественной литературы является художественный образ (различные его типы, формы, разновидности).

Художественный образ представляет собой форму отражения (воспроизведения) объективной действительности в художественной литературе с позиций определенного эстетического идеала. В художественных образах осваивается и перерабатывается творческой фантазией, воображением, талантом и мастерством писателя специфический предмет литературы — жизнь во всем ее многообразии и богатстве.

Целостность художественного образа отражает целостность мировоззрения создающей его личности. Мы уже отмечали, что мировоззрение, по крайней мере, его узловые моменты, его основа, по сути, всегда тяготеют к тому, чтобы стать более или менее целостным комплексом убеждений, воплощаемых писателем в художественные образы. Включаясь в мировоззрение, различные его составляющие (знания, убеждения, ценности) приобретают новый статус: вбирают в себя позицию писателя, окрашиваются эмоциями, сочетаются с волей к действию.

Одним из важнейших свойств художественных образов является то, что они обладают характеристиками, позволяющими, в той или иной степени, влиять на весь спектр мировоззрения личности человека. Художественный образ — представляет собой целостный слепок с мировоззрения его создателя. Поэтому и возникает иллюзия жизненности, а значит, соответственно, и доверие к художественному образу. Чем ярче и многограннее мировоззрение писателя, тем убедительнее формируемые им образы — художественные образы.

Создавая художественные образы, писатель следует за избранным объектом, а «путеводной нитью» в этом процессе выступает его мировоззрение. В свою очередь, мировоззрение писателя формируется в ходе познания объекта и является результатом данного процесса. *Замысел художественного произведения* не возникает из ничего, он является естественным продуктом работы мировоззрения и формируется в

его рамках. Поэтому, чем богаче мировоззрение писателя, тем богаче и интереснее замысел произведения, тем полнее он реализуется в его содержании, а, следовательно, тем объективнее отражается в художественных образах жизненная реальность. В данном случае мы приходим к пониманию природы объективности литературного произведения, которая, с одной стороны, обусловлена мировоззренческими и творческими возможностями писателя, а с другой стороны — является естественным результатом возвращения к объекту, но уже на стадии реализации замысла. Словом, мировоззрение писателя не только формирует замысел литературного произведения, но и обогащается в процессе его реализации новыми знаниями об объекте, воплощенными в художественных образах.

Вместе с тем, *художественный образ вторичен*, он не есть реальность, он — лишь способ осмысления реальности. Художественное произведение не принадлежит природе: оно результат творческой деятельности человека. Это очевидно. Однако, становясь элементом духовной сферы жизни общества, художественный образ приобретает относительную самостоятельность, проявляющуюся, прежде всего, в возможности обратного воздействия на развитие всей богатой и разнообразной сферы духовного и, прежде всего, мировоззрения.

Итак, художественный образ является творением человеческой личности и содержит в себе, конечно, в разной степени, отражение всех ее составляющих (чувств, воли, интеллекта). А явление гармоничного сосуществования всех таких составляющих и есть мировоззрение автора художественного произведения. Поэтому на основании изложенного выше сделаем выводы:

Во-первых, мировоззрение человека может формироваться и как интеграция образов художественной литературы, отражающих в своем содержании основные составляющие человеческой личности.

Во-вторых, рассматривая художественный образ и еще более — целостное художественное произведение (художественную литературу), мы рассматриваем, по сути, и определенную мировоззренческую позицию автора, которая формируется в ходе познания писателем объекта, которая воплощается в замысле литературного произведения и совершенствуется в процессе реализации этого замысла, в том числе и под воздействием создаваемых им художественных образов, приобретающих относительную самостоятельность и возможность обратного воздействия как на мировоззрение личности, так и в целом на духовную жизнь общества.

В-третьих, необходимо учитывать, что если мировоззренческая позиция автора основывается на достоверных (истинных) знаниях, выражена в ярких и убедительных образах, эмоционально окрашена и логически последовательно представлена в художественной литературе с использованием глубокого знания особенностей языка и его эстетики, она приобретает возможность серьезного влияния на мировоззрение воспринимающего. Следовательно, необходимо помнить, что литература для неподготовленного читателя может стать мощным оружием против него самого, ибо в столкновении мировоззрений, как и на поле боя, побеждает сильнейший.

Заметим, конечно, что возможность влияния на нашу личность — естественное условие нашего духовного роста и, в целом, социализации личности. Но всегда ли это влияние достигает желаемого для общества результата? Очевидно — нет. Тем более, что нравственно больной, но талантливый человек способен концентрировать свои «болезни» в художественных образах и передавать их нам в качестве своеобразного мировоззренческого «вируса», а это, в свою очередь, чревато серьезными последствиями для будущего формируемой личности, которая, восхищаясь формаль-

ной изощренностью таланта безнравственного творца, произвольно становится носителем его комплексов и социальных болезней. Современная художественная литература дает нам достаточно примеров того, как социальные болезни авторов некоторых художественных произведений или их социальная безответственность «прорастают» пороками нашего общества, аккумулируют и даже пропагандируют их. Кто становится героями сегодняшней литературы? Воры, бандиты, удачливые финансовые аферисты, для которых материальные ценности являются единственным мериллом человеческих поступков, а способы достижения материального благополучия не ограждены нравственной целесообразностью. В связи с этим, ясно, что мировоззренческий критерий является одним из главных в социальной оценке литературного творчества, его результатов.

Далее заметим что, активно влияя на мировоззрение личности, художественная литература участвует в формировании *социальных идеалов*, интегрируя в общественном сознании наиболее общие черты интеллектуального, эмоционального и духовного настроения той или иной эпохи. Этот процесс осуществляется с помощью самых различных форм познания: обыденной, художественной, изобразительной, научной и др.

Создаваемые художественной литературой образы (архетипы) являются носителями убеждений, принципов, идеалов и нравственных норм, наиболее адекватно отражающих потребности данной исторической эпохи. Сами потребности выражают интересы индивидов и отдельных социальных групп, отличающихся по социальному статусу, материальному положению, профессиональной принадлежности и другим признакам. Подобные отличия формируются и в содержании их мировоззрения. Но общественное сознание интегрирует и отражает в своем содержании только наиболее значимые их компоненты, имеющие предельно общий характер. Именно они составляют основу социальных (в том числе художественного) идеалов и архетипов, отражаются в наиболее значимых произведениях художественной литературы данной исторической эпохи, формируют ее литературную традицию.

Таким образом, с определенной степенью условности, мы можем рассуждать даже о мировоззрении эпохи, которое, интегрируя ее суммарные признаки, живет и действует во множестве групповых и индивидуальных вариантов и отражается в наиболее значимых произведениях художественной литературы данной эпохи, периода истории страны, народа.

Однако, являясь значимым фактором формирования мировоззрения людей, художественная литература подвержена и его обратному воздействию. Именно мировоззрение людей составляет специфическую *социальную базу литературных произведений*. Настоящий писатель в своем творчестве сопереживает проблемы своих современников, а его произведения только тогда приобретают социальную значимость и становятся активным фактором, влияющим на общественные отношения, когда они адекватно отвечают на вызовы времени, отражают его наиболее существенные идеи и противоречия, удовлетворяют духовные потребности различных социальных групп.

Выполняя названные условия, художественная литература способствует сплочению определенной социальной группы людей, выделенной по различным основаниям: профессиональной принадлежности, образовательному статусу, возрасту, национальности и др. Знание соответствующей литературы, наиболее читаемой данной социальной группой, и использование в речи примеров и ярких образов, взятых из известных книг объединяет подобные группы, одновременно выделяя их из остального общества.

Следует отметить, что художественная литература обычно тоже ориентирует-

ся на конкретного потребителя. Для этого ее мировоззренческий потенциал должен соответствовать идеалам данной социальной группы. Чтобы достигнуть такого соответствия писателю необходимо глубоко изучать свою социальную базу. В процессе такого изучения писатель подвергается активному воздействию со стороны своих читателей и чем выше их интеллектуальный и художественный потенциал, тем сильнее будет обратное воздействие.

В этом своем качестве, художественная литература выступает как идентификатор, служащий распознаванию социально-групповой принадлежности личности. Подобную роль в свое время в русском дворянстве выполнял французский язык. Здесь стоит заметить, что чтение, как мы уже отмечали, очень часто заполняет досуг, но если человек для заполнения своего досуга выбирает именно известную (популярную в определенной социальной среде) литературу, то делает он это часто и лишь для того, чтобы не демонстрировать свое невежество в разговоре с другими представителями «своей» социальной группы, носителями определенного типа мировоззрения. Поэтому художественная литература, выполняя свою мировоззренческую функцию, одновременно оказывается *инструментом идентификации социального статуса* человека, его принадлежности к определенной социальной группе, а чтобы выполнять эту роль, она должна быть известной и общепринятой в среде представителей данной социальной группы.

Вместе с тем, художественная литература является значимым методологическим инструментом в руках общественной, философской или гуманитарно-научной мысли: она может развиваться в форме создания новых интерпретаций прежних литературных произведений, своеобразных ремейков в литературно — художественном творчестве. Новая идея, а идеи, как мы уже отмечали, являются важнейшим элементом мировоззрения, может войти в общественное сознание в форме нового понимания старого романа или трактата, не говоря уже о том, что известная всем мифология поставляет общественной мысли богатый материал для бесконечных иллюстраций. Художественная литература, облекая новую идею в традиционную для нее образную форму, предлагает в качестве ее носителя архетип, наиболее популярный и авторитетный в современном ей обществе, с тем, чтобы обеспечить данной идее наибольшую убедительность и привлекательность.

Мировоззренческие идеи, возникающие в процессе литературно - художественного творчества, могут также в определенной степени воздействовать на мышление и практическую деятельность представителей других областей духовного производства. Яркий пример тому - огромное влияние творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского на отечественную и мировую философию; влияние литературного наследия эпохи Просвещения на развитие политологии, права и других социальных наук. Вспомним, что социальные утопии Т. Мора, Т. Компанеллы, представленные в литературно — художественной форме, воздействовали на формирование мировоззрения многих будущих революционеров.

История дает нам многочисленные примеры того, как полемика вокруг известных литературных произведений становилась популярной формой общественных дискуссий, проходивших при активном участии средств массовой информации и широко освещаемых ими. В качестве примеров можно привести: общественное обсуждение в 70-е годы эссе Б.Васильева «Люби Россию в непогоду»; многочисленные дискуссии 80-х годов вокруг романов А.Солженицина; поздних литературных произведений В.Аксенова; повестей А.Рыбакова; полемику по — поводу повестей и романов Ю.Бондарева в 60-е — 70-е годы («Тишина», «Двое», «Выбор», «Берег»)

и др. В этих случаях художественная литература не только проявляла свой мировоззренческий и идеологический потенциалы, но выступала и как великолепный коммуникатор.

Однако, показывая мировоззренческий потенциал художественной литературы, характеризуя ее мировоззренческую функцию, мы обратили внимание прежде всего на индивидуальное мировоззрение человека, на его социальную идентификацию, обусловленные определенной групповой принадлежностью, а значит, не только интеллектуальным потенциалом, но и профессиональной определенностью. Но автора можно упрекнуть в том, что, рассматривая названный вопрос, он обходит стороной массового читателя и, тем самым, косвенно обозначает его «ущербность». Избежать данного упрека необходимо. Да, рассматривая массового читателя как потребителя, ориентированного на «низкопробную» литературу, в связи с его низкой образованностью и примитивным вкусом, мы можем допустить ошибку, обвиняя названную литературу в стремлении следовать указанным ориентирам, исходя исключительно из коммерческих интересов, хотя это и имеет место. Но то, что рассматривается как главный недостаток массовой литературы, по мысли автора статьи, таковым не является в полной мере.

Видимая «ущербность» читателя заключается не столько в стремлении удовлетворить свои особенности как массового читателя, на которого эта литература, главным образом ориентирована, а в том, что такая литература, рассчитанная на большое количество потребителей, вынуждена ориентироваться на те человеческие качества, которые общи у миллионов разных людей, с разным вкусом и разными увлечениями. На первый взгляд — это естественный процесс, продиктованный не всегда осознанным стремлением автора литературного произведения расширить его потребительский рынок. Но, следуя данной установке, он, скорее всего, не всегда понимает, что создаваемая им литература фактически направлена на *разрушение мировоззрения*. (Хотя должен бы ясно это осознавать!).

Как это происходит? Во-первых, наиболее примитивные особенности человеческой психики — низшие инстинкты и сексуальность, воплощенные в художественной литературе, являются основным материалом для создаваемых ею художественных образов. Естественно, что подобные образы, закрепляясь в мировоззрении человека, не способствуют его духовному совершенствованию, а, наоборот, ведут к духовной деградации личности.

Во-вторых, рассчитанная на примитивные потребности, подобная литература ориентирована, главным образом, на обыденный уровень мировоззрения. Но это не лишает ее определенной привлекательности. Наоборот, базируясь на известных особенностях человеческой психики, она наиболее эффективно способствует реализации досуга, не требуя от читателя интеллектуального напряжения, что особенно важно в условиях высокой интенсивности современной жизни. Литература, таким образом, может вести и ведет к непроизвольному наращиванию объема обыденного уровня в содержании мировоззрения, вплоть до его доминантного положения.

В-третьих, распространение названных особенностей на детскую и юношескую литературу приводит к деформации всего процесса социализации личности, к искажению его содержания и целеполагания, проявляющемуся, прежде всего, в разрушении мировоззренческих ценностей детей, юношества, молодежи.

Вместе с тем, следует отметить, что именно эти литературные произведения объединяют почти всех читателей, независимо от их образования и вкуса. То есть, именно эта литература, ориентированная в большей степени на мироощущение,

и питающая, главным образом, обыденное мировоззрение, наиболее успешно выполняет коммуникативную функцию в обществе. В связи с этим, критикуя качество массовой литературы мы, по видимому, должны ориентироваться не на исключение из ее содержания указанных образов (потому, что в современных условиях это было бы противоестественно, а, следовательно, неприемлемо), а на преодоление их доминантного положения в названной литературе.

Заключая рассмотрение (применительно к мировоззрению) совокупности характерных признаки художественной литературы правомерно поставить также вопрос о ней как о *специфическом индикаторе оценки мировоззрения*.

Жизнь в природном и общественном мире рождает в людях сложную гамму чувств и переживаний. В художественной литературе они находят свое отражение в соответствующих художественных образах. С ними сопряжены любознательность, удивление, чувства единства с природой, сопричастности человеческой истории, благоговения, восхищения, трепета, тревоги, напряжения и многие другие. В ряду эмоций есть окрашенные в «мрачные» тона тревоги, страха, отчаяния. К ним относятся чувство неуверенности, беспомощности, потерянности, бессилия, одиночества, печали, горя, душевного надрыва. В художественных образах отражаются также опасения, переживания, боль за своих близких, за свою страну, народ, будущее человечества, за жизнь на Земле, за судьбы культуры. Разумеется, в них присутствует и целый спектр «светлых» эмоций: ощущения радости, счастья, гармонии, полноты телесных, душевных, интеллектуальных сил, удовлетворенности жизнью, своими свершениями. Такие чувства и переживания имеют тоже мировоззренческий характер и от их преобладания в общественном сознании зависит эмоциональная окрашенность мировоззренческой картины мира, ее эмоциональное содержание.

Словом, поскольку художественный образ представляет собой целостный слепок с мировоззрения его создателя и влияет (в той или иной степени) на весь спектр мировоззрения человеческой личности, а мировоззрение писателя, в свою очередь, обусловлено состоянием социальной среды, в которой оно формируется и функционирует, постольку мы и можем определить художественную литературу в качестве действенного, хотя и весьма, специфического, *индикатора оценки мировоззрения*. Впрочем, делая такой вывод, мы учитываем и другие, в частности, интеллектуальные составляющие мировоззрения, носителями которых, в той или иной степени, тоже могут выступать художественные образы, созданные писателем. Разум и чувства входят в его ткань не обособленно, а во взаимодействии и кроме того, они сочетаются с волей, что придает всему содержанию мировоззрения особо целостный характер.

А для того, чтобы указанный индикатор эффективно работал, он должен постоянно находиться в поле зрения соответствующих государственных и общественных институтов, а данные, полученные от его использования, учитываться при разработке государственных и региональных социальных программ. То есть, по нашему мнению, необходим *мониторинг мировоззренческой составляющей художественной литературы*. Мы, ни в коем случае, не ратуем за реанимацию идеологической цензуры. Речь идет, прежде всего, о возможном участии социума в решении задач, связанных с психологическим и нравственным здоровьем общества. В связи с этим следует отметить, что одной из задач, возложенных на Общественную палату Российской Федерации, является решение наиболее важных вопросов экономического и *социального развития страны*, обеспечения *национальной безопасности*, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации. (10).

Забота о социальном здоровье нации, которая реализуется, в том числе, и с участием художественной литературы, органично вписывается в решение названной задачи. Во всяком случае такова позиция автора статьи. Ведь художественная литература оказывает всестороннее и эффективное влияние на мировоззрение людей, на их поступки, поведение. В наиболее значимых литературных произведениях в художественных образах отражаются социальные идеалы эпохи, усвоение и воспроизводство которых делает человека сопричастным духовному творчеству и напрямую связано с социальным здоровьем народа, нации, социума. Выступая важнейшим фактором социализации человека, художественная литература самым непосредственным образом влияет на социальное развитие страны, на ее национальную безопасность в духовной сфере жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин. Соч. в 3 т. Т.2. — М., 1986. С. 248.
2. Шубин В.И., Капитон В.П. Природа философского знания. — Днепропетровск, 1999. — С. 9.
3. Финогентов В.Н. "... И ропщет мыслящий тростник". — Уфа, 2000. — С.19.
4. Хазиев В.С., Хазиева Е.В. Мировоззрение как субъективная реальность. — Уфа, 2002. — С. 4.
5. Кокорин А.А. Анализ: аксиоматическое эссе. — М.: Изд-во МГОУ, 2003. — С.72.
6. Кокорин А.А. Анализ: аксиоматическое эссе. — М.: Изд-во МГОУ, 2003. — С. 111.
7. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1975.
8. Кант И. Сочинения. М.: Мысль, 1964.
9. Философский словарь/ под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп.— М.: Республика, 2001. — С. 222, 447-448.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ Об Общественной палате Российской Федерации // Российская газета - Федеральный выпуск №3739 от 7 апреля 2005 г.

Аннотация: Предлагаемая читателю статья посвящена исследованию содержательно — сущностных характеристик мировоззрения и художественной литературы. Особое место в ней, следовательно, занимает проблема диалектических связей названных феноменов.

Annotation: L'article proposé au lecteur est dédié à la recherche des caractéristiques essentielles et fondamentales de la conception du monde et des Lettres. Le rapport dialectique des phénomènes en question y occupe une place particulière.

Соколова С.Н.,

доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
Смоленской государственной академии
физической культуры, спорта и туризма,
кандидат философских наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Обоснование необходимости формирования политико-правового механизма регулирования государством безопасности российского общества актуально и своевременно в связи с осмыслением происходящих социальных процессов.

Методологической основой описания политико-правового механизма регулирования безопасности российского общества, может служить теория взаимосвязи двух контуров (симметричного и ассиметричного), которая в определенных моментах поясняет второй контур (Абдеев Р.). Категории симметрии и асимметрии, рассматриваемые российскими и зарубежными учеными (Кузнецов Л., Пригожин И., Стенгерс И.), связаны с категориями устойчивости (устойчивого развития общества) и неустойчивости социальной системы в целом.

Уточним, что при описании процессов самоорганизации в неравновесных системах Пригожин И. четко определил точку бифуркации, в которой происходит нарушение симметрии, приводящей в итоге к дестабилизации всей существующей социальной системы. Но этого не происходит в том случае, когда симметричный контур выполняет функцию регулирования (гомеостаза). Это предположительно можно охарактеризовать как возникающее отклонение в развитии социальной системы, требующее адекватного воздействия власти, т.е. эффективного государственного регулирования, обеспечивающего достаточный уровень безопасности общества.

Политико-правовой механизм — это метод познания социальной реальности, основанный на системе движений (событий), это устройство, в котором и посредством которого совершаются движения, определяемые законами (закономерностями) общественного развития.

Политико-правовой механизм — совокупность способов, факторов и элементов политической системы, определяющих методы воздействия на реальность (объект, процесс), без которой нет «никакой строго точной науки», что позволяет, в данном случае, осмыслить взаимосвязь государственного регулирования и безопасности российского общества.

Формирование политико-правового механизма регулирования властью безопасности страны предполагает:

1. Разработку системы обеспечения безопасности и управления качеством реализации национальных проектов, борьба с коррупцией, обеспечивающих реальную безопасность современного российского общества.
2. Разработку государственных стандартов с учетом специфики развития регионов и отраслей.
3. Внедрение системы экспертизы проектов глобальной безопасности.
4. Реорганизацию административного аппарата на региональном уровне.
5. Контроль трансформаций, происходящих в условиях интеграции.

Государственное регулирование безопасности — это направленное воздейс-

твие на объект управления в соответствии с заданной целью на основе разнообразной информации, полученной в процессе диагностики состояния социальных процессов. Циклическое развитие завершается по мере устранения отклонений в политико-правовом процессе, следовательно, достигается «гомеостазис», а значит, приобретаются знания и умения властными структурами, необходимые для эффективного регулирования и обеспечения безопасности российского общества.

«Новые вызовы и угрозы, с которыми, вступив в третье тысячелетие, сталкивается человечество, со всей очевидностью свидетельствуют об особой актуальности научных исследований проблемы безопасности, выявлению новых особенностей характера и взаимодействия всех элементов в современном мире». [1; с. 582]. Однако по мере регулирования, на основе получаемой информации, властные структуры накапливают опыт, что повышает уровень безопасности, формирует и создает инновационные политические технологии. «От отечественной же науки, как никогда ранее, требуется анализ проблем безопасности с позиции российского человека и общества, с позиции национальных интересов России». [2; с. 582].

Можно и надо выделить *основные факторы*, оказывающие влияние на поддержку населением конкретного политического курса, определяющего степень эффективности государственного регулирования и уровень безопасности российского общества:

- наличие стабильной, организационной преемственно воспроизводящей системы государственной власти, представляющей собой *фактор стабильности*;

- признание населением существующих государственных институтов политического порядка на основе принципов гражданского общества при условии подчинения предписаниям политической власти, что можно определить как *фактор соответствия*;

- наличие интегрирующей, ценностно-идеологической основы, способной консолидировать разнообразные элементы (общности) единой, социально-политической системой ценностей, представляющей собой *интегративный фактор*;

- формирование четкого политического курса с целью реализации основных потребностей населения, представляющего собой *фактор эффективности*;

- осуществление легитимации политической системы с помощью популяризации личности политического лидера, что связано с *фактором личностной поддержки и воздействия*; однако необходимо отметить, что «несмотря на определенные успехи укрепления политической власти, обеспечения эффективности государственного курса и стабильности политической системы в современном российском обществе потенциальная неустойчивость легитимной технократической модели власти продолжает сохраняться». [3; с. 75].

- оптимизация организационно-ценностной структуры информационного обеспечения *военной безопасности*. «Увеличение объема, скорости распространения информации требует осуществления эффективного отбора и предоставления полезных для системы сведений. Получение своевременной, полной и достоверной информации о возможных угрозах дает возможность проводить политику превентивных мер (в том числе и военных) в сфере военной безопасности. Это обуславливает особую роль коммуникативных технологий в обеспечении военной безопасности». [4; с. 330].

- аккумуляция поддержки населения проводимому политическому курсу (ограничению властных статусных полномочий) при возрастании отрицательного отношения российских граждан к существующим властным структурам, определяемых как

фактор электоральной поддержки, что особенно актуально на современном этапе.

Все перечисленные факторы проявляются в современном российском обществе, реализуясь посредством доминирования в общей системе основного фактора стабильности, который обеспечивает безопасности российского общества.

Одна из функций философско-политического знания — это использование научных достижений (разработок) в общественно-политической практике, государственном регулировании, в процессах принятия и осуществления, проведения в жизнь властными структурами решений и постановлений.

Определяющим фактором исследуемого регулирования безопасности российского общества является завершенность государственно-политического, партийно-гражданского процесса, реальность осуществления реформ, их объективность и самодостаточность, демократичность властных структур и устойчивость развития России на современном этапе.

Сегодня российское общество достаточно стабильно, проявляются основные составляющие демократического развития (всеобщие выборы, разделение властей, активно действующий парламент, многопартийность, гражданские права и свободы, местное самоуправление), но все эти претензии на демократическое общество в большинстве своем являются пока что формальными, так как не наполнены адекватным содержанием.

Ситуация достаточно противоречива, в связи с традиционными установками российского электората (менталитет граждан, культурно-историческое наследие России), стремящегося постоянно к централизованной власти, что может не однозначно определять формирование политико-правового механизма регулирования безопасности.

Доказательством этого является слабость институтов гражданского общества и совершенно неприемлемый уровень политической культуры граждан России, осложняющие процесс формирования механизма эффективного регулирования и снижающие уровень безопасности российского общества.

Политико-правовой механизм, обеспечивающий реальную безопасность российского общества сегодня должен обязательно включать основополагающие *элементы политической системы* в целом:

1) структурированность властного воздействия (институты власти), способные осуществить целенаправленные организационно-управленческие регулируемые социальные трансформации и преобразования;

2) инициативность электората, провоцирующая социальные изменения, но исходящая от политической элиты российского общества (политической власти);

3) функционально-активную власть, обеспечивающую безопасность российского общества, что должно осуществляться на основе разделения властей (законодательной, исполнительной судебной);

4) экспертно-аналитический базовый кабинет, обеспечивающий научно-теоретическое осмысление процесса обеспечения безопасности в целом, наделенный полномочиями рассмотрения не только своевременного прогностического анализа событий, но и осуществляющий практический контроль над безопасностью (воздействие на соответствующие властные структуры, например, органы исполнительной власти);

5) рекомендательно-разъясняющие кабинеты на региональном уровне, комплексно воздействующие и контролирующие решение властных структур местного самоуправления, практически реализующие национальные проекты, принятые

правительственные решения.

Все эти основные факторы и элементы политической системы необходимы для реализации политико-правового механизма, качественного и своевременного обеспечивающего эффективность государственного регулирования и достаточный уровень безопасности российского общества на современном этапе.

Политико-правовой механизм, обеспечивающий высокоэффективное регулирование, достаточный уровень безопасности современной России является необходимым условием «приближения власти к гражданам», привлечение электората к реальному, а не номинальному воздействию на общество, развитие разумной инициативы населения страны. Это особенно важно сегодня в связи с процессами осмысления вопросов обеспечения безопасности, формально ответственными полномочиями местной власти, защищающей интересы граждан, их здоровье и жизнь.

Принципиально важный подход со стороны властных структур в противоречивых условиях стабилизирующегося общества, предполагает локализацию отечественной культурно-исторической традиции, активно формирующей общественное сознание граждан России. Это означает децентрализацию регулирования государством сферы культуры (информационную безопасность), воздействие на специфические условия российской культуры и истории, принятие решений, способствующих удовлетворению потребностей российского общества в целом.

И нельзя не согласиться с К.А. Феофановым, который утверждает: «Преодоление последствий культурной глобализации на западный манер и противостояние ей вынуждает органы государственной власти и институты гражданского общества искать пути защиты безопасности цивилизационного развития Российской Федерации. При этом в качестве приоритетов выступают меры по защите русского языка, культуры, литературы, образования, талантливой молодежи».[4; с. 13].

Развитие российского гражданского общества идет сегодня замедленными темпами, так как сначала необходимо преодолеть правовой нигилизм. Особенно важным нам представляется обеспечение лично-ориентированной правовой политики, предполагающей выработку инновационной стратегии правового развития гражданина России.

Совершенно очевидно, что «экономические и культурные достижения не в состоянии сегодня компенсировать недостаток способности свободного оперировать политическими нормами и ролями, эффективно использовать политические права и свободы. Эти способности являются неременной принадлежностью современного человека».[5].

Перечисленные в статье основополагающие факторы и элементы политической системы, могут быть реализованы только в случае подкрепления эффективными мерами преодоления, существующими традициями. Это связано с переходом к обновленной парадигме, наиважнейшими свойствами которой являются политико-правовой характер, инновационные технологии, реализующие госрегулирование безопасности российского общества, направленность на стимулирование властного воздействия на социальные процессы. В итоге, в современной России, находящейся на пути к стабилизации, как никогда остро стоит вопрос о государственном регулировании безопасности.

Стратегия безопасного развития должна быть долгосрочной, перспективной для России, развитие должно осуществляться так, чтобы не происходило кардинальной трансформации культурно-исторических традиций, общественного сознания россиян. Системные изменения должны обязательно учитывать цели и задачи госу-

дарственного регулирования безопасности российского общества, что предполагает качественную реорганизацию социокультурной составляющей, включающей внутреннюю и внешнюю политику России. Политико-правовой механизм предполагает видоизменение законодательства, культуры, социально-политических отношений, морали, что определяет уровень безопасности российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Безопасность России в XXI веке. Социально-гуманитарное исследование. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
2. Безопасность России в XXI веке. Социально-гуманитарное исследование. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
3. Тамбовцев В. Л. Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
4. Тамбовцев В. Л. Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
6. Феофанов К. А. Институциональные механизмы обеспечения безопасности цивилизационного развития России // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4.
5. Комитетами Государственной Думы по культуре и по информационной политике в 2005 г. проведены Парламентские слушания «О законодательном регулировании распространения культурных ценностей и формирования нравственных идеалов средствами массовой информации» / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Парламентские слушания. 14 июня 2005 г.

Аннотация: В статье рассмотрена проблема государственного регулирования безопасности России. Кратко представлены основные факторы, элементы политической системы, предопределяющие формирование политико-правового механизма, обеспечивающего безопасность современного российского общества.

Sokolova S. N.

**FORMATION OF A LEGAL STATE REGULATION OF
SAFETY OF RUSSIA**

The substantiation of necessity of formation of a legal mechanism of state regulation of safety of the Russian society is actual and duly in connection with judgment of occurring social processes.

Illustration inconsistent глобализационного process, sociopolitical development of modern Russia, it is determined by functioning of political, economic, military, religious-cultural, national-historical features that it is necessary to consider(examine) in the ratio concrete scientific categories, laws, relationships of cause and effect and specific interdependence.

Methodological basis of the description of a legal mechanism of state regulation of safety of the Russian society, the theory of interrelation of two contours (symmetric and dissymmetric) which in the certain moments explains the second contour can serve. Categories of symmetry and the asymmetry, considered (examined) by the Russian and foreign scientists, are connected to categories of stability (steady development of a society) and instability of social system as a whole.

Let's specify, that at the description of processes of self-organizing in no equilibrium systems the Russian scientist Progestin И. has precisely defined (determined) a point бифуркации in which there is an infringement of the symmetry resulting(bringing) in a result

to destabilization of all existing social system.

But it does not occur in that case when the symmetric contour carries out function of regulation (homeostasis). It is presumably possible to characterize as an arising deviation (rejection) in development of the social system, demanding adequate influence of authority, i.e. the effective state regulation providing a sufficient level of safety of the Russian society.

Legal is a method of knowledge of the social reality, based on system of movements (events), the device, in which and by means of which these movements determined by laws (laws) of social development are made.

Legal-set of ways, factors and the elements of political system determining methods of influence on a reality (object, process) without which there is no « exact science any strictly », that allows to comprehend, in this case, interrelation of state regulation and safety of the Russian society.

Formation of a legal mechanism of state regulation of safety assumes:

1. System engineering a safety and quality management of realization of national projects, struggle against the corruption, providing real safety of a modern Russian society.
2. Development of state standards in view of specificity of development of regions and branches.
3. Introduction of system of examination of projects of global safety.
4. Reorganization of the administrative device at a regional level.
5. The control of the transformations occurring in conditions of integration.

However in process of state regulation, on the basis of the received information, power structures accumulate experience that raises a level of safety, forms and creates innovative political technologies.

It is possible to allocate *the major factors* influencing support by the population of a concrete political rate, determining a degree of efficiency of state regulation and a level of safety of the Russian society:

- Presence stable, organizational преимущественно reproducing system of the government representing *the factor of stability*;
- A recognition the population of existing state institutes of the political order on the basis of principles of a civil society under condition of submission to instructions of political authority that it is possible to define(determine) as *the factor of conformity*;
- Presence of the integrating, ideological basis, capable to consolidate various elements (generality) uniform, sociopolitical system of the values representing *интегративный the factor*;
- Formation of a precise political rate with the purpose of realization of basic needs of the population representing *the factor of efficiency*;
- Realization легитимации political system with the help of popularization of the person of the political leader that is connected to *the factor of personal support and influence*;
- Accumulation of support of the population to a spent political rate (restriction of imperious status powers) at increase of the negative attitude (relation) of the Russian citizens to the existing power structures, determined as the factor of electoral support that is especially actual at the present stage.

All listed factors are shown in a modern Russian society, being realized by means of domination in the general (common) system of a major factor of stability which provides safety of the Russian society.

The determining factor of state regulation of safety of the Russian society is completeness of state - political, civil process, a reality of realization of reforms, their objectivity and self-sufficiency, democratic character of power structures and stability of development

of Russia at the present stage.

Contradictions of totalitarian system of authority which was replaced by democratic management, attempts of construction of a civil society in Russia, completely yet it is completely realized.

Today the Russian society is stable enough, the basic components of democratic development (general election, division of the authorities, actively working parliament, multi-party system, civil rights and freedom, local self-management) are shown, but all these claims for a democratic society in the majority are meanwhile formal as are not filled with the maintenance (contents).

The situation is inconsistent enough, in connection with traditional installations of the Russian electorate (mentality of citizens, a cultural-historical heritage of Russia), aspiring constantly to the centralized authority that can define (determine) formation of a legal mechanism of state regulation of safety.

The proof is weakness of institutes of the civil society, completely unacceptable level of political culture of citizens of Russia, complicating process of formation of the mechanism of the effective state regulation lowering a level of safety of the Russian society that today is very important and actual.

Legal, providing real safety of the Russian society today should include necessarily basic *elements of political system* as a whole:

1) Structure of imperious influence (institutes of authority), capable to carry out purposeful organizational-administrative adjustable social transformations and transformations;

2) The initiative of electorate provoking social changes, but proceeding from political elite of the Russian society (political authority);

3) The functional-active authority providing safety of the Russian society that should be carried out on the basis of division of authorities (legislative, executive judicial);

4) The analytical base cabinet(study) providing scientific-theoretical judgment of process of a safety as a whole, allocated powers of consideration not only duly прогностического the analysis of events, but also the carrying out practical control over safety (influence on corresponding power structures, for example, enforcement authorities);

5) Explaining cabinets (studies) at the regional level, in a complex influencing and supervising the decision of power structures of the local self-management, practically realizing national projects, the accepted governmental decisions.

All these major factors and elements of political system are necessary for realization of a legal mechanism, qualitative and duly state regulation providing efficiency and a sufficient level of safety of the Russian society at the present stage.

legal, providing highly effective state regulation, a sufficient level of safety России attraction of electorate to real, instead of to nominal influence on a society, development of the reasonable initiative of the population of the country is modern a necessary condition « approach(approximation) of authority citizens ». It is especially important today in connection with processes of judgment of questions of the safety, formally responsible (crucial) powers of the local authorities protecting interests of citizens, their health and a life.

Essentially important approach on the part of power structures in inconsistent conditions of a stabilized society, assumes localization of the domestic cultural - historical tradition actively forming public consciousness of citizens of Russia. It means decentralization of state regulation of sphere of culture (information safety), influence on specific conditions of the Russian culture and a history, the decision-making, needs (requirements) of the Russian society promoting satisfaction for the whole.

The basic factors listed in clause (article) and elements of political system, can be realized only in case of a reinforcement by effectual measures of the overcoming, existing traditions. It is connected with transition to the updated paradigm which most important properties are legal character, the innovative technologies realizing state regulation of safety of the Russian society, an orientation on stimulation of imperious influence on social processes.

In a result, in modern Russia which is taking place on a way to stabilization as never sharply there is a question on state regulation of safety.

Strategy of safe development should be long-term, perspective for Russia, development should be carried out so that there was no cardinal transformation of cultural - historical traditions, public consciousness of Russians. System changes should take into account necessarily the purposes and problems (tasks) of state regulation of safety of the Russian society that assumes qualitative reorganization социокультурной a component including internal and foreign policy of Russia. Legal assumes modification of the legislation, culture, sociopolitical attitudes (relations), morals that defines (determines) a level of safety of the Russian society.

Соколова С. Н.,

*доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Смоленской государственной академии
физической культуры, спорта и туризма,
кандидат философских наук, доцент*

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Современный период развития общества, можно обозначить как время динамичное, противоречивое, характеризующееся социальными потрясениями и природными катастрофами. В этих условиях государственное регулирование безопасности российского общества вызывает особый теоретический и практический интерес, так как сегодня активно осуществляется концептуальный поиск оптимальных вариантов регулирования развития сложных систем, к которым относится и социальная система. «Роль философии в «оценке мировых проблем» многообразна. Одна из основных её ролей связана с концептуальными и методологическими вопросами, встающими при попытках решения мировых проблем». [1; с. 6].

Общепризнанным методологическим положением в современной науке является исследование глобализации как явления, определение состояния человечества кризисным, что требует определенных изменений с целью сохранения стратегических условий существования социума.

«Большинство современных исследователей — как отечественных, так и зарубежных — полагает, что глобализация является спонтанным процессом, который обуславливает, прежде всего, экономическим, технологическим и социальным прогрессом последних десятилетий. В то же время обращают внимание на становление неких глобальных институтов и практик, которые способствуют укреплению единства мирового сообщества». [2; с. 59].

Особое значение в данном контексте приобретает социально-философский анализ эффективного государственного регулирования безопасности в процессе реформирования российского общества. Современный мир динамичен и противоречив, он развивается в многомерном культурно-историческом пространстве, испытывает фундаментальные потрясения, что влияет и на российское общество.

Научное осмысление имеет сегодня «важнейшее практическое значение для новой парадигмы философии, в которой философия вступает в ранг не только медиатора, носителя метаязыка, но и в определенных точках метаорганизатора духовной и материальной активности человека». [3; с. 8].

Россия, являясь активным участником интеграционных, общемировых глобальных процессов, обладает значительным потенциалом, ресурсами во всех областях жизнедеятельности и оказывает существенное влияние на формирование нового мироустройства.

Проблемы геополитики, несомненно, находятся в тесном взаимодействии с вопросами в сферах экономической, социальной, военной и других. Россия находится в центре радикальных геополитических и региональных событий.

Занимая уникальное положение, она испытывает на себе воздействие процессов, происходящих в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Ближнем и среднем

Востоке. Для вхождения в новую экономическую и политическую международную жизнь необходимо учитывать специфику культурного бытия российского государства, с одной стороны, и особенности процесса интеграции, с другой.

Альтернативность исторического развития России на современном этапе является сложнейшей проблемой выбора дальнейшего пути и перспектив ее социальной эволюции. Государственное регулирование безопасности российского общества связано с мировоззренческой ориентацией, культурно-нравственной сферой бытия личности и общества, осознанием своего места и роли в мировом сообществе. Государственное регулирование безопасности сегодня связано с объективно растущей ответственностью за действия политических лидеров и всех граждан России.

В центре концептуальной модели государственного регулирования безопасности на современном этапе, находятся процессы развития, согласно которым содержание всемирной истории рассматривается как поступательное движение, противоречивое и сложное, и так оно реализуется во всех сферах общественной жизни. Современное российское общество — это система, способная к самоорганизации, элементы которого вступают во взаимодействие при возникновении состояния неравноправия и создают внутренние структуры, способные к самоорганизации, самодвижению и саморазвитию.

Государственное регулирование безопасности актуализируется в связи с вопросом разработки механизмов обеспечения стабильности в обществе, политической независимости и выявления позитивных тенденций развития российского общества.

Концепция безопасности современной России — это система принципов и взглядов, раскрывающих механизмы, средства и методы защиты государственных интересов, проанализированных и одобренных с позиции международного права, социально-экономической, политической, военной, экологической и гуманитарной сфер от внешних и внутренних угроз и опасностей.

Теоретические положения концепции национальной безопасности России должны представлять собою результат реализации комплексного подхода, то есть они призываются раскрывать цели и задачи обеспечения безопасности личности и общества в целом, указывать пути сохранения государственности России, показывать предназначение и роль российского государства в мировом процессе.

Глобальные процессы переустройства мира происходят сегодня при активном участии России, которая стремится к сотрудничеству со всеми субъектами международных отношений, и, прежде всего с партнерами Евросоюза. Это обусловлено, в первую очередь, необходимостью укрепления безопасности, стабильности в Европе в связи с нестабильностью ситуации на основе национальных и религиозных конфликтов, социально-экономических потрясений, территориальных споров в настоящем и будущем.

И нельзя не согласиться с утверждением, что «современная цивилизация находится на переломном этапе своего развития. Анализируя тенденции цивилизационного развития, философия призвана ответить на вопрос: в чем заключается система базисных ценностей современной цивилизации и что должно и может измениться в этой системе». [4; с. 16].

Указанные причины определяют актуальность проведения специальных фундаментальных исследований в области государственного регулирования безопасности общества. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в настоящее время существенно зависит от обеспечения одного из важных направлений безопасности в силу сложившейся неблагоприятной геополитической обста-

новки. Речь пойдет о факторе, конечно же, человеческом.

Национальная безопасность как высшая государственная система противодействия угрозам нанесения ущерба государству, обществу и личности в организационно-управленческом отношении обеспечивается через практическую деятельность структур государственной власти. В научно-методическом отношении национальной безопасности в современной России за последние несколько лет созданы основы концепции обеспечения безопасности российского государства.

Осмысление проблемы безопасности современного российского общества взаимосвязано с человеческим фактором, обладающим способностью решать вопросы социально-политической, экономической и духовной безопасности, что предполагает умение регулировать возникающие в различных сферах жизнедеятельности конфликты ненасильственным путем; готовность понимать различные культуры, религии, языки, национальные традиции; стремление сохранять и развивать российскую национальную культуру. Современный российский гражданин должен владеть технологиями в области своей специальности, понимать рамки применения и распространения этих технологий для совершенствования своего профессионализма, развития нравственных качеств личности.

Справедливо и актуально звучит утверждение В.В. Миронова о том, что «в настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры». [5; с. 27].

В связи с этим, для эффективного государственного регулирования безопасности российского общества, современная система образования должна особое внимание уделять религиозной направленности, развитию способностей личности, ее инновационной деятельности, высокой адаптивности к постоянно изменяющимся условиям социального бытия, осмыслению глобальных проблем.

Сегодня особенно необходима социально ориентированная политика, обеспечивающая свободный доступ личности к духовным ценностям, так как именно это является важнейшим основанием обеспечения экономической и духовной безопасности российского государства в условиях информационного общества.

Деятельность государства представляет собой творческую активность, детерминированную национальными интересами, проявляющимися в государственности или «национальном значении», закреплённом в культуре, которая включает деятельность религиозную, собственно культурную, политическую и экономическую.

Современный этап развития международных отношений, свидетельствует о нарастании взаимосвязи и взаимозависимости различных стран друг от друга, с одной стороны, и желанием преобладать — с другой. В тоже время, совершенно очевидно, что мир действительно целостен, един и «проницаем», и в этом контексте возрастает возможность формирования новых структур в области политики, государственных интересов и национальной безопасности.

Реально осуществляемая сегодня трансформация международных отношений, российские демократические реформы, существенно расширили и видоизменили возможности равноправного сотрудничества. При безусловном сохранении значения военной силы в отношениях между различными государствами ведущую роль играют экономические, политические, научно-технические, культурно-исторические, экологические, демографические, информационные факторы.

Актуализируются, занимают определяющее место в национальном россий-

ском политическом процессе интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, благосостояние, образовательный уровень населения, научные и производственные ресурсы, многообразие и эффективность экономических и культурно-исторических связей.

Современный научно-технический прогресс, создание единого общемирового информационного пространства, разветвление, дифференциация, специфика международных экономических связей, придают тенденции социального взаимодействия, взаимовлияния, взаимозависимости различных государств носят всеобщий характер. Объективно, таким образом, создаются предпосылки для возникновения и развития стабильного общественного мироустройства при условии эффективного регулирования безопасности российского и всех других обществ.

Отметим также, что современная международная обстановка, анализируемая с позиций обеспечения национальной безопасности России и сохранения государственности, связана со значительной неопределенностью в отношении потенциальных источников угроз, способов и приемов дестабилизации в обществе, а также форм, в которых осуществляются данные угрозы.

Проявления различного вида насилия (например, терроризм), свидетельствуют о том, что новые технологии могут изменить формы межгосударственного противостояния, основу межгосударственных конфликтов и концепция национальной безопасности России не будет отвечать требованиям времени.

Напомним, что обычно выделяют четыре основные группы факторов, оказывающих влияние на формирование международной обстановки и место России в современном мировом сообществе. К первой группе относятся факторы, влияющие на снижение опасности развязывания крупномасштабного военного конфликта, противостоящие расчленению России, её геополитического пространства с целью получения доступа к природным ресурсам страны, созданию рынка сбыта иностранных товаров, и главное — стремлению исключить в перспективе возможность создания на евразийском пространстве сильного государства, способного претендовать на реальное лидерство, иметь свой независимый голос в международных делах.

Ко второй группе относятся факторы, оказывающие влияние на продолжение расширения блока НАТО.

Третьей группой факторов можно назвать сохраняющиеся кризисные тенденции экономического, социального развития государств мирового сообщества, а также соперничество государств за раздел сфер влияния в политике, экономике и культуре.

В современном обществе конкуренция приобрела глобальный характер, но современный цивилизационный уровень развития сопредельных государств в основном благоприятно влияет на обеспечение безопасности российского общества. Однако сегодня активизирует усилия ряд государств по ослаблению позиций России при разрешении крупных международных политических, экономических и социально-культурных вопросов, проблем, проектов.

К четвертой группе факторов относится глобальное распространение террористических и экстремистских движений и групп. «Терроризм объявил войну всему человечеству». [6; с. 82].

Роль России в мировом сообществе характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений. С окончанием эры биополярной конфронтации возникли взаимоисключающие тенденции к формированию многопланового мира, к установлению доминирования одного государства или группы госу-

дарств в общемировых делах.

В современный период перехода к новому состоянию международных отношений, возрастает значение философской методологии при осмыслении роли российского общества, что дает стимул дальнейшим разработкам в области современной отечественной философии, раскрывает новые смыслы гуманистических идей, в процессе выработки социокультурных основ современного мира, новой парадигмы существования цивилизаций, возрождения духовной культуры. Безопасность, стабильность и благополучие в современном обществе, способно гарантировать сильное государство и возвращение России высокого международного авторитета. Престиж России на международной арене во многом зависит от успеха экономических, политических и социальных преобразований в стране, но и от развития процесса глобализации.

Поясним, что в связи с этим, проблема развития, выступающая одним из основополагающих направлений социально-философских исследований, в начале третьего тысячелетия приобретает важное теоретическое и практическое значение. От качества прогнозирования развития социальных систем и последующего осуществления движения в культурно-историческом пространстве зависит безопасное будущее всего человечества, в том числе и российского общества. Это ставит новые вопросы перед методологией в целом, и в особенности перед социальной теорией развития, предлагает методологический анализ обновленных парадигм обеспечения безопасности современной России.

Государственное регулирование безопасности современной России приобретает сегодня не менее важное значение, чем вопросы глобализационного развития. Да, это так. И такое положение нашло свое отражение в появлении обновленных научных дисциплин и направлений исследовательской работы и привело к тому, что понятие безопасности превратилось, на взгляд автора статьи, в междисциплинарно-интегративное.

В результате, должно возникнуть обновленное направление научного обобщения, с целью приращения научного знания, как в области социальной философии, политологии, социологии безопасности, так и общенаучного и частнонаучного знания. Автор статьи обращается к концепции национальной безопасности России как динамичной форме знания, раскрывающей смысл исследуемого вопроса, с целью выработки целостной научной теории о предметном поле нашего поиска.

В дальнейших статьях автор предлагает рассмотреть ряд направлений:

Во-первых, обосновать идею о возможности существования в геополитическом пространстве различных форм социального опыта, представляющих для общей теории устойчивого развития практический интерес, определяющий судьбу России и всего мирового сообщества.

Во-вторых, обосновать, что необходимость государственного регулирования безопасности современного российского общества является основополагающим моментом в процессе движения по приемлемой траектории, обеспечивающей позитивные реалии и возможности существования российского общества в мировом пространстве.

В-третьих, необходим социально-философский анализ, как в онтологическом, так и в гносеологическом плане, что важно осуществить в ходе научного осмысления, обеспечивая переход от случайных, непредсказуемых взаимодействий к прогнозируемому, равноправному сотрудничеству и политическому сотворчеству России с различными государствами в процессе глобализации.

В-четвертых, в концептуальном построении предполагается показать наличие определенной меры взаимосвязи развития и безопасности, которая обеспечивает как существование российского общества, так и развитие всего мирового сообщества в условиях необходимого и достаточного уровня безопасности.

В-пятых, иллюстрируя возрастание роли государственного регулирования безопасности российского общества в современной научной мысли можно прогнозировать процесс формирования на основе частнонаучного понятия «безопасность» общенаучной категории, а также развитие науки о безопасности, включение её в этом статусе в теорию устойчивого развития.

В-шестых, автор статьи убежден, что социально-философское осмысление государственного регулирования безопасности современной России может значительно повлиять на обеспечение международной безопасности, на выбор стратегии глобализационного развития, в процессе формирования обновленных принципов геополитики в направлении стабилизации и устойчивого развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. 2004. № 3.
2. Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.
3. Суркова Л. Философия в мире: поиск методологических оснований // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 1.
4. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
5. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2.
6. Ильясов Ф. Н. Терроризм — от социальных оснований до поведения жертв // СОЦИС. 2007. № 6.
7. Набиев В. Государственная политика в области международного сотрудничества по борьбе с терроризмом // Власть. 2007. № 8.

Аннотация: В статье обобщенно раскрываются вопросы, касающиеся поиска концептуально-оптимальных вариантов эффективного госрегулирования безопасности российского общества. Государственное регулирование безопасности современной России приобретает сегодня не менее важное значение, чем вопросы глобализационного развития, тесно связанные с перспективами выживания человечества.

Sokolova S. N.

PROSPECTS OF STATE REGULATION OF SAFETY OF THE RUSSIAN SOCIETY AND GLOBALIZATION

The modern period of development of a society, it is possible to designate as time dynamical, inconsistent, described by social shocks and natural accidents.

State regulation of safety of the Russian society causes special theoretical and practical interest as conceptual search of optimum variants of regulation of development of complex (difficult) systems to which the social system concerns also today is actively carried out.

The conventional methodological position in a modern science is research of globalization as the phenomena, definition of a condition of mankind crisis that demands the certain changes with the purpose of preservation of strategic conditions of existence of society (struggle against the international terrorism).

Special value in the given context gets the social - philosophical analysis of effective state regulation of safety during reforming the Russian society. The modern world is

dynamical and inconsistent, it (he) develops in multivariate cultural - historical space, tests fundamental shocks that influences and the Russian society.

Russia, being the active participant of integration, universal global processes, possesses significant potential, resources in all areas of ability to live and renders essential influence on formation new мироустройства.

Problems of geopolitics, undoubtedly, are in close interaction with questions in spheres economic, social, and military and others. Russia is in the center of radical geopolitic and regional events.

Borrowing (Occupying) unique position, she (it) tests on herself influence of the processes occurring in Europe, Asian – Pacific region, the near and average East. For occurrence during a new economic and political international life it is necessary to take into account specificity of cultural life of the Russian state, on the one hand, and features of process of integration, with another.

Alternativeness of historical development of Russia at the present stage are the most complicated problem of a choice of the further way and prospects of its(her) social evolution. State regulation of safety of the Russian society is connected to world outlook orientation, cultural – moral sphere of life of the person and a society, comprehension of the place and a role in the world community. State regulation of safety today is connected to the responsibility for actions of political leaders and all citizens of Russia.

In the center of conceptual model of state regulation of safety at the present stage, there are developments according to which the maintenance (contents) of a world history is considered (examined) as progress, inconsistent and complex (difficult), that is realized in all spheres of a public life. The modern Russian society is the system capable to self-organizing which elements enter interaction at occurrence of a condition of inequality and create the internal structures capable to self-organizing, self-movement and self-development.

State regulation of safety is static zed in connection with a question of development of mechanisms of maintenance of stability in a society, political independence, revealing of positive tendencies of development of the Russian society.

The concept of safety of modern Russia is a system of principles and the sights revealing mechanisms, means and methods of protection of the state interests analyzed and approved from a position of international law, social and economic, political, military, ecological and humanitarian sphere from external, internal threats and dangers.

Theoretical positions of the concept of national safety of Russia should represent themselves the complex approach, that is open the purposes, problems(tasks) of a safety of the person and a society as a whole, to specify ways of achievement of preservation of statehood of Russia, to show applicability and a role of the Russian state in world process.

Global processes of a reorganization of the world occur today at active participation of Russia which aspires to cooperation with all subjects of the international attitudes (relations), and, first of all to partners of the European Community. It is caused, first of all, by necessity of strengthening of safety, stability for Europe in connection with instability of a situation on the basis of national, religious conflicts, social and economic shocks, territorial disputes in the present and the future.

The specified reasons define (determine) a urgency of carrying out of special basic researches in the field of state regulation of safety of a society. Maintenance of national safety of the Russian Federation now essentially depends on maintenance of one of the important directions of safety by virtue of developed adverse geopolitic conditions.

National safety as the maximum (supreme) state system of counteraction to threats of drawing of damage to the state, a society and the person in the organizational - administrative

attitude (relation) is provided through practical activities of structures of the government. In the scientific - methodical attitude (relation) of national safety in modern Russia for the last some years are created bases of the concept of a safety of the Russian state.

The judgment of a problem of safety of a modern Russian society is interconnected to the human factor possessing ability to solve questions of sociopolitical, economic and spiritual safety that assumes skill to adjust abilities to live arising in various spheres conflicts in the nonviolent way; readiness to understand various cultures, religions, languages, national traditions; aspiration to keep and develop the Russian national culture. The modern Russian citizen should own technologies in the field of the specialty, understand frameworks of application and distribution of these technologies for perfection of the professionalism, development of moral qualities of the person.

In this connection, for effective state regulation of safety of the Russian society, the modern education system should give special attention to a religious orientation, development of abilities of the person, it's (her) innovative activity, high adaptability to constantly changing conditions of social life, judgment of global problems.

Today socially focused policy(politics) providing an easy approach of the person to cultural wealth as it is the major basis of maintenance of economic and spiritual safety of the Russian state in conditions of an information society is especially necessary.

Activity of the state represents the creative activity determined by national interests, shown in statehood or « national value », fixed in culture which includes activity religious, actually cultural, political and economic.

Transformation of the international attitudes (relations) really carried out today, the Russian democratic reforms, have essentially transformed, have expanded and have altered opportunities of equal in rights cooperation. At unconditional preservation of value of military force in attitudes (relations) between the various states the leading part is played with economic, political, scientific and technical, cultural – historical, ecological, demographic, information factors.

Are italicized, take a determining place in national Russian political process intellectual, information and communication opportunities, well-being, an educational level of the population, scientific and industrial resources, variety, efficiency of economic, cultural – historical communications(connections).

Modern scientific and technical progress, creation of uniform universal information space, branching, differentiation, specificity of the international economic relations, give tendencies of social interaction, interferences, have by interdependence of the various states general character. Objectively, thus, preconditions for occurrence and development stable public мироустройства under condition of effective state regulation of safety of the Russian society are created.

Let's note, that the modern international situation analyzed from positions of maintenance of national safety of Russia and preservation of statehood, it is connected to significant uncertainty concerning potential sources of threats, ways and receptions of destabilization in a society, and also forms in which the given threats are carried out.

Displays of a various kind violence (terrorism), testify that new technologies can change forms of interstate opposition, a basis of interstate conflicts and the concept of national safety of Russia will not meet the requirements of time.

Let's remind, that allocate four basic groups of the factors influencing formation of an international situation and a place of Russia in the modern world community. The factors influencing decrease (reduction) of danger развязывания of the large-scale military conflict concern to the first group.

Further, a partition of Russia, its (her) geopolitic space with the purpose of reception of access to natural resources of the country, to creation of a commodity market of the foreign goods, and the main thing - aspiration to exclude in the long term an opportunity of creation on the Eurasian space of the strong state, capable to apply for world (global) leadership.

The factors influencing continuation of expansion of the block of the NATO concern to the second group.

It is possible to name the third group of factors kept crisis tendencies of economic, social development of the states of the world community, and also rivalry of the states for section of spheres of influence in a policy (politics), economy and culture.

In a modern society the competition has got global character, but modern цивилизационный the level of development of the adjacent states basically favorably influences a safety of the Russian society. However today makes active efforts a number (line) of the states, directed on easing of positions of Russia at expansion of large international political, economic and welfare attitudes (relations).

Global distribution of terrorist and extremist movements and groups concern to the fourth group of factors.

The role of Russia in the world community is characterized by dynamical transformation of system of the international attitudes (relations). The termination (ending) of an era of bipolar confrontation there were mutually exclusive tendencies to formation of the multilane world, to an establishment of domination of one state or group of the states in universal affairs.

During the modern period of transition to a new condition of the international attitudes (relations), value of philosophical methodology grows at judgment of a role of the Russian society that gives stimulus to the further development in the field of modern domestic philosophy, opens new senses of humanistic ideas, during development (manufacture) социокультурных bases of the modern world, a new paradigm of existence of civilizations, revival of spiritual culture. In a modern society, the strong state and returning of Russia high international authority is capable to guarantee safety, stability and well-being. The prestige of Russia on international scene in many respects depends on success of economic, political and social transformations in the country, from development of process of globalization.

State regulation of safety of modern Russia gets today not less great value, than questions глобализационного the developments closely connected to prospects of a survival of a human society.

In result, there should be a updated direction of scientific generalization, with the purpose of an increment of scientific knowledge, as in the field of social philosophy, political science, sociology of safety, and general scientific, частнонаучного knowledge. The author of clause(article) addresses to the concept of national safety of Russia as to the dynamical form of knowledge revealing sense of the researched question as till this moment there were no attempts to create the complete scientific theory in a subject field of search.

Objective necessity of a safety of modern Russia arises and at a social level becomes деятельностью the attitude (relation), bringing to a focus to religious, national interests, vital for the person and mankind as a whole.

Taking into account, that the philosophy and methodology of a science prosecuted the given subjects a little, the author of clause (article) has stopped on the basic methodological moments, as the most comprehensible form of the scientific search promoting disclosing of specificity of state regulation of safety of the Russian society.

In clause (article) it is offered to consider a number (line) of directions: first, the idea about an opportunity of existence in geopolitic space of various forms of the social

experience representing for the general (common) theory of steady development practical interest, determining destiny of Russia and all world community is proved.

Second, it is supposed, that necessity of state regulation of safety of a modern Russian society is the basic moment during movement on the comprehensible trajectory providing positive realities and opportunities of existence of the Russian society in world(global) space.

Thirdly, the social – philosophical analysis, both in onto logic, and in the gynecological plan that it is important to carry out during scientific judgment is necessary, providing transition from casual, unpredictable interactions to predicted, equal in rights cooperation and political co authorship of Russia with the various states during globalization.

Fourthly, in conceptual construction presence of the certain measure of interrelation of development and safety which provides both existence of the Russian society and development of all world community in conditions of a necessary, sufficient level of safety is supposed.

As base for judgment of interrelation of categories of development and safety, concepts «national safety», «national interests», «steady development», «globalization» which are defined (determined) as the basic moments in a context of state regulation of safety are offered.

Fifthly, illustrating increase of a role of state regulation of safety of the Russian society in modern scientific ideas it is possible to predict process of formation on a basis частногона-учного concepts “safety” of a general scientific category, and also development of a science about safety, it’s (her) inclusion in this status in the theory of steady development.

Sixthly, the author of clause (article) is convinced that the social – philosophical judgment of state regulation of safety of modern Russia can considerably affect maintenance of the international safety, on a choice of strategy глобализационного developments, during formation of the updated principles of geopolitics in a direction of stabilization and steady development.

Суханов В.И.,

*Аппарат Губернатора и Правительства
Нижегородской области, начальник отдела;
ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»,
соискатель кафедры философии и
теории социальной коммуникации*

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

В ряду проблем современной социальной философии весьма скромное место занимает проблема поиска методологических оснований исследования проблемы формирования привлекательности региона как системы, характеризующейся «совокупностью естественных и исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических, демографических и социокультурных особенностей» [1]. В условиях трансформации российского общества все более очевидной становится необходимость преодоления недостатков фрагментарного подхода к исследованию особенностей рассматриваемого феномена, его объективных и субъективных характеристик. Инновационные процессы в области экономики и наукоемких производств, изменение методов управления и модернизация системы образования подвели к осознанию необходимости разработки новых подходов к исследованию всего комплекса условий, определяющих содержание и направленность функционирования и развития регионов. Последние рассматриваются как промежуточный (мезо-) уровень между макро- (общесовременные процессы, связанные с интеграцией и глобализацией) и микро- (местными, локальными) уровнями общественных систем [2].

В качестве методологической основы исследования проблемы формирования привлекательности региона мы использовали системный метод, что, по нашему мнению, имеет ряд преимуществ: во-первых, регион в совокупности его объективных и субъективных связанных между собой составляющих представляет собой систему, отличающуюся структурно-функциональными особенностями каждого из образующих её элементов, взятых в отдельности, и, вместе с тем, характерными для нее в целом; во-вторых, эти составляющие систему элементы находятся в определенных взаимных отношениях друг с другом, что способствует сохранению целостности региона как системы; в-третьих, системность рассматриваемого феномена проявляется и в том, что его составляющие находятся во взаимосвязи не только друг с другом, но и с внешней средой, без чего в современных условиях невозможно осуществление стратегии развития региона; в-четвертых, каждая из составляющих региона является, в свою очередь подсистемой, характеризующейся своими качественными и количественными параметрами их со-бытия в составном целом региона как системы.

Модернизация современного общества в условиях глобализации повлекла за собой глубокие изменения социальной среды, оказывающей формирующее воздействие на ценностные ориентации и установки социального субъекта, т.е. человека, его потенциальные возможности. Очевидно при этом, что рассмотрение потенциальных возможностей человеческих ресурсов вне их взаимодействия с другими

составляющими региона как системы (семья, образовательные учреждения, политические институты, средства массовой информации, банковские и другие финансовые структуры, производственные объединения и т.д.) не имеет смысла как в теоретическом, так и в практическом планах. Качественные и количественные характеристики взаимодействий человека и среды его обитания находили и находят различные концептуальные выражения в философских, экономических, социологических и политологических теориях.

В конкретных условиях современной России поиск новых подходов к проблеме формирования привлекательности региона (инвестиционной, научно-технической, культурной, геополитической и других) имеет большое теоретическое и практическое значение для эффективной реализации планов стратегического развития региона. В теоретическом плане она будет способствовать разработке методологических оснований диалектического разрешения противоречий между макро- и микроуровнями общественных систем. Не менее актуальной в этом же плане является и проблема понимания содержания и направленности общественных процессов в новых условиях информационного общества, характерной особенностью которого является тенденция формирования «сообщества знаний», роль которых постоянно растет, «превращая их в «общества знания», а экономику в «экономику знания» [3].

Что касается практического аспекта рассматриваемой проблемы, то здесь, прежде всего, встает вопрос об эффективном использовании человеческих ресурсов, возможностей применения инновационных технологий и методов управления экономическими и социальными процессами, создания условий, отвечающих потребностям жизнеобеспечения современного человека и его духовным запросам.

Говоря о проблеме формирования привлекательности региона следует, на наш взгляд, ответить на вопрос о том, какой смысл вкладывается в искомое понятие. Привлекательный, согласно толковому словарю русского языка, - это такой, который привлекает к себе внимание, располагает к себе, нравится. Мы говорим - привлекательная внешность (в смысле красивая, доброжелательная), привлекательная перспектива (в смысле заманчивая, многообещающая). Иначе говоря, в смысловой нагрузке данного термина может раскрываться либо прагматический аспект (к примеру, инновационная или инвестиционная привлекательность региона), либо выражение эстетического или духовно-нравственного отношения к личности, либо оценка сложившейся ситуации (к примеру, привлекательная девушка, непривлекательная обстановка).

В контексте рассматриваемой проблемы, т.е. привлекательности региона, фактор системности очевиден. Если, к примеру, речь идет о туристической привлекательности региона, то помимо основного объекта привлечения внимания (теплый, хороший климат, море, горы, красота мест, архитектура, места культовых поклонений и т.д.), необходимо наличие соответствующей инфраструктуры и транспортного обеспечения, а также сервиса и условий безопасности, отвечающих требованиям на уровне мировых стандартов.

Не менее важным с точки зрения системного подхода к проблеме привлекательности региона является ответ на вопросы о том, для кого и с какой целью обозначаются контуры этой самой привлекательности. Субъектами деятельности, воспроизводящей устойчивые интегрирующие или разделяющие структуры рассматриваемой системы, являются различные ветви политической власти в регионе, бизнес-элита, научные кадры, преподавательский состав системы образования, журналисты, банковские служащие и т.д. Каждый из них преследует цели как прагматического ха-

рактера (получение инвестиций, продвижение брендов, расширение рынка своей продукции и услуг), так и цели духовно-нравственного и профессионального планов - формирование позитивного общественного мнения вокруг проблем, связанных с поддержанием репутации и формированием позитивного имиджа различных структур политической власти, бизнеса, повышение трудовой и общественной мотивации населения, изменение или закрепление в массовом сознании тех или иных ценностных ориентаций и установок, раннее предупреждение межэтнических конфликтов и межрелигиозных разногласий.

Данное направление системного исследования проблемы формирования привлекательности региона в методологическом плане связано, во-первых, с исследованием реальных процессов организации общественной жизни в регионе; во-вторых, с определением места и роли социальных субъектов и их потенциальных возможностей в развитии региона и в осуществлении межрегиональных и межгосударственных связей.

Очевидно, что первое обращено к проблеме создания условий для жизни и деятельности людей. Характерной особенностью современных процессов интеграции и глобализации является выравнивание во всемирном масштабе стандартов потребления, что, вместе с тем, ужесточает требования, предъявляемые к человеку, к уровню его профессионализма, качеству знаний. Одной из характерных особенностей нашего времени становится необходимость создания новой среды обитания человека, где определяющими становятся факторы социокультурного плана - наличие транспортной инфраструктуры, школ, средних и высших учебных заведений, учреждений культуры, бытового обслуживания и жизнеобеспечения. Словом, для создания привлекательного образа региона среда обитания человека в современных условиях должна быть такова, чтобы там сохранились образованные и профессионально подготовленные кадры, чтобы туда стремились приехать специалисты, сам факт пребывания которых формирует в общественном мнении имидж благополучного, достойного внимания центра научной, творческой, комфортной жизни.

Многообразие социальных связей, в которых осуществляется производственно-экономическая, политическая и повседневная деятельность социальных субъектов, имеет процессуальный характер, в звеньях которого раскрываются социальные формы реального бытия людей. В общем социальном пространстве жизни и деятельности последних, происходит актуализация их индивидуальных и общественных потребностей и интересов, творческих способностей и знаний, определяющих содержание и направленность воспроизводящихся и возникающих вновь социальных связей, соответствующих современному этапу общественного развития. В этом контексте проблема человеческого потенциала как важнейшего признака субъективного фактора региона связана с необходимостью создания и исследования условий, оказывающих определяющее влияние на формирование жизненных целей, мотивов и норм поведения человека. Как непосредственное условие бытия индивидов социальная среда, с одной стороны, оказывает формирующее воздействие на человека, но с другой, - сама, в свою очередь, изменяется под влиянием его производственной, научной и повседневной деятельности.

Видимо следует признать, что в современных условиях укрепления российской государственности и культуры демократии, становления рыночных отношений и гражданского общества проблема формирования привлекательности региона сфокусирована прежде всего на человеческом факторе, необходимости формирования его интеллектуального и духовно-нравственного потенциала и социально

ответственной самореализации. Очевидно, что особый интерес в этом плане представляет молодежь, которой в ближайшие десятилетия предстоит принять на себя все трудности и ответственность за решение стратегически важных, определяющих будущее страны проблем экономического, социального и духовного развития. Как справедливо отмечается в одном из последних исследований особенностей ценностного сознания молодого поколения, реальные процессы развития современного российского общества наглядно свидетельствуют о необходимости включения программы молодежной политики в комплекс приоритетных направлений инновационной социальной стратегии регионов Российской Федерации.

Выбор направлений исследования специфических особенностей социального субъекта региона, в данном случае имеется в виду молодежь, отличается многообразием подходов и оценок. В качестве предмета исследования мы остановимся на анализе некоторых показателей ценностного сознания молодежи, полученных в результате социологического исследования приоритетов массового молодежного сознания, а также факторов социальной среды, оказывающих наибольшее влияние на формирование политических и экономических ориентаций и установок молодых людей. (Опрос проводился в Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2006-2007 гг.).

В числе факторов социальной среды указывались семья, образовательные учреждения, средства массовой информации, друзья, Интернет. Согласно полученным данным наибольшим влиянием на ценностные ориентации молодежи пользуется Интернет — этот факт признали 48% опрошенных россиян, затем идет телевидение — 39,5%, радио — 7%, газеты — 5%. В целом же главным источником информации, заслуживающим доверие молодежи, в России являются средства массовой информации, что признали 72,3% респондентов. В связи с тем, что опрос проводился в рамках международного исследования, для нас представляют интерес некоторые сравнительные данные по немецкой молодежи. Так, в Германии в целом признают определяющую роль средств массовой информации в формировании ценностного сознания также 72,3% молодых людей. В выборе конкретных источников информации предпочтения немецкой молодежи распределились следующим образом: роль телевидения признали 55,5% опрошенных, Интернет — 34,4%, радио — 5,6%, газет — 4,4%. Что касается семьи, то 33% опрошенных россиян (против 45% среди немецких респондентов) признали факт того, что родители помогают им разобраться в политических и экономических вопросах.

В оценке роли образовательных учреждений (школа, вуз и суз) российские показатели оказались очень низкими — только 21% опрошенных (против 46,7% ответов немецких респондентов) признали эффективность помощи школы и высшего учебного заведения в понимании происходящих в стране политических событий и экономических процессов. Положительная оценка помощи друзей составила всего лишь 13% среди опрошенных россиян против 17% данных опроса по Германии [4].

Очевидно, что дать однозначную оценку приведенных выше данных об особенностях ценностного сознания молодежи на конкретном (конец 2006 года) отрезке времени представляет значительную трудность. Во-первых, эти данные вполне объяснимы не только с точки зрения особенностей переживаемого Россией конкретного этапа становления гражданского общества, но и необходимостью рассмотрения и понимания особенностей социального субъекта как открытой системы, устойчивость которой зависит от того, насколько она способна к самосохранению в различных условиях взаимодействия со средой. Во-вторых, исследование современных экономических и социальных процессов, а также особенностей влияния

информационно-коммуникативных технологий на эти процессы подводят к признанию справедливости утверждения о кризисе «исчерпавшего себя стереотипного линейного мышления», о необходимости дополнения системного метода исследований социальных явлений методом синергетическим. Иначе говоря, к исследованию человеческих ресурсов региона как важнейшего показателя последнего следует подходить как к открытой системе, самоорганизация которой в точке бифуркации будет зависеть от «возможностей, заложенных в среде» [5].

Продуктивность дополнения системного метода при исследовании проблемы формирования привлекательности региона синергетическим методом становится очевидной, если проанализировать особенности социальной среды под углом зрения заложенных в ней возможностей для сохранения устойчивости и способности к самоорганизации социального субъекта как открытой системы. В связи с тем, что в качестве примера для исследования такого важнейшего элемента привлекательности региона как человеческий фактор, данные были использованы по Нижегородской области, то позволим себе и в дальнейших рассуждениях использовать конкретные материалы по этому же региону.

Изучая реальные возможности успешного социально-экономического развития области при отсутствии запасов важных природных ресурсов (газ, нефть, уголь, руда и т.д.), но при высоком уровне развития наукоемких технологий, сохранении достаточного количества научных и университетских центров, Б.П. Шулындин выделяет среди прочих ряд очень важных с точки зрения возможностей использования человеческого потенциала показателей региона. К ним автор относит: 1) производство на основе высоких технологий (иначе говоря, объективные основания и интеллектуальный потенциал, накопленные в большом количестве в регионе, имеют все возможности для дальнейшего его развития в качественно новых вариантах и направлениях взаимодействия и взаимовлияния его составляющих элементов); 2) богатейшее историко-культурное наследие региона, благоприятная духовная атмосфера способны сохранять и привлекать трудовые ресурсы, в том числе высококвалифицированные кадры из других регионов [6].

Очевидно, что регион располагает объективными и субъективными основаниями, с одной стороны, для создания предпосылок формирования общества или экономики знаний, а, с другой, - иметь такие «точки бифуркации», которые будут содействовать сохранению устойчивости региона как открытой системы. Объяснение этому мы находим в том, что в регионе налицо объективные условия для подготовки молодых кадров (своих и со стороны) к вхождению в цепочку изменяющихся под влиянием экономических и технологических инновационных процессов показателей региона, не теряя при этом качественной определенности и целостности последнего.

Вместе с тем, на наш взгляд, синергетический подход, в равной степени как и структурно-функциональный, кластерный и историко-культурный, следует рассматривать как направления исследования, конкретизирующие различные аспекты привлекательности региона.

Подводя итоги сказанному выше, хотелось бы отметить, что системный подход раскрывает возможности исследования всего комплекса условий, определяющих содержание и направленность развития региона и формирующих его привлекательность.

Использование системного подхода позволяет установить иерархическую структуру факторов социальной среды, оказывающих непосредственное воздействие на привлекательность региона под углом зрения потенциала человеческих ре-

сурсов, создания условий для полноценного развития человека. Важнейшими факторами, способствующими формированию привлекательности региона, являются: во-первых, эффективное политическое руководство по осуществлению планов стратегического развития региона, способствуя тем самым взаимодействию мезо- и микроуровней в организации общественных систем; во-вторых, укрепление законодательной базы региона с целью обеспечения правопорядка и сохранности инвестиций; в-третьих, создание соответствующих мировым стандартам условий для полноценной жизнедеятельности людей и эффективного использования человеческих ресурсов (развитая сеть образовательных, научных и медицинских учреждений, центры культурного досуга, магазины и сфера бытового обслуживания, транспортная инфраструктура), словом, всего того, что обеспечивает комфортные условия социальной среды обитания человека.

Системный подход позволяет, таким образом, рассматривать в системе привлекательности региона единство таких его признаков, как относительно устойчивые позитивные экономические показатели, тенденции минимизации политических рисков, наличие достойных условий для жизнедеятельности людей и самореализации человеческого потенциала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным (проблема мезоуровня в организации общественных систем) // Вопросы философии. — 2005. - №3. — С. 26.
2. См. там же. — С. 21.
3. Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. - 2007. - № 9. — С. 25.
4. Ценностные ориентации молодежи. Итоги социологического исследования. — Н. Новгород, 2007. — С. 236-237.
5. Кочубей Н.В., Кочубей Р.В. Синергетическая методология исследования социально-экономических систем в условиях информационного общества // Социально-экономические проблемы информационного общества. — Сумы: «Университетская книга», 2005. — С. 325.
6. Шулындин Б.П. Методологические аспекты оценки и формирования имиджа региона // Продвижение имиджа Нижегородского региона: Материалы V международной научно-практической конференции по региональной культуре. - Н. Новгород, 2003. - С. 23.

Аннотация: В условиях трансформации российского общества особую актуальность приобретает поиск методологических оснований исследования проблемы привлекательности региона, преодоления недостатков фрагментарного подхода к рассматриваемому феномену. В статье обосновывается целесообразность использования системного подхода при анализе особенностей взаимосвязи составляющих региона, что позволяет рассматривать искомый феномен в совокупности его объективных и субъективных признаков, отличающихся структурно-функциональными особенностями каждого из них, взятых в отдельности и характерными для региона как системы в целом. Системный подход раскрывает возможности исследования всего комплекса условий, определяющих содержание и направленность развития региона как открытой системы и формирующих его привлекательность. Использование системного подхода позволяет установить иерархическую структуру факторов социальной среды, определяющих привлекательность региона под углом зрения потенциала человеческих ресурсов, создания условий для полноценного развития человека. Системный подход определяет возможности и границы использования структурно-функционального, синергетического, кластерного историко-культурного подходов, конкретизирующих различные аспекты рассмотрения особенностей составляющих элементов привлекательности региона, специфику их взаимодействия.

Annotetion: In the period of transformation of the Russian society the search for a methodological base of investigating the region attractiveness and overcoming the drawbacks of the fragmentary approach to the phenomenon under consideration is becoming an absolute necessity. The article substantiates using a systematic approach in analyzing the peculiarities of interrelations of the region's components, which enables to view the sought for phenomenon in the totality of its subjective and objective features, each different in structure and function meanwhile characteristic of the region as a whole. The systematic approach makes possible investigating the whole complex of conditions, defining their content and directing the development of the region as an open system and the formation of its attractiveness. The application of the systematic approach allows to establish the hierarchical structure of social environment factors, which define the region attractiveness analyzed from the point of view of the human recourses potential and create conditions for the value development of a man. The systematic approach highlights possibilities and limits of applying the structural-functional, synergetic and the historical – cultural approach in clusters, defining various aspects of considering the peculiarities of the region's components attractiveness, as well as specific features of their interaction.

РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И
ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

Алёхина Е.В.,
*Московский государственный областной университет
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент*

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Влияние творчества Ф.М.Достоевского на русскую философскую мысль огромно, поскольку в нём были заложены все аспекты концепции смысла жизни человека. Новизну идей писателя усматривают в том, что в эпоху господства в обществе позитивизма и материализма проблемы человека и общества рассматривались им не только религиозно, но христоцентрично, т.е. православно. Решая вопросы смысла происходящих в России и в мире событий, он связывал их с состоянием человеческого духа, обнаруживая, по определению И.Ильина, пророческий дар. Именно с Достоевского начинается разоблачение секулярно-гуманистической антропологии и утопизма социалистической идеологии как воплощения аморального и антихристианского смысла жизни человека, грозящего величайшей катастрофой для европейской цивилизации и самоистреблением многих миллионов людей.

К такому выводу Достоевский пришёл в результате эволюции мировоззрения от страстного увлечения идеями утопического социализма до полного отречения от них, наметив тем самым путь многих русских религиозных философов от социализма к идеализму. Отвергая ложный смысл жизни в вариантах буржуазного индивидуализма («отъединённость») и коммунистического коллективизма («человекизм»), в которых личность погибает, он утверждал соборную истину православия, в которой гармонически, в высшем религиозном синтезе решаются все противоречия и тем самым достигается полнота смысла жизни человека.

Традиционно философский и — в то же время очень обыденный вопрос о смысле жизни человека благодаря Достоевскому получил статус глубоко личного вопроса и притом самого необходимого и неизбежного для каждого. Тайна человека, убеждён он, «не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить», и в этом вопрошании, в поиске «вырабатывается» человек. Решение проблемы смысла жизни в концепции Достоевского основано на постулате взаимообусловленности Бога и человека. Н.О. Лосский, анализируя мирозерцание Достоевского, пишет, что он «выводил все мировые ценности, придающие жизни смысл и обеспечивающие конечную победу добра, из положения, что Бог существует, что Он — Творец и Промыслитель».¹ Для религиозного философа Лосского, как и для Достоевского, абсолютными объективными ценностями являются Бог и Его энергии — добро, истина, красота, дающие полноту жизни, а также каждая личность, которая может быть возведена в Царство Божие.

Отрицание их божественного статуса приводит к отрицанию личности, ибо для эгоиста всё относительно и «всё позволено». Обращаясь к феномену самоубийства, Достоевский постулирует *веру* как абсолютный закон человеческого существования. «Без высшей идеи, — читаем мы в «Дневнике писателя», — не может существ-

вовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают».² Логика самоубийц такова: неверие в бессмертие и отрицание Бога порождает идею о бессмысленности бытия, об отсутствии всеединого связующего Начала, что, в свою очередь, приводит к презрению и ненависти к человеку, живущему так бессмысленно, к отвержению мира и себя, к бессознательной тяге к небытию. Подтверждение этому выводу он находил, в частности, и в предсмертной записке дочери Герцена, предполагая, что она покончила с собой «от холодного мрака и скуки», не перенеся прямолинейного материализма, упрощённого взгляда на жизнь, который передавался ей в отцовском доме. «И вот что для отца было жизнью и источником мысли и сознания, — размышляет Достоевский, — для дочери обратилось в смерть».³

Стремясь осуществить в своей жизни идеал правды, Достоевский мучительно решал вопрос о его осуществимости. Исходя из исторического опыта единства веры и нравственности, он убеждался, что только христианство обеспечивает реализацию добра на земле. Без веры в то, что человек есть существо «переходное», которое должно преобразиться и жить вечно, земная жизнь опустошается, наполняется мелкими целями, становится бессмысленной. В евангельских словах «Слово стало плотью» для него заключён окончательный смысл, истинная реальность, основа всего существующего. Как православный философ, Достоевский ставит критерием истины, добродетели и всяческих благ *Богочеловека Христа*, без которого всё этическое учение христианства теряет свою силу и действенность. Он признаётся: «Нравственный идеал есть у меня — Христос».⁴ Христоцентризм мировоззрения писателя дополняется верой в *Царство Божие* — в иной мир, сверхбиологический, совершенный и свободный — цель развития индивидуальной личности и коллективной личности (человечества), «оправдывающей» все земные страдания и бедствия.

Итак, *личность*, имеющая свою будущую, совершенную полноту жизни в Царстве Божием, есть для него абсолютная ценность. Что нужно для полноты жизни личности и что этому мешает? Согласно трактовки Н.Лосского, идеал полноты жизни достижим в любви к Богу и ко всем сотворённым Им существам, в гармонии с их свободой. Но себялюбие, гордыня нарушают гармонию бытия, переворачивают иерархию ценностей. Освобождение от этого зла — задача самая трудная. Отсюда становится понятным, замечает Лосский, почему в творчестве Достоевского так много уделено внимания различным проявлениям гордости как гордыни и всевозможным искажениям жизни, производимым ею (гордыней).

Работу сознания человека над поиском смысла жизни писатель начинает с *ситуации абсурда и бессмыслицы*. В повести «Записки из подполья», имевшей для него катарсическое значение, раскрывается собственная «преисподняя» — искажённый абсолютизированной гордостью (гордыней) человеческий ум, отчаявшийся от бессмысленности жизни. Рационалист (гордая «человекомышь») приходит к отрицанию разума (к без-умию), неспособного объяснить трагизм своей страдальческой (неудачливой, униженной, несостоятельной) и смертной жизни. Поднимая важнейшую проблему духовно-нравственного основания познания смысла жизни, Достоевский убедительно демонстрирует границы рассудка («евклидова ума») человека, который без веры в Бога и бессмертие принципиально (онтологически) не может решить ни одну проблему личной или социальной жизни. Таков рассудок Ивана Карамазова (возможно соответствующий состоянию разума писателя в юности), который «в окончательном результате, мира этого Божьего — не принимает».⁵

В упрощённой рассудочности Достоевский определял суть русского анархизма и социализма как нигилистического бунта против мира и самого разума. Для «героя из подполья» сознание в целом выглядит как самая издевательская «привилегия», которой обладает человек, величайшее для человека несчастье и даже «настоящая, полная болезнь».⁶ Из отрицания ценности разума, его требований умеренности и полезности не менее логично следует утверждение примата иррациональной воли, «хотения», естественного выбора счастливых мгновений жизни в ущерб самой жизни, отказ от всякой ответственности, утверждение естественного права сильного. На примере своих героев Достоевский демонстрирует, как «чистый», вернее, «подпольный» разум разъединяет человека с миром, приводит к убийству (разрешая «кровь по совести») или самоубийству. В отличие от Августина и Декарта, русский писатель не может перейти от анализа самосознания к утверждению существования Бога и божественности своей мысли. Сознание для него трагично, поскольку обнаруживает разрыв Я и не-Я, свободы и необходимости, толкает на бунт.

Для писателя очевидно: для осмысленности жизни разум человека должен опираться на систему абсолютных ценностей, ему необходима вера в бессмертие, в жизнь «вечную, свободную и радостную». Достоевский онтологизирует познание человека, утверждая, что вера и есть усмотрение смысла жизни, – иначе мир невозможно осмыслить, обосновать («оправдать») и принять: «Без веры в свою душу и в её бессмертие, – утверждал писатель как несомненную очевидность, – бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо».⁷ Значит, прав он в убеждении, что если вера «и есть нормальное состояние человечества, то и самое бессмертие души человеческой «существует несомненно».⁸ Здесь, по существу, воспроизводится психологический аргумент (вариант онтологического): Бог имманентен бессмертной сущности человека, а процесс самосознания становится путём к богопознанию. Однако не всё так просто, ибо свобода человека трагична.

Обращаясь далее к характеристикам *материалистического мировоззрения* как феномена безрелигиозной веры «в нуль», Достоевский выводит из него *бессмысленность* жизни, убивающей любовь к абсолютным ценностям и возможность быть счастливым для человека, который знает, что «завтра же всё это будет уничтожено: и я, и всё счастье это, и вся любовь, и всё человечество – обратится в ничто, в прежний хаос», что «всё произошло по мёртвым законам природы, мне совершенно непонятным, с которыми сознанию моему нельзя согласиться»⁹. Примечательно, что своё отвержение мира карамазовский кошмар-дьявол обосновывает эволюционистской космологией, бесконечным и бессмысленным взаимопревращением и всеобщим несовершенством: «развитие бесконечное» есть «скучища неприличнейшая».¹⁰

Главный тезис дьявольской, по оценке писателя, философии бытия: жизнь – не трагедия, а комедия, трагедия людей состоит в том, что они эту комедию принимают всерьёз. Итак, свой мучительный путь к Смыслу Достоевский начинает не с теодицеи, а с «дьяволодицеи», показывая всю катастрофичность для человеческой природы безверия – непринятия умом и сердцем Христа как мирового Логоса, Смысла и Оправдания жизни. Погружаясь в бездну безрелигиозного сознания, Достоевский открывает там метафизические глубины, некую «бесовскую лабораторию» (И. Попович) по растлению чистого, божественного смысла, когда в результате рассудочной диалектики противоположности добра и зла обнаруживают свою относительность, всё переворачивается и становится бессмысленным, то есть буквально приобретает бесовский смысл. Писатель, проводя «психоанализ» своих героев, показывает процесс работы дьявола с их сознанием, который проникает в самые

тёмные пятна в их душах.

Таким «тёмным пятном», согласно православно-христианской антропологии Достоевского, является мечта человека о себе самом как о человекобоге. Поскольку, с логической точки зрения, может быть только один Абсолют, самоутверждающийся человек должен уничтожить идею о Боге, бессмертии и объективно-всеобщем нравственном законе. Разрушительное действие идеологии атеизма и анархизма Достоевский показывает в судьбе своих героев и в масштабах всего общества, раскрывая существо грядущей *социалистической революции* как *революции криминальной*, что в романе «Бесы» блестяще выразил Верховенский.¹¹ Не случайно в выявлении религиозно-нравственных основ теории революции, разоблачении её соблазнительного утопизма русские религиозные философы видели пророческую заслугу Достоевского.

Поскольку русский писатель отрицает смысл как закон жизни и в то же время не принимает господство слепой случайности, хаоса и бессмыслицы в природе и истории, то наиболее подходящими философскими категориями для осмысления его концепции является *возможность, свобода, трагедия*. В этой связи Г.Флоровский отмечал, что Достоевский воспринимал и переживал жизнь как мучительную и напряжённую *борьбу*, и усматривая в этой борьбе основное её содержание,¹² писатель смог увидеть положительный *смысл страданий*, побуждающих в покаянии творчески искать новых путей жизни. Понятно, что взгляды Достоевского на страдания в корне отличаются от гедонизма, утилитаризма и иных вариантов рационалистической и натуралистической этики.

Из рассуждений о необходимости *веры в смысл* поднимается ещё один вопрос - *воспитательный*, весьма актуальный в современной ситуации кризиса семьи, резкого роста самоубийства среди молодёжи. Достоевский отмечал оставление, «отъединение» молодёжи. Его ужасало, что в семейном воспитании детям не говорят о бессмертии души, о смысле жизни человека или даже смеются над этим, - «семья и школа слишком практичны».¹³ Он указывает на опасность оторванности от «почвы и от народной правды» христианских идеалов, вместо которых подсовывают «уродливых идолов», отмечает общую для всех болезнь души (которая есть и в наше время): зная, что он смертен, человек ведёт себя так, как будто будет бесконечно жить на земле, т.е. живёт бессмысленно.

Демонстрируя невозможность для автономного разума человека познать истину, найти смысл жизни, Достоевский утверждает центральную идею *христианской антропологии*: человек не самодостаточен, он не является мерой всех вещей. Стремясь к бесконечному *идеалу совершенства*, к вечному смыслу, он создаёт себе кумиров, абсолютизируя преходящие ценности «мира сего». Становится понятным его требование, чтобы ценности временные соответствовали вечности (Вечному), соизмерялись с единственной мерой — Богочеловеком, а не идеалом «слишком человеческим» (сам он видел крах самых возвышенных человеческих идеалов).

«Красота спасёт мир» - эти слова князя Мышкина выражают религиозно-эстетический идеал писателя. Но речь здесь идёт не об абстрактной красоте вообще и не о многообразных явлениях красоты в повседневной жизни. В письме к С.А.Ивановой он пишет: «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос».¹⁴ Таких высказываний можно было бы привести немало, и все они выражают убеждение писателя, что если для человека Христос — достижимый идеал, то он созидает свою личность, напротив, в грехе (а всякий грех есть нарушение закона любви), в преступлении человек теряет себя, обезличивается, буквально распадается. Если

преступников много, общество распадается и уходит в историческое небытие.

Что же касается *нравственности*, реализующей смысл жизни человека, то она, по Достоевскому, «выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности». ¹⁵ Поэтому ценности добродетелей, как то: совесть, любовь, свобода, честность и т.д. без соизмерения их с Евангелием и вне жизни Церкви превращаются в свою противоположность (на этой роковой диалектике заострил своё внимание Н.Бердяев в работе «Миросозерцание Ф.М.Достоевского»). В отличие от морализма Толстого, Достоевский не только утверждает связь нравственности с религиозными чувствами, но ставит вопрос о проверке истинности этих религиозных чувств единым мерилom — Христом, чей образ сохранила только Православная Церковь, соучаствуя в жизни которой русский народ получал дисциплину нравственного совершенствования, находил смысл своей жизни. Отсюда его идея «почвы», в которой заключаются основные ценности и смысл русской жизни: Православие, народ, земля.

Если в подвиге веры (смирения) умирает гордый и ограниченный рассудок человека, то в *любви* Достоевский утверждал не только метод самопознания и богопознания, но и практическое разрешение всех трагических противоречий, высшую цель-ценность, само добро (добродетель). Любовь верующего восстанавливает смысловую связь с каждым существом, делает его соучастником (микрокосмом), тогда как неверующий, напротив, отчуждён от других. Принципиальное значение в понимании любви как смысла жизни человека имеет утверждение Достоевского, что «любить можно только в Боге». «Чтоб любить друг друга, - поясняет он, - нужно бороться с собой», ¹⁶ т.е. с грехом (гордыней, тщеславием, плотолубием).

Символом конечной цели и смысла жизни для Достоевского был брачный пир в Кане Галилейской, а значит *радость, веселье* не только в вечности, но и во временной земной жизни. Только с Христом горестная человеческая жизнь воспринимается как чудо, благо, радость, раскрывает свою новизну и смысл, тогда как его противник всё отравляет горечью, скукой и разочарованием. В фантастическом рассказе Достоевского «Сон смешного человека» с особой ясностью дается видение им совершенной гармонии жизни, за нарушение которой каждый должен чувствовать ответственность. И сам писатель, некогда бунтовавший против Бога и его мира, в котором страдают невинные дети, не только вынес все страдания, но достиг полноты жизни, возвышенного спокойствия, ясной мысли, радостной надежды.

И, наконец, ещё один вопрос, не менее, важный, во всяком случае, один из итоговых: смысл жизни *русского* человека, выраженной им в *русской идее* и в *русском национальном характере* в контексте отношения *свободы личности* и *социального идеала* - главных ценностей современной цивилизации. Не приходится отрицать правоту мысли писателя о том, что светская культура, атеистически ориентированная наука («полунаука») и либеральное понимание свободы, лишённые духовного основания, приведут общество к деградации. Размышляя о судьбе России в начавшейся эпохе бурного экономического развития, Достоевский чувствует, что и её охватывает *буржуазный дух*, «отъединение», т.е. взаимное отчуждение и враждебность, что оценивается им, как очевидная утрата людьми смысла жизни, ибо смысл — в полноте как всеединстве, - «автономно» нельзя стать свободной личностью. Весьма актуально звучат его слова, написанные более ста лет назад: «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя». ¹⁷

В единстве со славянофилами, Достоевский утверждал, что социальность (проблема единения людей) имеет духовную основу. В романе «Бесы» он пишет:

«Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственное лишь искание Бога».¹⁸ Гражданские идеалы, поясняет он, «всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными», «какова религия, таковы и формы гражданской жизни», поэтому перспектива бездуховного объединения произведёт в России только хаос. Не принимая крайностей славянофильства и западничества, он до конца жизни утверждал необходимость социальной справедливости, будучи монархистом и выступая против либеральной конституции и политических свобод, ратовал за различные виды гражданских свобод. Впрочем, как сторонник своеобразного христианского социализма, Достоевский определённой экономической и правовой программы не имел. Н. Лосский отмечает у него одно важное положение, «мистически-экономическое» – связь нации с землёй, почвой, в которой для него всегда было что-то сакраментальное. Поэтому, чтобы сделать людей лучшими, надо наделить землёй рабочих, сохранять и укреплять сельскую общину.

В конце жизни писатель вырабатывает формулу миссии русского народа, *«русскую идею»* – «Православие есть всё». В знаменитой речи о Пушкине Достоевский замечает в русском национальном характере «инстинкт общечеловечности», универсальность, «всепримиримость», близость к христианскому идеалу духовной свободы, и на этом основывает решение социальной проблемы. Отвергая западные методы, он обращал внимание прежде всего на их механические и насильственные способы, приводящие к обезличиванию и обесмысливанию существования человека, озабоченного исключительно достижением комфорта. Именно здесь, в этой речи Достоевский впервые говорит о всечеловеке и всечеловечестве как единстве личности и общества на основе православия с его духом евангельской любви и жертвенного служения. По мнению В. Соловьёва, в основе его социального идеала была Церковь, в которой и реализуется христианский смысл жизни народа.

Таким образом, социальность, общественная солидарность, утверждает Достоевский, имеет религиозно-нравственную идею личного совершенствования, она – не только начало, исходный пункт для организации общества, «но и продолжение всего и исход». С формулой «каждый сам за себя» никакое гражданское учреждение долго не проживёт. Эту мысль лаконично выразил у Достоевского капитан, слушая рассуждения атеистов: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан!». ¹⁹ Предвидя «насмешливые» обвинения в утопизме со стороны гуманистически настроенной интеллигенции, понимающей социальный вопрос как задачу насильственного, механического переустройства общества, Достоевский, напротив, их проекты называл «мечтательной фантазией»: «Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью». ²⁰

Подводя итог нашему рассмотрению взглядов Достоевского на проблему смысла жизни человека, можно с достаточным основанием констатировать универсальный (целостный) и многоаспектный подход писателя к ней. При этом Достоевский как православный писатель и сам обнаруживает универсальность своего гения. Уместно привести религиозно-философское обобщение, сделанное сербским философом, богословом и глубоким исследователем творчества русского писателя преподобным Иустином (Поповичем): «В полноте своей личности он философ пророческого духа, мученического опыта и поэтической одарённости». ²¹

Под пророческим даром здесь подразумевается умение раскрывать мистический смысл вещей и событий, смотреть на мир и на человека с высоты вечности, способность по-апостольски вдохновенно свидетельствовать о Христе как самой большой ценности нашего мира, без Которого жизнь человека безнадежно трагична

и бессмысленна, предсказывать катастрофические последствия отвержения христианства и распространения атеистических идеологий. Действительно, Достоевский как мыслитель совершил немало великих духовных открытий. Именно поэтому он стал нравственным вождём своего времени, вдохновителем самых талантливых русских философов, основные идеи которых явились фактически во многом видоизменением и развитием его мыслей и откровений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание //Лосский Н.О. Ценность и бытие.- М.,2000.С.617.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полное собрание сочинений. В 30 т.Т.24.- Л.,1976-1984. С.48.
3. Собрание мыслей Достоевского. — М., 2003.С.28.
4. Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1861-1881 гг. - М.,1971.С.675.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. ПСС. В 30-т.Т.15.- Л., 1976.С.214.
6. Достоевский Ф.М. Записки из подполья. ПСС. В 30 т. Т.5. - Л., 1973.С.119.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. В 30 т.Т.24. - Л., 1976-1984.С.46.
8. Там же, с.49.
9. Там же, т.23,с.147.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. ПСС. В 30-т.Т.15.- Л., 1976.С.82.
11. Достоевский Ф.М. Бесы. ПСС. В 30 т. Т.10. - Л.,1974.С.323-325.
12. Флоровский Г.В. Блаженство страждущей любви // Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли. — М.,1998.С.69.
13. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. В 30 т. Т.24. - Л., 1976-1984.С.49.
14. Там же, т.28.Кн.II.С.251.
15. Собрание мыслей Достоевского. — М., 2003.С.70.
16. Там же, с.121.
17. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. В 30 т. Т.25. - Л., 1976-1984.С.62.
18. Там же, т.26,с.167.
19. Там же, т.25, с.23.
20. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Собр. соч. в 18 т. Изд.А.Ф.Маркса. — СПб.,1884.Т.3.С.46.
21. Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. Перевод с сербского Л.Н.Даниленко. — СПб.,1998.С.259.

Аннотация: Предметом исследования данной статьи стало творчество Достоевского, поскольку в нём содержатся все аспекты православно-христианской концепции смысла жизни человека, получившие дальнейшее развитие в русской религиозной философии, с него начинается разоблачение секулярно-гуманистической антропологии и утопизма социалистической идеологии как воплощения аморального и антихристианского смысла жизни человека, грозящего величайшей катастрофой для европейской цивилизации.

Annotetion: The object of the article is the Dostoevsky's works so far as it contains all the aspects of Ortodox conception of the sense of human life, that found further development in Russian religious philosophy, it begins the disclosure of secular-humanistic anthropology and of utopian socialist ideology as the realization of amoral and antichristian sense of human life, that is threatening with extreme disaster for the civilization.

Бабаева А.В.,

*доцент кафедры социологии и политологии
Нижегородского государственного педагогического университета,
кандидат философских наук*

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ

Антропологическая тематика никогда не была чужда православию, ибо по выражению митрополита Минского и Слуцкого Филарета, само учение церкви «по существу своему антропологично, потому что Откровение Божие обращено к человеку» [1] и вопрос о спасении человека всегда занимал центральное место в христианском мировоззрении. Такие антропологические сюжеты, как «сотворение человека», «человек перед Богом», «грехопадение», «искупительная жертва человека Иисуса Христа», «духовно-телесный состав» и т.д. – действительно, широко представлены в богословском творчестве не только на современном этапе. И хотя в качестве самостоятельного направления в православном богословии антропология оформилась сравнительно недавно, тем не менее проблема конституции сознания человека, его идентичности ведет свою историю от трудов Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и др.

Одной из объективных причин активного обращения к толкованию проблемы стержня человеческого существования православной мыслью на сегодняшний день следовало бы назвать современный антропологический кризис, переживаемый западным обществом; но не миновал он и Россию. Выделение антропологии в самостоятельное богословское направление обусловило не только сюжетное расширение православных текстов, но и форму их изложения: часто используется противопоставление целостности религиозного сознания раздробленности и размытости границ человека секуляризованного общества, эклектичной культуры, лишенной метафизики смысла. При этом богословской новацией является современный ракурс постановки проблемы поиска СМЫСЛА.

Еще достаточно недавно система суждений, в которой происходило самоописание восточнохристианской традиции, носила преимущественно перформативный характер. На сегодняшний день богословы значительно шире используют денотативные суждения, адаптируя догматические установки к уровню сознания современного человека. Однако язык восточнохристианской традиции во многом продолжает оставаться символичным, богословы предпочитают использовать не термины и понятия, а «путеводные указания». Это, по выражению представителей традиции, является «языком рабочей аскезы» [2] и представляет собой зашифрованные тексты, требующие как определенной внутренней позиции читающих, так и отнесенности к самим аскетическим первоисточникам. Здесь нет ничего удивительного, поскольку предметом православной антропологии является не только человек реальный, но человек мистического и «богооткровенного» опыта, иначе говоря, в отношении человека преимущественно фиксируется не то, что он есть, а демонстрируется то, чем ему должно стать и быть. Естественно, возникают сложности с оформлением, очерчиванием, расчленением реальности, превосходящей, по утверждению богословов, возможности понятийных усилий.

Современные богословы остаются на тех же позициях в плане основания процесса идентификации человеческой личности, что и отцы церкви. Конструирование человеческого сознания мыслится через нахождение собственного источника и ос-

нования в ДРУГОМ, под которым понимается Инобытие, полная противоположенность человеческому «Я». Самоконструирование для человека, таким образом, есть духовная ситуация — ситуация пограничного состояния, когда существование человека не замыкается не самом себе, собственно на своем «Я», а распадается на антиномии, источником которых и являются Образы-проекции иного порядка. Дух человека — образ Первообраза, поэтому в богословии личность человека — это то, что стремиться преодолеть «для себя бытие», а проявление собственной бытийственности означает бесконечное разворачивание Абсолютных оснований. Конечный результат есть причастность, участие в реальности иного порядка, что позволяет С.Хоружему характеризовать конструирование человека в православной традиции в качестве «участной» идентификации через приобщение к абсолютному бытию [3]. Совершенное, абсолютное бытие личности доступно лишь ипостасям Троицы, полная идентичность также реализуется исключительно в сфере божественного. Только здесь явлена полнота личного бытия, поскольку нет личностного существования, постольку нет необходимости соотнесенности с чем-то внеличным [4]. Кроме того, совершенная полнота личного в Абсолюте означает также полное принятие в себя других Личностей и отдача себя Им при сохранении самотождественности.

Процесс идентификации личности человека — процесс двусторонний, характеризующийся взаимодействием свободы человека и божественной благодати, — расценивается как процесс выхода за пределы социально-психологической реальности к духовной жизни: от «образа» к «подобию». В секулярном обществе, где кризис религиозности выплеснулся в стремление избавиться от метафизического давления Смысла, изначально настраивавшего на определенное решение, православными мыслителями корректируется методология анализа данного процесса.

Современный человек не приемлет поглощения Другим (что бы это ни было), поскольку тогда пришлось бы принять принципы долженствования, исходящие извне. Современную цивилизацию не устраивают принципы «этики неразличения», хотя богословы не устают напоминать, что именно стремление к снятию с собственного «Я» экзистенциального бремени и составляет суть кризиса современной культуры. На современном этапе идентификация церковью характеризуется как соединение, узнавание в себе ДРУГОГО при сохранении иерархической градации: человеческое «Я» и божественное «ТЫ» не составляет «Мы» в буквальном смысле этого слова. В подобных условиях и проблема свободы в осуществлении себя — это событие выбора, а не принятие выбора, ибо в свободном обществе (где свобода получает преимущественно негативное содержание «свобода от») характеристика метафизического фундирования ДРУГИМ будет расценена как тяготеющая к тотальности, если не к тоталитарности. Для самой православной традиции данной проблемы не существует — но не в условиях попытки осуществления диалога церкви с обществом.

Смысл жизни человека, персонально осуществляемой экзистенции заключается, согласно православию, не в принадлежности, как таковой — Другому, а в сопричастности ДРУГОМУ, в попытке выйти на уровень со-бытия, со-работничества с ДРУГИМ. Таким образом, условием осуществления персонального бытия является при-частность, со-бытийность, только в этом случае постулирование ДРУГИМ не оказывается насилием над «Я»; здесь «Я», наполняясь энергийным содержанием ДРУГОГО, движется в направлении ДРУГОГО, эк-статирует, удовлетворяя неизменную потребность человека к трансцендированию.

Православная традиция отмечает изначальную ориентированность челове-

ческого существа на божественное. Подобного рода ориентацию можно было бы охарактеризовать в терминах «трансцендентного призвания», когда Неприходящее приглашает преходящее *быть причастным* себе. Согласно догматическому принципу Божество действительно может стать причастным человеческому, но осуществимо это только по способу бытия. Говоря иначе, человек может существовать по способу бытия Бога, под которым понимается любовное взаимопроникновение личностей и которое церковь трактует как обожение человека, но само Божественное остается недоступным причастности по сущности. Положение, которое находим, например, у Максима Исповедника в «Вопросотевах к Фалласию»: «Все, что ни становится Богом по благодати, становится им без тождества по сущности».

Конструирование человеческой личности осуществляется посредством экзистенциального кенотического опыта — опыта общения. Православная антропология вообще трактует личность («быть истинным», «быть подобным») именно как «бытие в общении», при этом онтологические аспекты оказываются тесно сопряженными с гносеологической проблематикой. Божественная, «общая природа» — это экзистенциальная реальность, и познание данной реальности, познание-общение, кардинальным образом изменяет познающего, здесь человек как бы эк-статирует, ис-ходит, вы-ступает за границы своей природной индивидуальности к осуществлению изначального отношения, человек становится «личным свидетелем истины». Иными словами, конструирование личностного — это процесс самопознания (осознание и познание многообразия опыта и реальности в нем самом заложенного). Открывающаяся истина, опыт общения претворяется в жизнь — в этом восточная духовная практика направляет на переход от природной интеллектуальной способности к универсальному бытийному отношению.

Таким образом, очерчивается бытийственная ситуация человека. Образ человека в жизни нуждается в достраивании, при этом ресурсы черпаются извне: конструирование личности всегда развернуто, обращено к абсолютной полноте личностного бытия, поэтому воссоздание собственного образа «я» есть претворение образа Другого. Для человека достижение «Я» = «Я», согласно православию, всегда остается в стадии проекции. Самотождественность постоянно ускользает, во-первых, уже вследствие того, что божественная полнота личностной реальность для человеческого недостижима; а во-вторых, по причине самой человеческой природы, постоянно стремящейся выйти за наличные пределы: человеческая личность — всегда динамический процесс восхождения и преодоление себя. На сегодняшний день православные деятели для характеристики опыта духовных практик, живого опыта общения активно используют достижения и наработки дискурса «диалоговой парадигмы» (М.Хайдеггера, М.Бубера, М.Шелера, Э.Левинаса и др.), где находятся интуитивные и логические основания, препятствующие негации человеческого «Я» как мира личности: «Я» не может мыслиться поглощенным ДРУГИМ, при этом поиск самотождественности несводим к индивидуальному существованию.

В частности, у наиболее яркого представителя «диалоговой парадигмы» в православии, коим является митрополит Иоанн (Зизиулас), находим следующие положения: общение с Другим — это труд встречи кенотического характера — это единственный для христиан способ общения с другими, будь то Бог или ближний. Под «кенотическим» понимается умаление себя в смысле открывания, размыкания себя всем. Конструирование себя, вследствие этого, как собственно человека, как личности — это, прежде всего, обнаружение системного центра, в соответствии с которым выстраивается иерархическая дифференциация всей структуры сознания [5].

Сам факт кенотического общения предполагает в определенном смысле самоотвержение, преодоление природы, иначе - наиболее периферийного, внешнего по отношению к центру, к духу. Процесс одухотворения, процесс поступательного преобразования личности человека мыслится не иначе как путь освобождения от природной зависимости, превосхождения наличной действительности (путь спасения).

Процесс самоидентификации проходит несколько этапов: начало положено уже в физическом, психическом и социальном уровнях человеческого. Характеризуя данные уровни бытия человека, богословы не определяют их в качестве личностных — скорее в качестве свойств индивидов, т.е. проявления индивидуальной природой как части целого, одного из составных компонентов вселенной: черты характера, индивидуальные особенности. Данные свойства принадлежат общей природе и могут встречаться у разных индивидов, более того, православные мыслители полагают, что чем более человек действует в силу своих природных свойств, тем менее он «личен». Здесь подразумевается утверждение «собственной своей природы», противопоставление природам других своего «Я» - того, что в русской духовной практике получило название «самость». Содержание понятия «самость» отнюдь не тождественно светскому «эгоизму», скорее оно означает «предпочтение», выбор собственно человеческого, «смешение с природными элементами». Но уже здесь, замечает А.Лоргус, обозначаются ростки личного: индивидуальное «Я», «Сам» не что иное, как проявление свободы в процессе самоосуществления[6]. Человек сам есть модель, метод себя.

Собственно под понятием «личность» в отношении личности человека (духовный уровень) представители церкви понимают преодоление частной природы, отказ от своего содержания, от существования для себя самого («выйти за пределы природы», «освятить естество» Исаак Сирий; «измениться и преобразиться в другое состояние и естество» - Макарий Египетский, «победить природу» - Иоанн Лествичник), что представляет стремление выразить себя в «единой природе всех». Так, в «Очерке догматического богословия Восточной Церкви» В.Н.Лосского встречаем: «Природа есть содержание личности, личность есть существование природы... Отказываясь от своей частной собственности, она (личность) бесконечно раскрывается и обогащается всем тем, что принадлежит всем» [7]. Человеческая природа «разделяется...на множество индивидов», поэтому наша индивидуальная природа является частью целого, одновременно в каждом из нас присутствует и личностная основа, включающая «в себя все». Согласно Бл.Августину, воссоздание личностного образа — это блуждание по континенту собственной памяти, где уже явлен Первообраз, следовательно, человек уже с момента рождения и на протяжении всей жизни выступает как носитель личностных качеств (является отражением, «образом» Перволичности), даже в случае затемнения «образа», когда ограничивается исключительно «своей природой», т.е. реализует себя в качестве индивида.

Что может означать для человека процесс конструирования себя с подобных позиций? Церковь полагает: полноту самоосуществления, а, следовательно, и радикальную трансформацию всех предикатов человеческого существования, при этом практика духовного возрастания становится основанием существования в наличной — физической и социальной — реальности. Здесь следует обратить внимание на два принципиальных момента. Первое: то, что православие понимает под индивидуальным в человеке, означает незавершенность, неактуализированность заложенных в человеке возможностей, в связи с чем идентификация через соотнесенность себя с Абсолютной полнотой личного является, по выражению В.Н.Лосского, «наполне-

нием собственной пустоты». Современный секулярный человек расценивается богословами как изломанный, структурный, раздробленный, без-основной — сказать грубо: это не оформившийся материал для духовной работы. Христианин, наполненный СМЫСЛОМ, осуществляющий СМЫСЛ в наличном, мыслится как динамически недробимое сложносоставное Целое. Именно это преодоление только-человеческого, собственно-человеческого, есть осуществление замысла о Человеке, и есть настоящий Человек.

Второе: принцип единства и целостности образует жизненное соединение личности, определяя связь с окружающим миром. В православном учении мир предстает живым организмом, пронизанным духовными энергиями и стремящимся к совершенству. Корни данного стремления заключены в человеке как личности, основе реальности всеобщности, потенциальной реальности всеобщей множественности — полноты бытия. Реализация подобного осуществляется через сущее человека, раскрытие чего направлено на достижение высшей точки, ведущей к конвергенции: весь мир оказывается устремленным к высшему Синтезу. Все практики и взаимодействия в этом случае обусловлены не только свойствами субъектов, которые им присущи сами по себе, сколько потребностями совместного бытия целого.

В восточнохристианской традиции человек как личность реализуется по нескольким «осям»: 1) «Я» — «Абсолютная Личность» (источник, смысл и конечная цель); 2) «Я» — «социум» (от ближайшего окружения до человечества в целом — продолжение вектора духовной работы); 3) «Я» — «окружающий мир». Самоотождествление себя с ДРУГИМ в конечном итоге оказывается служением (активное творческое со-работничество), направленное на бесконечное разворачивание бытия. Благодаря этому и достигается гармония между уровнем самопонимания личности и объективными условиями ее существования. Таким образом, воссоздание собственной целостности не является целью, мыслимой у в качестве субъективного акта, — это вхождение в объективную духовную реальность, воссоединение с Сущим — реализация первичной бытийной установки (возведение «образа» до «подобия»).

Однако духовность, достигаемая путем преодоления индивидуальной природы, всегда личностна и конкретна, и духовное общение есть установление реальных субъект-субъектных духовных связей. В данном случае следует сделать акцент на сохранение собственной уникальности, обращенности на самое себя: личность человека стоит изнутри. Обнаруживая в себе Первообраз, составляющий основу общности человеческой природы, каждый человек переживает уникальную бытийственную ситуацию. Начиная с отцов церкви под понятием «личность» (лицо, ипостась) понимается в первую очередь божественная реальность, человеческая личность не просто вторична и производна, но и понимается только посредством обращения к Лицам Святой Троицы. При этом именно в Троице Ипостаси, устремленные навстречу друг другу — предполагается и ситуация снятия их различия между собой — не доходят до уровня взаиморастворения Лиц в друг друга [8]. Таким образом, каждое Лицо сохраняется в своей точности, остается равном себе, будучи наполнено другими. Данная ситуация, характеризующаяся как ситуация абсолютной инаковости, есть не только особенность божественной реальности, но всецело относится и к проявленности личностного бытия человека.

Представитель современной культурной среды в любом случае инициирует себя к цели либо через Другое, либо через гамму собственных психических процессов, где это Другое аффицирует, целеполагает, направляет человеческое. Расценивается Другое зачастую лишь в смысле перманентно имеющегося в челове-

ческом «Я» идеи, знака, представления, сигнификата, что практически и означает отсутствие СМЫСЛА при сохранении нечто значащего для «Я». В этом случае отнюдь не снимается и исполнение должного, но расценивается последнее в качестве возвращения обязательств - долга, исполнение ожиданий Другого. Оценивая данные процессы, православные богословы отмечают, что современное сознание уже не может довольствоваться и узкими рамками «Я» = «Я», состоянием самотождества. Современный человек, так или иначе, демонстрирует нацеленность преодолеть мотивацию деятельности исключительно собственными потребительскими интересами, сводящими его существование к горизонтальной плоскости.

В этих условиях православие стремится обозначить существование духовного вектора развития человека: с одной стороны, человек предстает отражением Первообраза, носителем нетварного личного бытия; с другой — он тварное личностное бытие. Суть ситуации заключается в том, что человек не может отказаться от себя как личности, что всегда есть соотнесение себя с образом Другого и для Другого. Человек, согласно православию, либо через свободу и любовь, находя Абсолютные основания, осуществляет Истинное в себе; либо искажает себя как Образ, что делает его в корне неразличимым, но и не дает возможности обретения гармонии себя для себя и для мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Православное учение о человеке // Православное учение о человеке. — М., 2004. — С. 4.
2. Хоружий С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека // Православное учение о человеке. — С. 160.
3. См.: Хоружий С. Человек и его три дальних удела: Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии, 2003, №1; Хоружий С. Очерки синергийной антропологии. М., 2005.
4. Сапронов П.А. Реальность человека в богословии и философии. — СПб., 2004. — С.24.
5. См.: Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас). Общение и инаковость // Континент. М.—Париж, № 83.
6. Лоргус А. Православная антропология. Курс лекций. — М.: Граф-Пресс, 2003. С. 39.
7. Лосский В.Н. Очерк догматического богословия Восточной Церкви. — М., 1991. — С.52.
8. См.: Григорий Нисский. Об устройении человека. - СПб., 2000; Иоанн Дамаскин. Источник знания. — М., 2002.

Аннотация: В статье «Проблемы личностной идентичности в современном православном богословии» представлены современные православные подходы к проблеме становления самосознания личности. Конструирование личностного сознания, что предполагает ориентацию на Другое, соотнесение себя с Инобытием, проходит определенные стадии от физического, психологического, социального уровней до духовного. Процесс идентификации личности человека предстает как опыт, достигаемый посредством духовных практик - «живой опыт общения» с Инобытием, что в свою очередь предполагает (как условие и результат) онтологическую трансформацию всего человеческого существа. Опыт трансцендирования в православии трактуется выражением первичной бытийной установки, однако полная и совершенная идентичность относится богословами исключительно к области бытия Троицы, в сфере человеческого скорее применимо понятие «участная идентичность». Для изложения собственных позиций, кроме собственно языка традиции, богословы на современном этапе активно используют философский дискурс «диалоговой парадигмы».

Annoteyion: The given article “The problems of personal identity in modern orthodox theology” highlights the contemporary orthodox approaches to the problem of personality’s self-consciousness formation. The construction of personal consciousness , that supposes orientation for The Other, correlation with (existence Genesis?) , has the certain stages from physical, psychological, social levels to spiritual one. The process of human personality identification is treated as the experience , achieved by the means of spiritual practices – “ live experience of communication with “ Trancendental Being , and this, in its turn , expects (both as a condition and result) ontological transformation of all human being. The experience of transcendent ion in orthodoxy is treated as the expression of the primary existence aim, but nevertheless the complete and perfect identity is understood by theologists only in the field of Trinity existence , and in the sphere of human the notion “participating identity “ is more applicable . At present, to express their own views theologist widely use not only the traditions of the language proper but philosophical discourse of “ dialogue paradigm” as well.

Макеев С.В.,

МГОУ, Информационно-издательский центр,
директор, доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

ТЕХНОКРАТИЗМ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРИИ (КОНЦЕПЦИИ) ТЕХНОКРАТИЗМА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Исследование проблемы теории (теорий, концепсий) технократии как историко-философского явления необходимо начать с характеристики носителей таких взглядов, идей, технократического сознания. Это необходимо потому, что в историко-философской, социально-философской, научной и публицистической литературе отношение к технократам далеко неоднозначно и варьируется оно от комплиментарного до критически негативного. Поэтому обратимся прежде всего (разумеется, в пределах необходимости) к характеристикам технократии, технократов.

Суть хвалебных отзывов следующая: технократия — это элита общества, стремящаяся к созданию гармонии во всех сферах, посредством использования информационного могущества современных технологий. Ее цель — создание и поддержание гармоничного баланса сил и результатов деятельности человеческого общества, глобальное распространение могущества техногенной цивилизации. (1) Подобного рода позитивных отзывов на технократов в современной философской литературе немало, даже очень много. Перечислим лишь некоторые из них это: люди, получившие наивысший индекс в определенной области деятельности (В.Парето); организованное меньшинство, управляющее неорганизованным большинством (Г. Моска); люди, занимающие высокое общественное положение и благодаря этому влияющие на социальные процессы (Дюпре); лица, обладающие наибольшим престижем, статусом, богатством, властью (Г.Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством безотносительно к их статусу (Л. Бодуэн); наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); люди, обладающие позициями власти (А. Эггиси); формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (М. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер). Это, далее: «бог вдохновенные» личности, откликнувшиеся на «высший призыв» к лидерству (Л. Фройнд); харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); политическая, экономическая, культурная элита, т.е. небольшие группы лиц, занимающих ведущее положение в главных сферах общества (В. Гэттсмен); наиболее квалифицированные представители научной и технической интеллигенции, высшие бюрократические служащие и менеджеры; люди, обладающие качествами, наиболее ценными в обществе; лица, осуществляющие государственную власть, ощущающие свое отличие от остальных членов общества, обладающие высоким социальным престижем и принимающие решения на уровне, на который не допускаются другие лица (Л. Санистебан) (2).

Очевидно, что при всех различиях, есть общее для всех высказанных характеристик, — речь всегда идет о «контролирующей группе», а не о любом меньшинстве.

В «постсоветской» России технократизму благоволят по различным причинам: потому что это модное «западное» слово, ассоциирующееся у многих с техни-

ческим прогрессом, наряду с такими словами как «технический век», «техногенное общество», «научно-техническая цивилизация»; потому что он позволяет классовое деление общества заменить другой, более спокойной классификацией - индустриализм (концепция «стадий экономического роста» У. Ростоу, теория «единого индустриального общества» Р. Арона и постиндустриализм (Д. Белл, Э. Тоффлера и др.). Теоретики постиндустриализма (с 60-70-х годов XX века) особо подчеркивали характерный для него отказ от бескомпромиссности «индустриалистов» и усиление внимания к другим явлениям общественной жизни: политической, культурно-исторической, духовной и так далее. Однако, очевидно, что подобная многофакторность постиндустриалистов к социальной действительности оставляла в стороне вопросы собственности, классовой структуры, социально-политического строя и не избавляла от теоретической односторонности.

Не менее мощно в философской литературе представлена и линия критики технократов и технократизма. Так, советская философская мысль критиковала технократизм как порождение техницизма — одного из буржуазных течений социальной философии, основанного на так называемой философии технического детерминизма. Техницизм возник и рассматривался как односторонняя оппозиция историческому материализму, в значительной степени преувеличивающему роль и значение техники, что неизбежно вело к сужению содержания понятия «материальная основа жизни и развития общества» до понятия «технические условия производства», к выведению коренных социальных изменений непосредственно из достижений научно-технической революции. (3)

В истории философской мысли как реальной, объективной философской истории сторонники критического отношения к технократам традиционно обвиняют их по трем позициям.

Во-первых, технократов обвиняют в претензии на то, что техническая компетентность дает им право претендовать на власть, проявлять опасное высокомерие, что они не способны демократически воспринимать критику и извлекать уроки из ошибок. Технократы могут оказаться, утверждают их критики, еще более авторитарными, чем их предшественники, которые по крайней мере не претендовали на научную непогрешимость. Кроме того, методы организации контроля, которые были освоены технократами, могут быть легко использованы для подавления.

Во-вторых, технократы со своим конформизмом органично вписываются в современную политическую матрицу. Вместо того, чтобы противостоять идеологии индустриального общества, технократы соглашаются служить ей. Они стремятся лишь к тому, чтобы общество функционировало без потрясений и было источником их благополучия, а потому постулируют уважение к порядку, считая его абсолютно справедливым.

В-третьих, технократы исповедуют прагматизм, близкий к аморальности. Они руководствуются только соображениями выгоды, ориентируясь на организацию и практику, озабочены только средствами и перестают воспринимать цели, проявляют поразительную неспособность понять человеческие факторы. (4)

Нередко звучит еще более резкая негативная оценка исторической миссии технократов, полностью отрицается их способность привести общество к экономическому благоденствию и социально-классовой гармонии. В качестве примера называют на события последних лет, связанные с огромными приписками («искажение бухгалтерской отчетности» в американской терминологии) в ряде крупнейших корпораций США и Италии. Суть аргументов состоит в следующем: утверждения о том,

что отделение управления от собственности позволяет независимым технократам вести общество по пути исторического оптимизма иллюзорно, так как и им не чуждо корыстное и пренебрежительное отношение к чужой собственности. Наемный профессионал-технократ заинтересован не столько в реальном успехе, сколько в росте тех показателей, от которых зависит размер его личного вознаграждения.

Противоречивость во мнениях философов и других исследователей была обусловлена во многом как сложностью рассматриваемого феномена, так и спецификой выбранного методологического инструментария, базировавшегося либо на преимущественно рациональных, либо на преимущественно аксиологических процедурах. Специфика проводимого в данном исследовании историко-философского анализа технократической мысли, как раз и состоит в последовательной реализации познавательно-ценностного подхода (5). В связи с этим необходимо более четко очертить контуры познавательно-ценностного подхода, реализуемого в данном историко-философском исследовании.

Основными направлениями в развитии познавательно-ценностного подхода являются: «дальнейшее выявление и углубленный анализ специфики ценностного сознания как такового; когнитивные моменты в ценностном сознании; истинное знание (в том числе научное) как специфический объект оценочного отношения; ценностные моменты в истинном знании; диалектика когнитивного и ценностного (оценочного) в познавательном процессе: а) взаимодействие внешних по отношению к науке ценностных факторов (этических, эстетических, философских, социокультурных в целом) и внутринаучных регулятивов; б) функционирование ценностных факторов внутри самой науки, в ее знании и методах» (6).

Не претендуя на подробный анализ многоаспектных точек зрения и различных подходов по каждому из перечисленных направлений, рассмотрим лишь те аспекты, которые непосредственно раскрывают содержание методологии познавательно-ценностного подхода применительно к объекту (предмету) нашего историко-философского анализа.

Прежде всего, необходимо отметить многозначность термина «ценность». Большинство философов-аксиологов рассматривают познание и ценность (оценку) как разные способы отражения человеком действительности. (7)

Основываясь на этом выводе, постараемся, по возможности, точнее очертить познавательно-ценностный подход применительно к исследуемому феномену историко-философской мысли. (8)

Во-первых, теории технократии как объект историко-философского анализа должны не только познаваться, но и оцениваться. Мысль и действительность находятся между собой в противоположных и вместе с тем взаимодополняющих отношениях: познавательном и ценностном.

Во-вторых, ценностное сознание в отличие от познавательного сознания отражает объективную реальность (в том числе - духовную) через приписывание ей субъективных признаков, присущих самому человеку. «Поэтому каждая оценка является не только отражением жизненной ситуации действующего субъекта, но и выражением мировоззренческой ситуации оценивающего субъекта» (9). Следовательно, как оценки деятельности технократов будут розниться в зависимости от мировоззренческих установок исследователей, так отличаться будут и оценки концепций технократизма.

В-третьих, оценка не меньше, чем реально существующий объективный мир, детерминирует аргументацию. Особенно, когда оценка употребляется как ценност-

ная норма, формирующаяся через осознание идеалов. Так бесконечность (недостижимость) идеала порождает в технократическом сознании иерархию ценностных норм, которые, будучи совершенными для носителей идеала «отцов технократии», могут не являться таковыми для всех остальных. Однако при определенных обстоятельствах идеалы (ценностные нормы) отдельного субъекта могут получить признание у группы людей и всего общества в целом. И распространяются они как на результаты и процессы деятельности практиков, так и на духовный, мыслительный материал.

В-четвертых, в любом исследуемом технократическом феномене следует различать внешние ценности (реальный социальный контекст, в котором он существует) и ценности внутренние, входящие в качестве неотъемлемых компонентов в структуру самого исследования (идеалы, нормы, методы познавательной деятельности).

В-пятых, познавательно-ценностный подход к исследованию такого сложного и неоднозначного феномена как теории технократизма тесно связан с интуитивными моментами. Однако каждая интуитивная догадка должна находить свое подтверждение в познавательно-ценностной перепроверке.

В-шестых, следует учитывать своего рода иерархию (субординацию) различных ценностей, которые всегда выступают в определенной системе, называемой ценностными ориентациями. Ценностные ориентации общества и технократии, с ее теоретиками, их духовными продуктами, то, насколько они совпадают, во многом и определяет характер их сосуществования, взаимодействия, влияния, развития. Ведь изменение места ценностей неизбежно ведет к изменению ценностных ориентаций.

Представленные методологические положения познавательно-ценностного подхода необходимо использовать и используются автором работы в ходе анализа становления и развития основных категорий данного исследования — «технократия», «технократ» и их производных. «Уточнение» содержания этих категорий позволяет избежать категориальной путаницы, которая периодически возникает в философских исследованиях по данной проблеме.

Сложная историческая, социально-политическая и теоретическая эволюция *технократии как объекта философского изучения и технократических построений как предмета историко-философского анализа* неизбежно сказалась на многозначности понятия технократизм и его производных, что неоднократно отмечалось различными исследователями. Приведем лишь некоторые, достаточно авторитетные суждения и/или мнения.

Так, например, известный специалист в области философии техники Х. Ленк утверждает, что «в настоящее время наиболее распространенными являются следующие четыре варианта представления концепции технократии: как учения о господстве технических экспертов (экспертотерапия); как теории ориентации на технику как на так называемый «технологический императив» (Л. Маркузе, С.Лем): все, что можно изготовить, изготавливается и притом для удовлетворения определенных потребностей; как господство концепции предметной необходимости, вплоть до появления тотального «технократического государства» (так утверждает, например, социолог Х.Шельски), в котором еще управляют, однако, политических решений уже не принимают; и наконец, теоретические представления о технократии как тенденции к «информационно- и системно-контролируемому обществу в более общем виде: к информационной системной-технократии». (10)

За основу предлагаемых вариантов содержания понятия «технократия» взят функциональный подход: определенные служебные функции, для выполнения

которых предназначена технократия, выдаются за содержательные концепции. Основным недостатком в функциональном подходе является отсутствие достаточных представлений о ценностном компоненте (ценностных ориентациях) технократии, не раскрывается система ценностей в их концептуальных построениях. Хотя, в предельно широком смысле, основной ценностью технократии и является функция. Технократия — это функционеры, то есть, люди, чья деятельность состоит в том, чтобы выполнять некий набор функций, «функционировать», «быть функцией чего-то».

Существуют, впрочем, подходы и другого рода к определению понятия «технократ». В относительно недавно изданном авторитетном философском издании утверждается: «Исторический смысл представлений о технократии и ее действительной роли складывается из нескольких значений: 1) разделение власти между политическими правителями и профессионалами — специалистами, жреческой религиозной властью, властью военачальников, затем — юристов, советников и т.д., вплоть до появления различных совещательных советов и специалистов (государственные, тайные и пр. советы и сенаты) и их преобразования в исполнительную власть (Совет министров, органы суда и прокуратуры и др.); 2) знание, таким образом, изначально означало власть в современном индустриальном обществе, особенно во второй половине XX в., роль научно-технического и иного знания резко возросла и глубоко повлияла на конфигурацию власти и процессы принятия решений; 3) потребность рационализировать политику и невозможность сделать ее действительно научной привели к необходимости нового разделения власти и передачи ее части, определяющей отношение с природой, экономикой, обществом новым профессионалам; 4) новое разделение политического труда опиралось на социальную базу расширяющихся профессиональных групп, в первую очередь научно-технической, военно-промышленной, директоральной интеллигенции, на общий рост интеллигенции, доходивший в развитых странах до 30-35 % активного населения и на образование «нового класса» профессионалов всех рангов — от квалифицированных рабочих до профессора университетов. Д. Бэлл ввел для новой профессиональной элиты наименование «меритократии» (от лат. *meritare* — заслуживать)» (11).

Приведенный пример генетического подхода позволяет проследить в общих чертах историю становления и развития феномена технократии, отметить исторические этапы его развития, но этого явно недостаточно для определения сущности исследуемого явления. «Исторический смысл» представлений о технократии в данном случае оставил без внимания вопросы именно сущности анализируемого феномена. Поэтому помимо функционального и генетического подходов в философии при определении понятия «технократия» нередко применяется и структурный подход, посредством которого дается определение основных структурных элементов технократии, например, системы созданных ими теоретических идей, а также характеристика носителя этих идей. Приведем пример подобного подхода к рассмотрению дефиниции.

Технократия — «1) социально-экономическая теория, предписывающая технике определяющую роль в социальной жизни и утверждающая, что лишь индустриализация способна регулировать и совершенствовать жизнь общества и личности; 2) высококвалифицированные специалисты (ученые, инженеры, техники, менеджеры), принимающие непосредственное участие в управлении производством, в разработке и осуществлении экономической политики». (12)

Основной недостаток структурного подхода заключается в его целевом пред-

назначении — фиксации, обозначении той или иной структурной грани через внешнее описание вместо раскрытия сущностных признаков. Применительно к только что приведенному определению это означает следующее: далеко не любая теория, признающая за техникой «определяющую роль в социальной жизни» и утверждающая, что лишь индустриализация способна регулировать и совершенствовать жизнь общества и личности, является технократической, точно так же, как далеко не все «высококвалифицированные специалисты (ученые, инженеры, техники, менеджеры), принимающие непосредственное участие в управлении производством, в разработке и осуществлении экономической политики», являются технократами.

В традиционной логике рассуждения подобного типа квалифицируются как логическая ошибка «слишком широкое определение». И, кроме того, при таком толковании неизбежно смешение понятий технократии как социальной группы и технократизма как некоей теории, учения. Например, в качестве основных смысловых значений понятия «технократия» выделяют следующие: а) социальный слой носителей научно-технического знания, выполняющих функции управления или же слой специалистов высокой квалификации, высших функционеров промышленного производства и государственного аппарата; б) общественно-политическое движение, практически реализующее теоретические положения технократических концепций, стремящееся достичь высшего благосостояния общества с помощью индустриального переворота и совершенствования механизма управления; в) социально-философские концепции, основанные не на политической идеологии, а на научно-техническом знании, утверждающем, что общество может целиком регулироваться принципами научно-технической рациональности. При таком подходе идет самое обычное, но мало заметное смешение понятий «технократ», «технократия», «технократизм».

Словом, историко-философский анализ развития понятия «технократизм» с позиций функционального, генетического и структурного подходов показывает, что, несмотря на многовековую историю существования исследуемого феномена, его определение до сих пор нуждается в уточнении. И, очевидно, что наиболее приемлемый путь в решении этой задачи состоит в применении познавательного подхода, который позволяет исследовать как рационально-познавательные, так и аксиологические признаки технократии. Однако очевидная сложность в определении понятия «технократия» обусловлена в значительной мере неоднозначностью проявления исследуемого явления в социальной действительности.

Кто же такие технократы и что же такое технократизм? Э. Тоффлер в работе «Третья волна», подмечая социальную расплывчатость этой общественной группы, пишет: «Вопрос: «кто всем распоряжается»? — очень типичен для Второй волны. Ведь до промышленного переворота интересоваться этим было даже не разумно. Находясь под властью королей или шаманов, вождей, богов Солнца или святых, люди редко испытывали сомнения относительно того, кто имеет право и возможность распоряжаться ими. Одетый в лохмотья крестьянин, оторвавшись от пахоты, видел за полями дворец или монастырь, во всем своем величии возвышавшийся на горизонте. Ему не нужен был ни политолог, ни газетный комментатор, чтобы разгадать загадку власти. Каждый человек знал, в чем он подчинен. Там же, где пронеслась Вторая волна, возник другой тип власти — власть распыленная и безликая. Во главе всего оказались безымянные «они». Кто же были эти люди?» (13).

Говоря о возникновении технократического сословия, обычно показывают следующую картину: развитие производства и таких его определяющих элементов

как техника и технологии стимулировало социальную дифференциацию людей по их функционально-деятельностным признакам в рамках общественного разделения труда, вело к созданию правовых и политических регулятивов отношения этих групп к государству, к власти. Ясно, что технократия возникла в период, когда масштабный рост производства сделал бессильными «управленческие потуги» правящего класса в деле самостоятельного и эффективного руководства различными сферами общественной жизнедеятельности.

В технотронную же эру знания, более чем когда-либо ранее, стали ключом к реальной политической и экономической власти. Повышение роли науки и техники естественно повышало шансы воздействия на власть со стороны ученых и высококвалифицированных специалистов-практиков. Многие функции управления обществом были возложены на технократов — социальную группу, специально подготовленных для этого людей, высокооплачиваемых и потому проводящих в жизнь соответствующую политику. «Называясь должностными лицами или администраторами, комиссарами, координаторами, президентами, вице-президентами, бюрократами или менеджерами, они возникали в каждой фирме, в каждом правлении и на любой ступени общества», — утверждает Э. Тоффлер. (14)

По существу, и по сей день вопросы происхождения и состава представителей технократии остаются своеобразной «вещью в себе», трудно поддающейся историческому и философскому анализу. Есть предположение, что технократия родилась из представителей, главным образом, бюрократии (карьерных чиновников) и технической интеллигенции, часть из которых и оформилась в социальную группу функционеров крупного промышленного производства (управленцев среднего и высшего звена). Нередко возникало все усиливающееся подозрение, что к власти даже в странах с различными социальными системами пришли не хозяева и не рабочие, а именно технократы, сумевшие приспособиться и одержать верх. Так, например, А.Гоулднер, признавая технократию воплощением «технического Разума», носителем «технологической рациональности», считает, что она возникла как результат выбора между несколькими формами бюрократии, который была вынуждена сделать элита промышленноразвитых стран мира.

Заметим далее, что такой сложный, социально отчетливо не выраженный феномен как технократия обладает и расплывчатыми, но характерными социальными очертаниями. Именно поэтому к представителям технократии обычно относят:

а) жителей современных индустриальных обществ, живущих в определенной техносфере и активно пользующихся ее благами; с легкой руки средств массовой информации их окрестили техно-пользователями, и в этом смысле можно говорить о «поколении технократии», о «поколении технократизма».

б) иногда к технократии относят всех лиц, имеющих техническое образование и соответствующий стиль мышления;

в) специалистов-управленцев, экспертов, участвующих в организации производства, решении различных административных проблем (например, «эколог-технократ», «технобюрократ» и т.д.);

г) представителей элитного уровня управленцев, попавших в высшие эшелоны административной власти, имеющих реальные рычаги влияния на выбор и реализацию как глобального, так и локального экономического и политического курсов корпорации, отрасли, страны в целом («политическая технократия», «элитарная технократия» и т.д.);

д) разработчиков технократических теорий, носителей-пропагандистов тех-

нократических идей (так называемая «идейная технократия»).

Расплывчатость социальных очертаний выше обозначенных характеристик технократии обусловлена рядом обстоятельств: начальным этапом ее формирования, так как лишь некоторые страны и лишь сравнительно недавно вышли на уровень постиндустриального развития; сложностью самого социального процесса формирования технократии, рекрутирующей своих членов, аналитиков и сторонников из разных слоев общества; не самостоятельным характером формирующейся социальной группы, его постоянной зависимостью от «низов» и «верхов», а, отсюда, и склонностью как к лояльности, так и к конфликтам, как к политичности, так и к аполитичности и т.д.

В философской литературе настойчиво подчеркивается противоречивость социального статуса технократии, заключающаяся как в ее социальной неоднородности, так и в сложной взаимосвязи с другими социальными группами и классами. (15) В силу особой значимости этой стороны проблемы, являющейся своеобразным «ключом» к пониманию сути технократии и технократизма, остановимся на этом вопросе подробнее.

Во-первых, определимся с тезисом о социальной неоднородности технократии. Чаще всего в их число записывают менеджеров, то есть лиц, организующих управленческие решения на различных уровнях, реже и, как правило, на подчиненных ролях вспоминают о технической интеллигенции (инженерах, техниках, механиках и т.д.). Насколько оправдана такая характеристика?

Интересные рассуждения по этому поводу высказал В.Г. Погорецкий, считавший, что процесс выдвижения на первых план в деятельности фирм менеджеров (так называемая «революция менеджеров») действительно имел массовый характер, означал стратегические изменения в реализации хозяйственной деятельности на всем экономическом пространстве, но не стал абсолютным противопоставлением специалистов по организационным процессам (менеджеров) специалистам по технологическим процессам (инженерам).

Во-первых, целенаправленная специализация менеджеров как самостоятельного вида профессиональной деятельности происходила уже после того, как определилось их функциональное положение в процессах технологического и организационного управления.

Во-вторых, деятельность профессионала-управленца предъявляла ему как специалисту соответствующие требования, включающие необходимость знания конкретного производства и его технологических компонентов, важного для решения сложных организационных задач.

В-третьих, жизненно важные для производства организационные задачи практически всегда решаются при ответственном участии не только высшего звена управленческой иерархии, но и технических специалистов, поскольку усложнение технических и технологических характеристик производства влечет за собой и усложнение его экономического присутствия на рынке.

В-четвертых, поскольку управленческие функции включают как собственно технические характеристики организационного взаимодействия, так и осуществление властных полномочий, то статус управленцев относится к высоким, престижным уровням в номенклатурной иерархии, а, следовательно, выступает индикатором профессиональной мобильности, успешности технических кадров. Управленческая деятельность позволяет им применять и специфические технические знания, и восполнять недостаток знаний собственно в области управления практическим опытом

и широко распространенной системой повышения квалификации и переподготовки специалистов. В результате среда менеджеров-управленцев насыщается техническими специалистами.

И, наконец, наиболее важным для понимания этого процесса является то, что деятельность технического специалиста представляет собой такую же рациональную деятельность, как и деятельность управленца, рациональную в смысле ее экономической целесообразности, но рациональную и в смысле ее логических механизмов. В социальной управленческой среде представители технической специализации приобретают больший вес, поскольку первичная сфера приложения их интеллектуальных усилий объективно представляет более широкие возможности для практического применения и совершенствования интеллектуального аппарата. (16)

Таким образом, оба вида профессиональной технократической деятельности — технический и управленческий, хотя и обособляются благодаря своей специализации, но не противопоставляются, не поляризуются как противоположные, а дополняют друг друга: за техническим видом деятельности остаются базовые функции, а за управленческим — властная и представительская. Поэтому трудно однозначно определить, какой социальной группе принадлежит лидерство. По мнению того же В.Г. Погорецкого, если ресурсы оперативно-тактического лидерства находятся в руках управленческих кадров менеджеров, то фундаментальные, стратегические ресурсы, определяющие долгосрочные тенденции развития, сосредоточены в руках научно-технической интеллигенции (инженеров), впрочем, как и приоритет в области интеллектуальной культуры. В определенной степени организация управления осуществляет сервисные функции по отношению к индустриальной деятельности, «суть, смысл и результат которой достигается усилиями и творческой энергией научно-технической интеллигенции» (17).

Следует согласиться и с мнением о том, что изоляция инженеров как носителей производственных, технологических функций от реальной возможности влиять на процессы социальные, замыкание их в рамках функциональной производственной практики может вызвать социальное отчуждение, профессиональную пассивность, незаинтересованность в позитивных социальных последствиях собственной деятельности. В чем фирмы и корпорации не могут быть заинтересованы.

Социологические исследования показывают, что подобное отчуждение способно вызвать даже профессиональную девиационную мотивацию, как, например, у разработчиков компьютерных вирусов (18). И проблему эту невозможно решить простым административным перераспределением полномочий различных социальных групп. Решение проблемы следует искать в сфере изменения культурных ориентаций. (19)

Противоречивость социального статуса технократии, во-вторых, заключается и в ее сложных отношениях с бюрократией. Будучи «плоть от плоти» по характеру решаемых задач представителем бюрократии, технократия сохраняет и свои специфические отличия, свои сущностные характеристики. Попытаемся на основе познавательного-ценностного подхода установить новую социальную структуру современной технократии: «технопользователь», «техник», «технобюрократ», «технократ».

Технопользователи — это большинство представителей современной техносферы постиндустриального (индустриального) общества, активно использующее в своей жизнедеятельности достижения научно-технического прогресса и не желающее отказываться от «благ цивилизации», даже несмотря на наличие явных негатив-

ных последствий их безудержного внедрения. Следует особо отметить, что далеко не все из технопользователей разделяют идеалы технократизма, а многие или не задумываются, или отрицают эти идеалы.

Техницисты — это люди, идейно воспринимающие реалии техногенного общества как свои собственные, воспроизводящие, сохраняющие и развивающие техносферу общества. Они не имеют реальной власти для реализации технократических идей, но способны не только потреблять блага техносферы (производства, науки и т.д.), но в той или иной степени осознают свою ответственность за последствия этого потребления. А иногда не только потребления.

Технобюрократ — это, главным образом, представитель среднего чиновничества, профессионально владеющий значительными для социума технологиями, реально участвующий в различных социально-бюрократических структурах, но не принимающий стратегические управленческие решения, однако, он призван активно и результативно участвовать в реализации указанных решений.

Технократ — это высшая часть технобюрократии постиндустриального общества. По существу, таким образом, технократия это и есть собственно технобюрократы и технократы. *Технократ* как субъект социально-политических и технико-экономических процессов наделен определенными профессиональными и социально-политическими характеристиками. *Во-первых*, технократ — это человек, владеющий некой социально значимой технологией на достаточно высоком профессиональном уровне. В обыденном сознании понятие «технократ» соотносят с человеком, имеющим непосредственное отношение к технике. Конечно же, это поверхностное суждение, так как если дословный перевод слова «*techne*» с греческого означает «искусственный», то, следовательно, технократ — это человек, преобразующий естественное в искусственное, природное в социальное, а это практически все жители нашей планеты, все человечество. Это слишком широкая трактовка, нуждающаяся в уточнении. Технические знания и артефакты существуют не сами по себе, а, чаще всего, синтезируются в определенные технологии, поэтому и технократы обязательно должны владеть на профессиональном уровне значимой для социума технологией.

Вторую существенную характеристику технократа обычно увязывают со словом «*kratos*» — «власть», рассматривая технократа как человека, стремящегося к власти. При этом оказывается неясным, собираются ли технократы придти к власти через могущество техники, путем постепенного захвата производства, либо же посредством разработки и применения некой особой социальной технологии власти. Видимо, следует различать содержание таких схожих по смыслу понятий как «власть» и «управление». Если *власть* — это способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии, то *управление* следует рассматривать как функцию, способ реализации власти. Власть проявляется в управлении (функциях), и в этом смысле раскрывается универсальная природа власти. «Поле власти» может быть предельно малым (личность, семья), либо предельно большим (социокультурная среда), но реализуется оно через управление. С учетом высказанного можно утверждать, что технократ — это не сама власть, а, скорее всего, ее управленческая функция. Технократ не собственник, а, по преимуществу, управляющий собственностью, он не владеет, а управляет собственностью, причем в высших сферах социума. А это последнее весьма важно.

Третьим существенным признаком в определении содержания понятия «технократ» следует назвать стиль мышления, основанный на рациональном достижении поставленной задачи и игнорировании важнейших гуманитарных аспектов

жизнедеятельности людей. В известной степени этот стиль мышления и спровоцировал утверждение о кризисе западной рациональности. Тотальная рационализация знаний ведет к делению общества на «специалистов» и «неспециалистов» не только по отношению к профессиональным знаниям, но и по отношению к нравственным установкам и ценностным ориентациям. Формируется рационалистический, сугубо научный подход к пониманию бытия как объекта логических манипуляций. Рассуждения о рациональности применительно к технократии как «расе мыслителей» (О. Розеншток-Хюсси) переводят проблему стиля мышления в мировоззренческую, идеологическую плоскость рассуждений об особом типе отношений в системе «техника - человек — мир». Именно технократический стиль мышления и создает идеологию тотального сциентизма и техноцентризма, основанных на принципах рационализма, изоморфизма, функциональности, прагматизма и глобализма.

Перечисленные признаки, присущие технократам и технократии как явлению, позволяют уточнить представления о социальной структуре техногенного общества и выделить следующие социальные страты: технопользователи — люди, живущие в техногенном обществе, признающие и соблюдающие основные его правила; техницисты — это люди, идейно воспринимающие и разделяющие реалии технократических концепций как свои собственные, но не обладающие реальной или достаточной управленческой властью; технобюрократы — это, главным образом, среднее чиновничество, специалисты, профессионально владеющие значимыми для социума технологиями, реально участвующие в различных социальных бюрократических структурах, но не принимающие стратегические решения; технократы — люди, профессионально владеющие современными социально значимыми технологиями, реально осуществляющие управленческие функции в высших социальных структурах, распространяющие идеи рационализма до тотального сциентизма и техноцентризма.

С учетом сказанного можно предложить следующее *определение*: «технократ» - это представитель высшей бюрократии, профессионально владеющий социально значимыми технологиями, реализующий управленческие функции высших социальных структур и руководствующийся идеями тотального сциентизма и технократизма. Все это, в конечном счете, и должно быть отражено сегодня (начало XXI века) в понятиях «технократ», «технократизм» и т.п., т.е. представлено концептуально, в теории.

Технократии присущи все необходимые для статуса социальной группы характеристики: относительно устойчивая совокупность взаимодействующих между собой и обществом индивидов; стандартизация норм поведения и ролевых функций в определенных социальных ситуациях; развитый социальный контроль за соблюдением унифицированных на основе идеологии технократизма социально значимых ценностей и процедур и т.д. Технократия как социальная группа управленцев (своеобразный союз техкратов и технобюрократов) представляет собой тот высший уровень в развитии управленческой демократии, который наиболее приспособлен для функционирования в индустриальном и постиндустриальном обществах и без которой (группы управленцев) эти общества не мыслимы. Но технократия — это социально противоречивая квазигруппа. Ее социальная противоречивость обусловлена как внутренними, так и внешними факторами.

Внутренняя противоречивость технократии как социальной группы определяется: ее социальной неоднородностью; существующими противоречиями между специалистами по организационным процессам (менеджерами) и специалистами

по технологическим процессам (инженерами) и др. В условиях современного техногенного общества технократия не может рекрутировать своих членов по признаку крови и благородного происхождения. Массовое производство, влияние государства на все сферы жизнедеятельности общества порождают потребность в огромной армии управленцев, немалая часть которых разделяет технократические идеи. Демократические институты техногенного общества создают условия для формирования технократии из способных молодых людей, выходцев из различных социальных классов и слоев. Кроме того, внутренняя социальная противоречивость обуславливается также и столкновением социальных интересов основных технократических групп: менеджеров и научно-технических работников.

Внешняя противоречивость технократии обусловлена ее промежуточным положением между крупными владельцами собственности («хозяевами») и управляемыми массами («наемными работниками»), а также между технократами и представителями традиционных групп бюрократии. Технократы реализуют менеджерские функции, но собственность, которой они управляют, принадлежит не им. Изменение этого жесткого распределения ролей невозможно, поэтому всегда технократы будут отстаивать интересы государства и олигархов. Технократия является социальной квазигруппой, так как постоянно находится в конкурентной борьбе, в процессе становления и обновления. Возможный путь изменения социального статуса у технократов связан либо с овладением (мирным или насильственным путем) собственностью и переходом в разряд экономических или политических олигархов, либо с утратой функций управления собственностью и переходом в другую социальную группу, группу более низкую по статусу и возможностям.

Приведенные характеристики технократии позволяют, таким образом, не только определить ее статус как социальной группы, но и зафиксировать тенденцию все более усиливающейся и возрастающей роли технократии во всех сферах социальной жизнедеятельности как индустриального, так и постиндустриального обществ. Эта тенденция конкретно проявляется в ее институализации, то есть в реализации стремления организационно оформиться в социальную группу, приобрести в рамках общества и государства соответствующий социальный статус. И новые роли, новое состояние, новые потенции.

В процессе институализации технократия стремится завершить процесс своего формирования как социальной группы не только в функциональном (осознание своих социальных потребностей, удовлетворение которых требует совместных организационных действий, создания четкой структуры и т.д.), но и, главным образом, в идеологическом отношении (осознание своих социально-групповых целей, норм, правил социального взаимодействия, установление санкций контроля, создание системы статусов и ролей, охватывающих фактически всех, без исключения, членов данного социального института).

Стремление технократии выйти за рамки своей социальной группы посредством формирования *технократического социально-политического движения* означает замену спонтанного и во многом экспериментального поведения на поведение моделируемое, ожидаемое, разделяемое большинством его последователей. Но превращение технократии (технократизма) в социально-политическое движение означало бы распространение технократической идеологии за пределы своей социальной группы. Что и наблюдается уже в наши дни. Тем более, что технократия — это действительно социальная квазигруппа профессиональных управленцев (технобюрократов и технократов) с противоречивым социальным статусом, но напрямую и

активно увязывающая социальный прогресс с научно-техническим прогрессом, с тотальным сциентизмом и техноцентризмом.

Представленное определение позволяет наметить принципиальные границы эффективного использования технократических управленческих структур и теории технократизма (знание, концепции) в социально-экономической организации жизни общества. Так, подтверждается способность технократии эффективно решать те или иные задачи в узкоспециализированных областях жизнедеятельности общества при высокой степени алгоритмизации процессов. Однако реализация политических амбиций часто характеризуется социальной неэффективностью в силу стремления решать глобальные социальные и политические проблемы как инженерные задачи. Политическое участие технократии должно сводиться скорее к прямому переходу технократии в институты политической власти («правительство специалистов», эксперты, референты и т.д.). Однако эта проблема требует своего специального рассмотрения. В другом месте, в другой статье.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Морозов Ю.А. Технократия. — СПб., 2000.
2. Фролова М.А. Политическая стратификация. — М., 1995. С. 51-52; Ашин Г.К., Понедельков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. — М., 1999, с. 120-122.
3. См.: Абабков Ю.Н. Классовая сущность западно-германского техницизма. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Гвишиани Д.М. и др. Техника, общество, человек: критика буржуазных концепций «философии техники». — М.: Знание, 1981; Графский В.Г. Государство и технократия: историко-критическое исследование. — М.: Наука, 1981; Деменчонок Э.В. Современная технократическая идеология в США. — М.: Наука, 1984 и др.
4. См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Пер. с французского. — М., 2000. С.51-52.
5. Исследование дихотомии «познавательное-ценностное» в философской литературе активно проводилось и обсуждалось, начиная с 60-х годов XX века. В отличие от немарксистской философии, где указанная дихотомия исследовалась либо в виде резкого противопоставления этих двух составляющих, либо в виде их полного слияния (см. Виндельбанд В. О свободе воли. СПб. 1904; Джеймс В. Прагматизм. СПб., 1910; Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. // Полн. собр. соч., т.9. М., 1910; Поппер К. Логика и рост научного знания. // Избр. работы. М., 1983; Рудельсон Е.А. Неокантианское учение о ценностях (фрейбургская школа). // Проблема ценностей в философии. М.-Л. 1966 и др. Представители диалектико-материалистических традиций признавали относительную самостоятельность каждой из указанных составляющих и рассматривали различные аспекты их диалектической взаимосвязи. (см. Бакурадзе О.М. Истина и ценность. // Вопросы философии. 1966. № 7; Дробницкий О.Г. Проблема ценности и марксистская философия. // Вопросы философии. 1966. № 7; Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980; Проблема ценности в философии. М.-Л., 1966; Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. М., 1991; Наука и ценности. Новосибирск. 1987 и др..
6. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М., 1990. С. 14.
7. См.: Теория познания: В 4-х тт. Т. 4. Познание социальной реальности. М., 1995. С. 16.
8. См.: Бузук Г.Л. Теория и практика аргументации. М.: ГА ВС. 1996. С.40-85.
9. Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1989. С. 82.
10. Ленк Х. Размышления о современной технике. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 71-72.
11. Новая философская энциклопедия в 4-х тт. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 64.
12. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — М.: НМЦ СПО, 1999. — С.336.
13. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: Изд-во АСТ, 2004. С.117.
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 118.
15. См.: Графский В.Г. Государство и технократия: историко-критическое исследование. — М.: Наука, 1981; Деменчонок Э.В. Современная технократическая идеология в США. — М.: Наука, 1984; Суркова Л.В. Технократизм: социокультурный феномен. — М.: Наука, 1992 и др..
16. См.: Погорельский В.Г. Научно-техническая интеллигенция. Функциональный рассудок и личностное самосознание// Системное исследование. Методологические проблемы. Ежегодник. — М.: 2000. С. 323-324.

17. Погорецкий В.Г. Научно-техническая интеллигенция. Функциональный рассудок и личностное самосознание// Системное исследование. Методологические проблемы. Ежегодник.- М.: 2000. С. 324.
18. Домозетов Х. Социологические проблемы компьютерного пиратства. // Социологические исследования. 1997. № 11. С. 9.
19. См.: Погорецкий В.Г. Научно-техническая интеллигенция. Функциональный рассудок и личностное самосознание// Системное исследование. Методологические проблемы. Ежегодник.- М.: 2000. С. 323-324.

Аннотация: В статье рассматриваются различные попытки определения понятий «технократ» и «технократия» в историко-философской и социально-философской литературе. Делается анализ уже имеющихся определений на основе функционального, генетического, структурного подходов. Предпринимается попытка формирования нового уточненного определения понятий «технократ» и «технократия» на основе познавательного-ценностного подхода. И в конечном счете теории (концепции) технократизма проставляются в качестве объекта (предмета) историко-философского анализа.

Annotation: Different approaches of the definitions of the words “technocrat” and “technocracy” in the historico-philosophical and socio-philosophical literature are taken up in this article. On basis of functional, genetic and structural approaches available definitions are being analyzed. On the basis of cognitive approach the new detailed definition of the words “technocrat” and “technocracy” is being formulated.

Пчелина О.В.,

Марийский государственный технический университет,
доцент кафедры социальных наук и технологий,
кандидат философских наук, доцент

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

«Культуру должно определить как взаимодействие
целых поколений для достижения единой бескорыстной,
идеальной цели, ...цели мистической, религиозной ...»

Д.С. Мережковский

Начало XX века, названного Н. Бердяевым «культурным ренессансом», ознаменовалось обращением значительной части выдающихся отечественных философов и писателей к проблемам духовной культуры. Среди них по праву должно быть названо имя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941), труды которого стали ярким культурным событием эпохи, а его идеи имели существенное значение для осмысления проблемы кризиса западноевропейской цивилизации, состояния культуры и духовности (в России прежде всего).

Характеризуя «литературный источник» духовно-эстетического Возрождения начала XX века, Н. Бердяев отвел Д.С. Мережковскому «...главную роль в пробуждении религиозного интереса и беспокойства в литературе и культуре» [1,91].

Современники Д.С. Мережковского называли его одним из первых представителей русского символизма, о чем свидетельствует выход в свет в начале 90-х годов XIX века сборника стихов «Символы». «Под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлера и Эдгара По, начиналось мое увлечение не декадентством, а символизмом (я и тогда уже понимал их различие). Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово», - писал о себе Д.С. Мережковский [2,321].

Рассматривая символизм не только как направление, открывшее новый период в отечественной культуре, но и как *«всемирный переворот в культуре»*, Д.С. Мережковский отмечал «огромную» заслугу русских символистов в том, что они «заставили нас прислушаться к религиозным вопросам» и вернули русскую культуру к поискам «религиозного смысла жизни» [2,258]. Мыслитель трактовал «символ» как художественный образ, «из того мира в этот поданный знак, перекинутый мост»; язык символов был для него языком религии: «Нельзя говорить о Боге словами, о Беспредельном — определениями; можно только знаками, ... *молчаниями между слов* дать почувствовать несказанное присутствие Божие» [2,257].

Следует отметить, что работы Д.С. Мережковского, относимые его современниками, как правило, к литературно - критической деятельности, представляют большой интерес с точки зрения раскрытия философской концепции автора. Так, определяя важное значение религиозной темы в русской культуре XIX века, Н.А. Бердяев отмечал, что вопрос «до сих пор еще никогда не был поставлен, такой вопрос не возникал даже в сознании» [3,339]. Более того, философ увидел заслугу Д.С. Мережковского в том, что одним из первых символистов заговорил о религиозной сущности культуры, и оценил его темы как «великие и вселенские». [4,370]. Авторы многочисленных исследований, посвященных творчеству Д.С. Мережковского, говорят о том, что по способу мысли и характеру выражения он - художник философ-

ского склада.

Категория «культура» для мыслителя - одна из основных в философии. Главной целью философских построений Мережковского оказывалось понимание сущности культуры как системы, которая охватывает и определяет все сферы деятельности и является способом организации общественной жизни людей. Проблемы культуры рассматриваются Д.С. Мережковским в единстве онтологического (как проблема творения нового бытия), аксиологического (как проблема ценности культуры и ценностей в системе культуры), антропологического (как проблема человека, личности - главного носителя и творца культуры) и социально - этического аспектов.

Ценностью культурологической концепции Д.С. Мережковского является и рассмотрение вопроса о сущности религиозного понимания культуры и истории через анализ антиномий - разума и чувства, знания и веры, духа и плоти. Антиномии имеют большое значение в философских построениях мыслителя: используя антиномии, автор стремился к разрешению противоречий и обоснованию единства мира. Таким образом, путем постижения религиозной сущности культуры и природы творчества Д.С. Мережковский пытался найти путь из кризисного состояния общества к обновлению и культурному возрождению.

Проблема взаимосвязи культуры и религии проходит лейтмотивом через все творчество Д.С. Мережковского. Понимая культуру и религию как единое целое, Д.С. Мережковский выдвигает следующее положение: культура «не вытеснит, а лишь *замени*т собою религию, займет ее место, то есть она сама станет *религией*» [5,85]. Задаваясь вопросами: «что из чего» - религия из культуры или культура из религии и «что над чем» - религия над культурой или культура над религией, мыслитель на протяжении всего творческого пути пытался найти ответ на поставленные вопросы.

Называя религию «головой» культуры, Д.С. Мережковский понимал религию не как часть культуры, ее составляющую, а отводил религии роль начала и основы культуры и утверждал, что «религия еще не культура, но нет культуры без религии» [2,263]. Исследуя происхождение слова «религия», Д.С. Мережковский обращает внимание на то, что римляне производили слово *religio* от *relegare*, что означало «связывать». Признавая такой подход неверным с филологической точки зрения, Д.С. Мережковский подчеркивает психологическую глубину того значения, которое придает слову иной смысл: «Религия есть ... связь ... то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если вынуть из него эту скрепу, то оно распадается, из живого тела становится мертвою «массою» [6,59].

Д.С. Мережковский предлагал употреблять слово «религиозный» в том широком, философском значении, которое придавали ему такие мыслители как И.В. Гете, Э. Ренан, Т. Карлейль. Такой подход к определению культуры ведет к пониманию ее как области, где разворачивается духовная и творческая деятельность, помогает осмыслению одной из важнейших проблем: насколько общество способствует развитию личности, обретению человеком действительной свободы.

Отрицание религии приводит к «одичанию в культуре», полагал Д.С. Мережковский. Понимая культуру как творчество ценностей, мыслитель приходит к выводу, что отрицание религии есть не что иное, как разрушение ценностей, к которым относится сама культура. Раскрывая смысл термина «культура», Д.С. Мережковский обращает внимание на присутствие в слове «культура» древнего латинского корня «*cultus*», что означает почитание богов. Отмечает он и характерную особенность - «во всех исторических культурах есть духовное, бескорыстное «зерно», основание нового религиозного культа, установление новой связи человечес-

кого сердца с божественным началом мира, с бесконечным» [2,174].

Упадок, вырождение и потерю смысла культуры Д.С. Мережковский связывал с разрывом связи искусства с религией и искал подтверждение своим взглядам, анализируя проблему взаимосвязи культуры и религии в разные исторические эпохи. Обращение к прошлому, смыслом которого являлась направленность в будущее, - характерный прием, с помощью которого Д.С. Мережковский пытался проследить «звенья цепи», которые соединяли «века, культуры и религии»: «Взоры невольно обращаются назад, к великим произведениям древности, со смутной надеждой найти в них отзвуки наших дней», - писал Д.С. Мережковский [7,395].

Тезис «в прошлом я ищу будущее» стал для мыслителя не только возвратом к истокам, но и особым историко - философским методом, который можно сравнить с предложенным М. Хайдеггером понятием *Kehre*, что на родном наречии означает поворот: «... поворотом (*Kehre*) зовется место, где серпантин горной дороги поворачивает почти назад, чтобы подобраться еще ближе к перевалу» [8,5]. Согласно Хайдеггеру, *Kehre* - это поворот назад, который становится необходимым для достижения следующего этапа, нового качественного роста.

Рассуждая о феномене античной культуры, Д.С. Мережковский задавался вопросом о том, что же такого особенного и необычного могли создать греческие мастера - гении, творения которых продолжают жить и вдохновлять через две тысячи лет?

Согласно представлениям Д.С. Мережковского, античная культура, и, прежде всего древнегреческая трагедия, «вышла из религиозного таинства» и в процессе своего развития сумела сохранить «живую связь» с религией. Называя Древнюю Грецию «колыбелью красоты, гармонии, человеческого творчества», Д.С. Мережковский обращает внимание на то, что природа и произведения искусства Древней Греции находятся в гармонии между собой, более того, природные элементы на фоне творений великих мастеров приобретают иное значение, несут новый смысл. Д.С. Мережковский пришел к заключению, что художники выделяли в природе то, что считали прекрасным и божественным, окружали все это «рамкой» и именно поэтому море принимает «эллинское выражение»: это не «водная поверхность», по которой ходят современные торгово-промышленные пароходы, а «лазурная, кипящая влага, из которой вышла Венера — Анадиомена, богиня красоты» [7,358].

Рассматривая произведения культуры древних греков не только как творение рук человеческих, а творение совместно с Богом ценностей (согласно его концепции, подлинное творчество — совместное с Богом действие), мыслитель оценивает эти достижения как идеальные.

Размышляя далее о роли художника, Д.С. Мережковский полагал, что природа может дать мощный творческий импульс лишь в том случае, если существует «кровное родство» творца и природы: «Не верится, что человеческие руки могли создать Парфенон, Пропилеи, Эрехтейон. Они сами вышли из недр земли ...» [7,357]. Истинными произведениями Д.С. Мережковский называл те, в которых была достигнута полная гармония - примирение двух «враждующих начал» - Божественного творчества и творчества людей.

Выделив эллинскую культуру из всего культурного многообразия Европы, Д.С. Мережковский искал образцы античной культуры, которые трансформировались в новые, совершенные формы в последующих культурно - исторических эпохах. Сравнивая античное и современное творчество, Д.С. Мережковский противопоставляет счастье, свободный дух великого греческого народа научным знаниям и изобретениям современной цивилизации: «...мы одичали в наших безобразных

гигантских городах — этих твердых из камня и железа, воздвигнутых против стихийных сил природы ...» [7,358].

Невольно напрашивается сравнение с высказыванием М. Хайдеггера: «Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроен деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию» [9,227]. М. Хайдеггер акцентирует внимание на том, что Рейн, перекрытый плотинной, выступает лишь как «поставитель гидравлического напора» и фактически противопоставляет его «Рейну», но уже произведению искусства Ф. Гельдермина.

Изучая культурные памятники Древнего Египта, Д.С. Мережковский отмечал религиозную основу и египетской культуры: «Искусство их больше, чем искусство, и даже больше, чем жизнь: источник жизни — религия. Это — самое религиозное из всех искусств ...» [6,192]. Сравнивая Египет с современностью, он пришел к следующему заключению: «Он Бога нашел, мы — потеряли» [6,153].

Таким образом, упадок и вырождение культуры Д.С. Мережковский связывал с разрывом связи искусства с религией — измена религиозному началу в творчестве привела египтян и эллинов сначала к потере смысла культуры, а затем и к потере красоты.

Эпоха Средневековья также была объектом внимания Д.С. Мережковского — это борьба духа и плоти, умерщвление плоти как условие духовного освобождения и, как следствие, освоение ранее неизвестных глубин духовной жизни. Д.С. Мережковский рассматривал Средневековье не только как очередной этап развития культуры, но и как эпоху, в которой произошло восстановление утраченных связей с Божественным. Духовное наследие Средневековья позволило Д.С. Мережковскому с новых позиций осмыслить культуру и личность: средневековое общество являло собой христианский мир как духовную общность и в то же время христианское мировоззрение утверждало значимость отдельного индивида как носителя самостоятельного духовного начала. Идея культуры осмысливалась в русле идеи всеединства, требовавшего постичь принципы включенности земного бытия в сферу Божественного. Всеединство стало культом Средневековья, а Россия конца XIX века — начала XX века соотносила себя именно со Средневековьем. К идее «нового средневековья» обращались многие русские философы — Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, И.А. Ильин, а их мысль о преодолении цивилизационного кризиса на основе православия, можно расценивать как обращение к духовному источнику.

Важным этапом в осмыслении проблем взаимосвязи культуры и религии стало обращение Д.С. Мережковского к наследию Ренессанса. Мыслителю была интересна трансформация античного идеала, которая выразилась в эпоху Возрождения в культе деятельного, свободного, творческого человека как центра мироздания. По замечанию Д.С. Мережковского, Возрождение не разрушило связи искусства с религией, а лишь «переродило» эту связь. Д.С. Мережковский считал, что отличительной чертой художников итальянского Ренессанса было желание не только углубить и укрепить связь искусства с религией, но и соединить его с религией будущего.

Называя «святую землю Италии святой колыбелью европейской Высокой Культуры», Мережковский проводил различие между Итальянским Возрождением и Возрождением европейским. Он подчеркивал, что процесс «возрождения *механических* знаний», изучения «тел, материй, но не духа и жизни» проявился в европейской культуре более открыто, чем в итальянской. Ведущую роль в этом процессе сыграло «старое», историческое, западное христианство, разъединившее дух и плоть. Принимая воскресение духа и пренебрегая воскресением плоти, превознося

«духовную половину мира и человека над плотскою», европейская культура умертвила плоть, оставив после себя лишь «тлетворный дух» [7,348].

Таким образом, развитие европейской науки, а вместе с ней и материальной цивилизации, выразилось в рационализации сознания. Все это, по мнению Мережковского, негативно отразилось на развитии духовной культуры: ценности, созданные человеком, из «простых, живых, органических, нерукотворных, богоданных, *стихийных*» превратились в «условные, искусственные, механические, *культурные*» [2,263]. Противопоставляя природу и культуру, которая больше не создается по божественным законам, Д.С. Мережковский замечает: «Природа — чистота, культура — нечисть».

Анализируя исторический путь европейской культуры, Д.С. Мережковский пришел к заключению, что в целом Европа смогла возродить эллино — римскую древность, но, будучи уже культурой фактически безбожной, она изначально стала «смерть утверждающим» духовным началом для современной Европы.

По мысли Мережковского, для спасения культуры был необходим совершенно новый, «необычайный, великий порыв». Говоря о порыве, Д.С. Мережковский вкладывал в свою мысль религиозный смысл, понимая веру как порыв в иной порядок — «касание мирам иным», интуитивное прозрение. Творчество рассматривалось мыслителем как продолжение миротворения, как онтологический вектор от человека к Богу и выражало особое, качественно новое состояние человеческого сознания и человеческой общности.

Залог гармонии будущей культуры мыслитель увидел в личности Леонардо да Винчи. Судьба великого художника была представлена Д.С. Мережковским в стихотворении «Леонардо да Винчи» (1895) и в романе «Воскресшие Боги» (1900) как олицетворение вечной жажды целостной культуры, ее синтеза, а сам художник выступал «богоподобным человеком», «предвестником еще неведомого дня». Создавая образ героя, Д.С. Мережковский старался подчеркнуть творческий гений личности, красоту и силу, раскрывающиеся по мере движения к внутреннему совершенству. Связывая анатомические опыты, которые возмущали религиозное чувство верующих, с научным любопытством ученого, Д.С. Мережковский показывает сознание бессилия, которое преследовало творца. В отчаянии Леонардо, в его несбывшейся мечте — «мы будем, как боги» — Д.С. Мережковский видит не только духовный кризис художника, но и трагедию самого процесса творчества — несоответствие между творческим замыслом и результатом. Единство души и тела, гармоническое единство материального и духовного начал остается недостижимым для героя. С точки зрения Мережковского, причина творческого кризиса состояла в том, что культура для творца «оказалась *шире христианства*» [11,648].

В 1932 году Д. Мережковским была прочитана Речь на Конгрессе Высокой культуры во Флоренции, в которой автор высказался о своем многолетнем «духовном соблазне» — сделать культуру примиряющим синтезом христианства с язычеством, соединить «верхнее небо» с «нижним небом» — Христа с Антихристом. В лице Леонардо да Винчи он увидел предтечу этого соединения, однако в процессе творческого поиска Д.С. Мережковский осознал, что художник или остался равнодушен, или не захотел знать имени Христа, не смог сделать выбора между созерцанием и действием, Богом и дьяволом. Остановившись на «середине», Леонардо из «пророка» превратился в «слепого вождя». Мыслитель дает очень яркую характеристику внутреннего противоречия Леонардо да Винчи и приходит к пониманию того, что единство души остается недостижимым для героя — «внешние крылья без внут-

ренних - не крылья, а цепи». Отсюда - и сознание бессилия, и трагедия творчества (несоответствие между замыслом и результатом) [11, 648]. В конечном счете, Д.С. Мережковский вынужден был признать: «30 лет назад был прав, а теперь ошибаюсь» - «тогдашняя роковая ошибка моя и очень многих сейчас - смешение культуры с религией, пепла с огнем. Нельзя греться у пепла» [10, 403].

Творчеству художника Возрождения Д.С. Мережковский противопоставляет творчество его «великого брата» Данте, который пророчески предчувствовал Христа Освободителя и подвел к этому человечество. Изучая жизнь и творчество Данте, Д.С. Мережковский пришел к пониманию того, что жизнь поэта измеряется не славой, а самим бытием: «Высшая мера жизни для него не созерцание, отражение бытия сущего, а действие, творение бытия нового» [12, 5]. Давая оценку «Божественной комедии», мыслитель находит, что отдельное дантевское «я» совпадает с общим «я» всего человечества, «вечная судьба» одного — с вечными судьбами всех, и потому книга Данте - не только личная, но вместе с тем «всечеловеческая из всех книг».

Согласно пониманию Д.С. Мережковским культуры как бытия личности, религиозное преображение как личностный духовный поиск являлось не просто «культурой» в собственном смысле этого слова, но и новой фазой в судьбе всего человечества, на которой возможно достижение подлинного бытия. Мыслитель называл Данте «величайшим утвердителем двух миров», пророком новой религии и рассматривал образы поэта как «символы» - «вещные знаки, знамения иного мира». Д.С. Мережковский считал, что Данте свершил великий переворот в культуре с одной лишь целью - «вернуть заблудившееся человечество на путь спасения, под знаком Трех». Подчеркивая актуальность этой темы для России, Д.С. Мережковский увидел символический знак в том, что великий Данте умер на рубеже Востока и Запада, верил, что люди поймут значение дантевских слов: «Величайший дар Божий людям - свобода» и впервые эти идеи будут поняты и приняты в будущей свободной России.

Согласно концепции Д.С. Мережковского, человек есть творец, и сущность личности проявляется в духовном творчестве, свободном выборе идеалов и норм будущего; кроме того, человек всегда стремится к самосовершенствованию, и посредством творчества культуры осуществляется творчество самого человека, как личности. Элемент творчества, полагает Мережковский, имманентно присущ человеческой жизни, так как человек создан по образу и подобию Божьему, но человек есть не только раб Божий, покорный исполнитель воли Создателя, а свободный соучастник Божьего творчества. Таким образом, все предыдущее творчество лишь подготавливало иное, подлинное творчество, его высшую ступень.

Д.С. Мережковский рассматривал процесс творения и творчества не только как создание новых ценностей культуры, но и как самореализацию, самовыражение личности человека, творца, а в религиозном смысле — создание нового бытия. Развивая тему творчества как религиозную проблему, он попытался создать новую религию творчества, видя её новой стадией единой мировой религии, понимал путь религиозного преображения как путь спасения человечества. Определяя ведущую роль человека в данном процессе, мыслитель имел ввиду не оправдание новозаветной традицией творческого потенциала человека, а философское постулирование Третьего Завета, «Третьего откровения».

Согласно Мережковскому, религия Св. Духа должна была сочетать «земное с небесным, освятить доселе антирелигиозное или внерелигиозное культурное творчество, примирить религию с мирской жизнью и тем самым завершить «богочелове-

ческий процесс». Главную силу святости Третьего Завета Д.С. Мережковский видел в спасении общественном и был убежден, что спасение человека состоит в разрешении «противоречий ума и сердца» и станет возможным в будущем человеческой культуры — религии Троицы, соединившей в себе «разум — волю — чувство», как соединены в человеке его «дух — душа — плоть» [5,86]. Д.С. Мережковский был уверен, что «от начала времен путь человечества есть путь к божественному Обществу, Царству Божьему» и что вся история есть тому подтверждение [6,125].

С «вечной» религией Св. Троицы, торжество которой виделось ему в приближении эпохи Св. Духа, мыслитель связывал нравственное совершенствование человека, религиозное возрождение и культурное преобразование общества, призывал человечество к активной творческой деятельности. Осмысление религиозных и философских идей Д.С. Мережковского с такой позиции способствует не только постижению смысла духовной культуры, но и пониманию ее определяющего значения в жизни общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бердяев Н. Русская идея. - Л.: Русская литература, 1991. №3.
2. Мережковский Д.С. Акрополь. Избр. лит. — критич. статьи. — М.: Кн. палата, 1991.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. - М., 1989.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. — В 2 — х т. Т. 2. — М.: Иск — во, 1994.
5. Мережковский Д.С. Больная Россия. — Л.: Изд - во Ленинградского университета, 1991.
6. Мережковский Д.С. Тайна Трех. Египет-Вавилон. — М.: ЭКСМО - Пресс, 2001.
7. Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М.: Республика, 1995.
8. Библихин В. В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
10. Мережковский Д.С. Леонардо да Винчи и мы. Духовный кризис Европы // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. — СПб.: Изд. Русск. Христ. Гуманит. ин - та, 2001.
11. Мережковский Д. Революция и религия // Мережковский Д. Павел I. Александр I. - М., 1989.
12. Мережковский Д.С. Данте. - Томск, Водолей, 1997.

Аннотация: «Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского»: В статье анализируются культурфилософская концепция представителя русского религиозного Ренессанса Д. Мережковского: дана интерпретация понятий «культура» и «религия», проанализирована их взаимосвязь в разные исторические эпохи. Автором подробно исследована эволюция взглядов Д. Мережковского на проблему взаимосвязи культуры и религии, ставшую мировоззренческим основанием всего творческого наследия мыслителя.

Annotation: “The problem of interconnection culture and religion in the philosophic conception of Dmitry Merezhkovsky”: The article analyzed philosophic conception of Dmitry Merezhkovsky. There was given an interpretation of two basic terms such as “Culture” and “Religion” so as their interaction during a different epoch of history was clear. The author of the article examined a question about evolution views on the problem of interconnection culture and religion which was a foundation of Dmitry Merezhkovsky’s vision and all creative heritage by the thinker.

Пчелина О.В.,

Марийский государственный технический университет,
доцент кафедры социальных наук и технологий,
кандидат философских наук, доцент

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

«Когда будет, наконец, возможно говорить о
русской культуре, в небогатом ее каталоге
будут значиться книги Мережковского».

Б. Грифцов

Тема специфики и самобытности русской философии всегда была предметом анализа многочисленных исследователей. Представители отечественной мысли пытались осознать своеобразие и органическое «целокупное» единство русской философии, осмыслить великое многообразие идей, понять ее как систему, содержащую в себе прошлое, настоящее и будущее. Как одну из особенностей русской философии мыслители отмечали ее связь с русской литературой.

Так, И. Киреевский искал источник философии в поэзии, Н.А. Бердяев усматривал связь русской философии с русской литературой, в которой «русский национальный дух» нашел свое совершенное завершение в творчестве великих русских писателей [1,204]. Анализируя литературное наследие отдельных мыслителей, В.Ф. Эрн заметил, что ни В. Печерин, ни Н. Гоголь не написали ни единого «философского» произведения, но их жизнь была проникнута «такой огромной мыслью, такой сознательной идеей, что философская значительность этой жизни превышает целые тома самых блестящих сочинений» [2,213]. Называя художественную литературу «кладом самобытной русской философии», А. Лосев также отмечал, что в сочинениях русских писателей разрабатывались основные философские проблемы [3,214].

Начало XX века, названного Н. Бердяевым «культурным ренессансом», ознаменовалось обращением значительной части выдающихся отечественных философов и писателей к проблемам духовной культуры. В связи с этим пришло понимание русской религиозной философии как действенного средства социального преобразования современного мира. Русская религиозная философия, привнесшая в общечеловеческое мышление новое мировосприятие, является наиболее значимой, самобытной и оригинальной частью русской философии.

Эпоха «серебряного века» российской культуры на редкость богата опытом выражения философских идей в художественном творчестве. Как характерную черту русской культуры можно отметить развитие писателями традиционных тем мировой и отечественной религиозной, или точнее — религиозно-философской мысли как в их собственно философских сочинениях, так и в собственно литературных формах творчества.

Ярким образцом «литературной» метафизики может служить творчество представителя религиозно - философского движения рубежа веков Д.С. Мережковского. С его литературной и общественной деятельностью связано зарождение и становление русского символизма и религиозно-философского движения в России. Произведения Д.С. Мережковского вызвали многочисленные споры, провоцировали общество. Он писал стихи, романы и критические статьи, насыщал их историческим материалом, отыскивал в них философский и религиозный смысл.

Имя и творчество Мережковского не укладывается в традиционное понима-

ние литератора, философа или историка. Так, Н. Бердяев называл его «литератором ... до мозга костей, живущего в литературе, словесных сочетаниях и отражениях больше, чем в жизни». И.А. Ильин отмечал, что «Мережковский ... всегда занят крупными или великими фигурами истории и замечательными, сложными и смутными в духовном отношении эпохами» [4,178]. Авторы многочисленных исследований, посвященных творчеству Д.С. Мережковского, соглашаются с тем, что по способу мысли и характеру выражения он — «страстный охотник за идеями», «мастер использования цитат» и «философствующий литератор».

Определяя свое место в русской литературе, Мережковский писал: «Большинство считает, что я исторический романист; и это глубоко неправильно...» [5,342]. Однако причислять себя к философам он, по всей видимости, не собирался: «... если бы я был философом, я постарался бы донести мысль до окончательной ясности... Но я не проповедую и не философствую... я только описываю свои последовательные внутренние переживания». Следует заметить, что работы Д.С. Мережковского, относимые его современниками, как правило, к литературно - критической деятельности, представляют большой интерес с точки зрения раскрытия философской концепции автора. Его творчество явилось своего рода вызовом обществу и во многом определяло умонастроения отечественной философской мысли и интеллигенции. Неприятие творчества Мережковского служило свидетельством настороженного, а порой и негативного отношения общества не столько к самому автору, сколько к новым идеям.

Литературные способности проявились у мыслителя с ранней юности. Свое первое стихотворение Д.С. Мережковский написал в 1878 году в возрасте 13 лет. Тогда же была написана и первая критическая статья — классное сочинение на «Слово о полку Игореве». Еще гимназистом Мережковский пробует себя в переводах. В сборнике «Отклик», изданном А.С. Суворовым (1881), печатается стихотворение «Нарцисс», а в 1886 году «Стихотворения» принесли автору известность. Его стихи перекладывались на музыку, а романсы П. Чайковского, А. Рубинштейна и С. Рахманинова стали ярким явлением русской музыкальной культуры.

Будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, Мережковский дебютировал как литературный критик в «Северном вестнике» (1888, № 11) со статьей о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта». В начале 90 — х годов XIX века вышел в свет сборник стихов «Символы». «Под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлера и Эдгара По, начиналось мое увлечение не декадентством, а символизмом (я и тогда уже понимал их различие). Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово», — писал о себе Д.С. Мережковский [6,321].

Испытав на себе определенное влияние французских «коллег по цеху», их подражателями никто из русских символистов не стал. Цель символического искусства Мережковский видел в преображение жизни, что сделало русский символизм более фундаментальным явлением, чем его европейский прообраз. Именно с этих позиций П.Б. Струве назвал идеи Мережковского «далеко заброшенным идейным якорем», а Н.А. Бердяев оценил их как «великие и вселенские» [7,370].

Для периода 90-х г.г. характерно не только расширение сферы литературной деятельности Мережковского, но необычайно интенсивное творчество. Имя Мережковского становится известным в России и за рубежом, занимает центральное положение не только в русской литературе, но и в «мире мысли и души» [8,370]. К началу XX века Мережковский — признанный учитель не только старших симво-

листов, но и младосимволистов.

Понимая искусство «как безнадежный плач человеческой души о Боге», мыслитель в своем творчестве пытался решить вечные экзистенциальные проблемы человека и человечества — возродить идеальное мироустройство [9,34]. Как справедливо заметил Н. Бердяев, в лице Мережковского «новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к новым темам». Поднимая самые значительные вопросы современной ему духовной, культурно-исторической, социально-политической жизни, Д. Мережковский формулировал «новые темы» на материале русской литературы, сравнивая ее с зеркалом, в котором отражается жизнь общества.

В работе «Мистическое движение нашего века» (1893) Д.С. Мережковский рассматривал волнующие его проблемы на примере европейской цивилизации. Почти одновременно (в конце 1892 г. автор выступил с изложением ведущих положений, а в 1893 г. работа была опубликована) вопросы мещанства, разочарования в позитивизме, в возможностях науки, рационалистических знаний и разума, кризиса христианской веры поднимались в трактате «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе». Критики называли данную работу первым манифестом русского символизма [10,8]. Но, как справедливо отметила в своем исследовании И. Корецкая, привычная оценка этой работы как «точки отсчета в развитии отечественного символизма» недостаточна [11,185].

Среди «причин упадка» в области литературы автор отмечает засилье «газетных поденщиков», привыкших угождать «низшим вкусам толпы», порчу языка — «воплощения народного духа», вызванного возрастающим невежеством и вторжением в литературу «демократической богемы», беззащитность писателя перед «грубым насилием *денежного варварства*, перед властью капитала» [12,190-193]. Симптомы падения нравов, названные Д.С. Мережковским, в том числе альянс «газеты» и «толпы», позже были осуждены и другими критиками массового сознания — А. Белым, А. Блоком, М. Цветаевой.

Статья «Грядущий Хам» (в первоначальном варианте) вышла в свет в третьем номере еженедельника и продолжила тему обличения мещанства и европейского рационализма. Д.С. Мережковский предупреждал против «худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт, ... - грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [13,190]. Задаваясь вопросом, сможет ли победить Россия мещанство, «не побежденное Европою», Д.С. Мережковский возлагает надежды на русскую интеллигенцию, обладающую «великой религиозной жадью», ибо только на путях веры Д.С. Мережковский видел выход из цивилизационного кризиса.

В поисках ответов на поставленные вопросы, Мережковский обращается не только к произведениям, но и личностям великих русских художников. Его интересуют «литературная форма, язык, художественные приемы», взгляды, биография и образ жизни, а также этапы духовной эволюции писателей. Прочесть великую книгу прошлого, рассмотреть мыслителей и художников «в своем свете, под своим углом зрения» - прием, характерный для творчества Мережковского - критика.

Письма и дневники мыслителей, а также материалы, характеризующие определенный исторический период, занимали особое место в творческом сознании Д.С. Мережковского. Становится понятным, почему автор берет из произведений и жизни писателей чаще всего то, что было созвучно его собственному пониманию, взглядам, представлениям — это будило его творческую мысль, служило источником вдохновения.

Проблема надвигающегося кризиса Запада, выразившаяся в предчувствии мещанского перерождения социального большинства, была воспринята Д.С. Мережковским у В.С. Печерина, Н.В. Гоголя и А.И. Герцена. Лейтмотивом творчества Н.В. Гоголя стала борьба против «черта вечной пошлости», «серединного царства» - так интерпретировал Д.С. Мережковский творчество писателя в лекции «Судьба Гоголя», напечатанной в 1903 году в «Новом пути». Вслед за этим была написана книга «Гоголь и черт» (1906). Обращаясь к высказываниям «великих», Мережковский исследует их влияние и на последующие поколения. Называя русскую литературу критической и пророческой, мыслитель напоминает, что пророк и есть не что иное, как забытое имя критика, имя по преимуществу русское. Отсюда и критический, пророческий путь всей русской литературы — «от «горестных замет» Пушкина, первого русского критика, через «Философические письма» Чаадаева и гениальную, все еще не понятую «Переписку с друзьями» Гоголя до «Дневника писателя» Достоевского, к Вл. Соловьеву и Розанову...» [6,316]. Д. Мережковский отмечал, что европейская критика не придавала большого значения русской литературе и не подозревала ее действительных размеров, всемирного значения, которое увидели и осознали русские люди.

Особый смысл приобрело в творчестве мыслителя стремление обнаружить скрытое религиозное содержание произведений. «История человечества представляется ему одним непрерывным стремлением к отысканию какой-то новой формы. Он думает, что на нас и на ближайшие к нам поколения возложена задача отыскать новую религию, что с задачей этой близкое будущее справится, а затем — наступит конец мира...», - писал Л. Шестов [14,192].

Исследуя творческий путь художника, анализируя его творческий процесс, Мережковский выбирал те произведения, в которых были отражены религиозная идея или «антихристианство». Среди великих писателей, философов, литературных критиков он отыскивал тех, кто был выразителем христианства «не в историческом временном, а метафизическом, вечном смысле» [15,481]. Подобный метод наполнял литературно-критические статьи Мережковского особым смыслом - в ходе анализа религиозных представлений отдельных мыслителей он излагал и свои основные религиозно - философские идеи. Как отмечал его современник Н. Минский, «Мережковский избрал текстом для своей «неохристианской» проповеди всю русскую литературу» [16,206].

Д.С. Мережковский был убежден в христианском Возрождении России и считал, что это Возрождение начинается «именно в русской литературе, до такой степени проникнутой веяниями нового таинственного «христианства Иоаннова», как еще ни одна из всемирных литератур» [17,154]. Не раз писал он и о грядущей религии «Третьего Завета». Если Ветхий Завет был религией Отца, Новый Завет - религией Сына, то Третий Завет должен был стать, по его мнению, религией Святого духа, своеобразным синтезом «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства).

Известность Мережковскому как философу - мыслителю принесла его работа «Л.Толстой и Достоевский» (1901), в которой впервые прозвучала идея создания новой религии и новой церкви. Язычество утверждало «плоть в ущерб духу», а историческое христианство - «дух в ущерб плоти». В действительности же Христос «утверждает равноценность, равносвятость Духа и Плоти». Согласно Мережковскому, Грядущая церковь должна соединить дух и плоть, и за двумя известными человечеству заветами наступит Третий Завет — Царство Духа с идеалом «Святой плоти».

Социально — политические события конца XIX — начала XX века привели Мережковского к мысли о неминуемом кризисе западноевропейской цивилизации. Представители русской философской мысли пытались оценить и понять это явление более широко, в контексте российских реалий. Д.С. Мережковский поставил перед собой задачу выявить существенные различия между процессами, протекавшими в Европе и в России. Анализируя природу западноевропейского кризиса, мыслитель прослеживает кризисную ситуацию в контексте отношений России и Европы, истории, судьбы и предназначения России как страны, народа.

Противопоставление России и Европы, своеобразие русского народа изначально было осознано Д.С. Мережковским как различие в религиозной судьбе. Роль России и своего поколения, «увидевших оба края бездны», Д.С. Мережковский видел в практическом осуществлении того, что было предсказано русскому народу А.С. Пушкиным и Ф.М. Достоевским — в разрешении мировых противоречий, в новой, «величайшей и последней» борьбе Богочеловека и Человекобога.

Сила личностного начала русского гения нашла свое историческое выражение в русской литературе через творчество А.С. Пушкина. Опираясь на знаменитое высказывание А. Герцена о появлении Пушкина в ответ на реформы Петра, Д.С. Мережковский развивает его мысль: «... Пушкин есть и донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию» [15,192].

Отечественная война для Д.С. Мережковского — очередной повод для дальнейшего размышления и оценки взаимоотношений России и Европы, о месте России в ходе истории. За внешним, реальным историческим событием Д.С. Мережковский увидел «столкновение двух величайших идей» — восточной и западной, Богочеловека и Человекобога. Победа в Отечественной войне 1812 года соотносится Д.С. Мережковским с реализацией исторической миссии России в цивилизационном процессе. Западная Европа в лице Наполеона задала России вопрос, на который русский народ ответил дважды не только практическим подвигом, но и духовным — «Войной и миром», «Преступлением и наказанием» [17,162].

Русская литература в лице Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского указала на всемирность русской идеи и на наступающий кризис западноевропейской цивилизации, подчеркнув внешнюю, социальную, и политическую несостоятельность Запада. В явлении «Антихриста» Д.С. Мережковский увидел «конец разума, безумие Ницше», проявление внутренней беспомощности, «начало конца», последнюю точку Европы [18,25].

В словах Ф.М. Достоевского: «в Европе все подкопано и начинено порохом» и Л.Н. Толстого: «огонь, начавшийся с искры, не остановится, пока не сожжет всего», Д.С. Мережковский услышал предостережение России от наступления «европейской вражды». Он отмечал, что кризис Западной Европы — вполне закономерное явление, очередной этап в развитии, и подошла она к нему в результате превосходства материальной стороны жизни над духовной, тех технических достижений, которыми западноевропейская цивилизация гордилась и которые привели Европу к кризису христианства.

Современное состояние общества мыслитель рассматривает с позиций религиозного кризиса. В своих рассуждениях Д.С. Мережковский идет вслед за славянофилами, которые предчувствовали «болезнь» Запада, Н.В. Гоголем, который понял религиозную трагедию Запада как художник, Ф.М. Достоевским, сумевшим фило-

софски проанализировать религиозный кризис.

Глубинный смысл творчества Мережковского и его историческое значение определяются обращенностью к настоящему, к тому, что переживала Россия в послеоктябрьский период. Следуя в русле идей П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, мыслитель был убежден в том, что в осуществлении проекта будущего общества решающую роль должна была сыграть Россия. Опираясь на высказывание Ф.И. Тютчева, он видел в лице России не только «умственное сосредоточие», но и духовное существование, пример вселенской культуры и ее самобытности: «Запад исчезает, все рушится ... И когда над этим громадным крушением мы видим всплывающую святым ковчегом Россию, еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании?» [19,22].

Используя в своем творчестве метод субъективной критики, Мережковский полагал, что «субъективный критик должен считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом» [17,352]. Правда, на смену субъективной критике в литературу пришли уже новые течения и школы. Однако можно сказать о том, что Д. Мережковский вполне мог «считать свою задачу исполненной».

Творчество Д.С. Мережковского, его методы и идеи оказались продуктивными, предвосхитив многие современные события. Сегодня, как и столетие назад, происходит бурное развитие материальной стороны культуры и ослабление духовной - истощение «метафизической почвы». Нынешнее поколение «утомлено материализмом и культом научных знаний» и стремится к постижению смысла духовной культуры, пониманию ее определяющего значения в жизни общества. Актуальным остается и призыв Мережковского «встать на борьбу с рабством, мещанством и хамством», предупреждение о том, чтобы мы не стали «варварами среди унылой и нелепой роскоши, среди грандиозных изобретений современной техники» [17,358]. Многие современники отзывались об идеях Мережковского как о фактически пророческих, хотя так сам Мережковский отзывался прежде всего о русской литературе, черпая из нее как из духовного источника. Думается, что и было, и есть «пророчество сие во благовремение».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ванчугов В.В. Очерк истории философии «самобытно - русской». — Москва, 1994.
2. Там же.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.,1991.
4. Ильин И.А. Мережковский — художник // Русская литература в эмиграции. - Питтсбург, 1972.
5. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. - М., 1995.
6. Мережковский Д.С. «Акрополь». Избр. лит.- критич. статьи. - М., 1991.
7. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. — В 2 — х т. Т. 2. — М., 1994.
8. Рудич Василий. Дмитрий Мережковский // История русской литературы XIX века: Серебряный век. — М., 1991.
9. Мережковский Д.С. Записные книжки и письма // Русская речь. — 1993. - №4.
10. Минц З.Г. О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. — М., 1989.
11. Корецкая И.В. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. - М., 1995.
12. Мережковский Д. Полн. собр. соч. Т.18. - М., 1914.
13. Полярная Звезда. 1905. Кн. III. — С.190.
14. Шестов Л. Власть идей (Д. Мережковский. «Л. Толстой и Достоевский») // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт догматического мышления. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
15. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет - М.: Советский писатель, 1991.
16. Минский Н. На общественные темы. Изд. 2-е. Спб.,1909.

17. Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. - М., 1995.
18. Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. - СПб., 2001.
19. Мережковский Д.С. Атлантида-Европа: Тайна Запада. - М., 1992.

Аннотация: Философские идеи в русской литературе: Д. Мережковский. В статье рассматривается специфика русской философии и ее связь с русской литературой. Автором подробно анализируется литературно-критическое творчество представителя русской религиозной философии Д.С. Мережковского, а также его философские идеи, ставшие мировоззренческим основанием всего творческого наследия мыслителя.

Annotation: Philosophical ideas in the Russian literature: D. Merezhkovsky. The article describes specificity of Russian philosophy and its connection with the Russian literature. The author analyzes in detail literary - critical creativity of the representative of D.S. Merezhkovsky's Russian religious philosophy, and also his philosophical ideas becoming the world outlook basis of all creative heritage of the thinker.

Якимец Н.В.,
проректор ГОУ ВПО «Нижегородский
государственный педагогический университет»,
кандидат филологических наук, доцент

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МЕТАФИЗИКА ВСЕЕДИНСТВА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ МЫСЛЮ ДВУХ ЦЕЛОСТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

На определенном этапе развития науки возникает необходимость преодоления ограниченности ее методологических основ и выхода за их рамки для решения фундаментальных проблем, создания синтетической, более или менее целостной картины, отражающей объект. Для лингвистического знания таким прорывом в решении фундаментальных проблем стало формирование философии языка. Неоднократно предпринимались попытки создания целостной концепции языка как феномена, но, на наш взгляд, именно в рамках русской религиозной философии удалось создать наиболее целостные, диалектичные и непротиворечивые (несмотря на антиномичность как последовательно применяемый принцип построения) концепции философии языка.

«Питательной» средой для появления такого рода концепций стала русская философия всеединства, исходные постулаты которой были сформулированы В.С.Соловьевым и получили дальнейшее развитие в трудах П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, А.Ф.Лосева, С.Л.Франка. Наиболее продуктивным становится представление о всеедином духовном первоначале всего сущего, что обеспечивает гармонизацию единства и множественности мира, различных уровней бытия, и земного, и космического. [1]

Любое явление, в том числе и язык, существует как реализация этого Абсолютного, а следовательно, может быть адекватно отражено и представлено путем приложения соответствующей научной парадигмы к его описанию. Так в трудах П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, А.Ф.Лосева появляются «живые» и целостные концепции языка, отражающие и природу языка, и его сущность, и внутреннюю структуру, и связи как внутри системы, так и внешние, с другими системами.

Характеризуя философию языка «русского духовного ренессанса», Н.И.Безлепкин акцентирует внимание на близости концепций названных представителей «лингвистической ветви философии всеединства», обусловленной единством исходных постулатов, прежде всего, «переживанием раздробленности бытия, установкой на цельное познание мира посредством синтеза философии, богословия и науки и рассмотрением языковых реалий в аспекте этого единства». [2] Нашей же задачей будет не только выявить сходство, но и установить различие индивидуальных систем философии языка.

Рассуждая в одной из предыдущих работ о термине, наиболее адекватно отражающем понятие о соответствующем феномене, мы из ряда синонимичных для именованного учения о языке П.А.Флоренского избрали терминосочетание «ФИЛОСОФИЯ СЛОВА» (сам Флоренский не обозначил четко наименование своей концепции). Оно представляется нам наиболее всеобъемлющим (именно с учетом позиции Флоренского) и полно отражающим соответствующее понятие, поскольку, во-первых, именно слово - важнейший объект исследования Флоренского, во-вторых, слово, по Флоренскому, - это основание иерархической структуры (располагающейся по вертикальной оси «явление — сущность» и включающей в себя ИМЯ),

и, наконец, в-третьих, полисемант СЛОВО имеет в том числе и значение «язык», которое может быть актуализировано контекстом.

Другой представитель философии всеединства — А.Ф.Лосев — в отличие от П.А.Флоренского закрепил за своими лингво-философскими построениями наименование «Философия имени» (не «слова» или «языка»). Насколько принципиально и существенно данное отличие, предстоит установить в ходе нашего рассуждения. Основным материалом для анализа почерпнем из одноименной работы А.Ф.Лосева.

Предваряя свою работу, А.Ф.Лосев уделяет особое внимание, во-первых, определению места своей концепции в ряду других современных описаний и установлению преемственности с предшествующими и, во-вторых, разъяснению метода, используемого для формирования философской системы. Таким методом, по мысли Лосева, является диалектика, которую он характеризует как «логику противоречий»; отсюда вытекает последовательная антиномичность его философии: «Она обязана быть системой закономерной и необходимо выводимых антиномий (ибо не всякое противоречие — антиномия) и синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла». [3]

А.Ф.Лосев на базе диалектического метода строит универсальную диалектику языка и мира, формируя полиморфную структуру, характеризующуюся изоморфизмом уровней; выводит макрокосм из микрокосма, демонстрируя их диалектическое единство. Идя от внешних слоев слова все более к его внутренним слоям, последовательно снимая оболочки смыслов, он вскрывает диалектическую сущность имени и именования и утверждает онтологическое понимание языка. Затем границы СЛОВА расширяются, в его орбиту вовлекается сознание, наука, мир, наконец: «имя — есть жизнь» [4]; «Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени... То, что необходимо конструируется в мысли-слове как неизбежный результат его саморазвития, то и есть само бытие» [5]; «И вот рассмотреть его [мир — Н.Я.] как имя я и дерзаю в этой книге». [6]

СЛОВО у Лосева многолико: кроме уже перечисленных «ипостасей», оно рассматривается как живой организм: «Слово живет не только как физический и неодушевленный процесс, но и как живой, растительно-животный организм, поскольку мы имеем в виду живое слово живого человека». [7]; «Слово на степени осмысления через органическую энергию есть организм, — точнее, органическое семя [курсив Лосева — Н.Я.]. Органическое семя есть слово на степени знания внешнего предмета без знания себя самого». [8]

Понимание слова как организма характерно и для Флоренского, но последний обнаруживает изоморфизм СЛОВА вообще с человеческим организмом (в морфологии и функции), Лосев же в качестве организма рассматривает СЛОВО на определенном этапе его саморождения, самораскрытия, бытия и одновременно лишь в одном из аспектов его внутренней структуры, и в этом опять проявляется глубочайшая антиномичность и диалектичность мышления А.Ф.Лосева.

Чрезвычайно интересно функционирование терминов СЛОВО и ИМЯ в речи А.Ф.Лосева. Анализируя соотношение данных терминов и понятий в индивидуальной языковой системе П.А.Флоренского, мы выявили иерархию их взаимоотношений, о чем уже упоминалось в данной статье. В тексте «Философии имени» А.Ф.Лосева жизнь этих терминов многообразна и диалектична: от полной синонимии, абсолютного неразграничения значений, объединения через сопоставление до отношений иерархичности и противопоставления. Рассмотрим пример: «Слово, имя вещи, взятые как *идея* (курсив А.Ф.Лосева), суть выражение и понимание вещи

[...] Имя вещи есть выраженная вещь. Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие, как сознание и, следовательно, - разум, понятие и сознание как вещь». [9]

В приведенной цитате, как в фокусе, отразилось принципиальное своеобразие лосевской философии языка: диалектичность подхода, антиномичность сущности. Первоначально термины СЛОВО и ИМЯ используются как синонимы, объединенные по смыслу и грамматически с помощью различных средств: и то, и другое представлены как субъект речи-мысли (однородные подлежащие, связанные перечислительными отношениями, в терминологии структурного синтаксиса), имеющий общий предикат (со связкой «суть» в форме 3 лица мн.ч.) и общее полупредикативное определение, кроме того, в предикате также представлены однородные компоненты, объединенные соединительными отношениями. Таким образом, налицо тождество смысла (представим это как тезис антиномии).

Но уже в следующем предложении обнаруживается разграничение значений рассматриваемых терминов: они становятся субъектами различных предикатов (также данных в тезисе как контекстуальные синонимы, объединенные близостью значения), которые определяют принципиально различное понимание терминов СЛОВО и ИМЯ. Так, «имя» соотносится с предметной областью в слове, характеризуя его денотативную соотнесенность, объективную стихию, «слово» же отражает сигнификативный аспект, связанный в большей степени с субъективной стороной языкового знака. Кроме того, наряду с нормативной сочетаемостью анализируемых слов («имя вещи») можно отметить и индивидуально-авторскую синтагматику («слово вещи»), отражающую специфику лосевского понимания слова как полиморфного образования, «орудия общения с предметами и арены интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью», «арены борьбы» субъектной и объектной стихий. [10] Так Лосев формулирует антитезис антиномии.

И, наконец, следующий этап рассуждения является диалектическим снятием антиномии, она разрешается новым объединением понятий на следующем витке смысловой спирали и рождением нового тождества: ИМЯ и СЛОВО вновь выступают как однородные субъекты, объединенные общим предикатом, в значении которого объединены все противопоставленные на предыдущем этапе рассуждения аспекты. Предикативные признаки «выраженная» и «понятая», специфику которых мы охарактеризовали выше, объединяются признаком «разумеваемая», в котором соединяются субъективное и объективное, денотативное и сигнификативное, сливаются материальное и «иное» и из которого выводится Лосевым закон тождества «знания и бытия».

В анализируемом отрывке, как и в работе «Философия языка» в целом, существенная смысловая нагрузка при формировании аргументации ложится на синтаксис. С одной стороны, на этот факт обращает внимания сам автор, характеризуя в предисловии свой метод исследования, с другой — такая особенность философской аргументации вообще характерна для философской полемики начала XX века, как утверждают современные исследователи: «... различие философской аргументации формально-структурное, и оно связано с синтаксисом философского языка». [11]

На этой специфической особенности анализируемых лосевских построений акцентирует внимание и В.И. Постовалова в послесловии к одному из изданий работы А.Ф.Лосева: «И если в других лосевских книгах подобная смысловая концентрированность и синтаксическая напряженность встречаются обычно лишь в формулах-аккордах, завершающих отдельные фрагменты рассуждений, то в «Философии

имени» таков весь текст. Вся эта книга — одна огромная развертывающаяся самодвижная формула-мысль». [12] Указанная особенность свидетельствует о поразительной гармоничности формы и содержания творения А.Ф.Лосева, которой характеризуются, пожалуй, лишь высочайшие образцы художественной литературы: объект и средство изображения и анализа едины, перетекают друг в друга, ибо СЛОВОМ все начинается и им же заканчивается: «И нет границ имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы... Имя победило мир». [13]

Хотелось бы акцентировать внимание на еще одной особенности индивидуальной языковой системы А.Ф.Лосева, отражающей специфику его мышления и философствования, — метафорическое использование лексики, в частности слов с пространственным значением для характеристики сущностных свойств слова: Лосев неоднократно использует для определения сущности слова и его «структурных элементов» (в лосевском понимании) лексему «арена», в том числе и в приведенной нами выше цитате. Как подчеркивает В.И.Постовалова в послесловии к цитируемому нами изданию, «своего открытия ждет не только «концептуальный мир» Лосева («духовный космос» Лосева), но и его «эстетический мир» («художественная вселенная» Лосева). [14] Мы совершенно солидарны с уважаемым автором послесловия и в том, что эти «миры» неразрывно связаны и в идеале должны рассматриваться в диалектическом единстве и взаимопроникновении, к чему мы, и стремимся в своей работе.

Итак, слово «арена» функционирует в тексте Лосева обычно в качестве предиката-сказуемого к подлежащему, представленному словами «имя», «слово», «идея», «ноэма», репрезентирующими либо объект описания в концепции Лосева в целом, либо его слои, уровни, «структурные элементы»: «Идея — арена формирования смысла в слове», «Имя предмета — арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого». Другой вариант — функционирование данной лексики в качестве полупредикативного определения предмета (в грамматическом смысле), обозначающего, по Лосеву, один из компонентов структуры слова: «... ноэма есть результат некоего более внутреннего слоя, являющегося ареной для взаимо-определения (авторское написание — Н.Я.) предметной сущности и чего-то иного...». [15]

По всей вероятности, такая специфика словоупотребления связана с содержательным аспектом и отражает сущность лосевской философии языка. Пользуясь терминологией Лосева, в «ноэтической семеме» слова «арена» ведущая роль принадлежит семантическому компоненту «топос», пространственные же отношения для СЛОВА как микрокосма и макрокосма, по мысли Лосева, чрезвычайно важны: пространственные отношения «внутри», «вне», «локализация», «в — из», «внизу», «выше» и т.д., пронизывающие выстраиваемую Лосевым систему СЛОВА, позволяют создать многомерную реальность, мир, объемный и живой, представить «мир как слово», а слово как мир. Кроме того, существенно, что эйдос «арена» содержит эйдетические моменты «открытый» и «зритель», которые отражают базовые категории философии имени Лосева «отношение», «явленное», «воспринимаемое».

Важнейшей особенностью формирования Лосевым философии имени и, на наш взгляд, ее ценностью является вовлечение в орбиту его специфических построений практически всех существующих традиционных понятий и категорий, характеризующих слово и язык, и определение их места и положения в вновь выстраиваемой системе: фонема, семема, морф; символ; субъект, предикат; понятие, суждение, умозаключение; грамматика, риторика, стилистика и др. Специфические же категории лосевской философии языка: эйдос, меон, ноэма, энергема, софийность, ин-

теллигенция и др. — раскрываются в последовательных диалектических построениях, носящих, по нашему мнению, спиралевидный характер, наполняются все новым смыслом и обрастают бесконечным множеством связей, обеспечивая «всеединство» объекта, метода его раскрытия и бытия в микро- и макром мире.

Подводя итог сопоставлению двух концепций философии языка, созданных в рамках метафизики всеединства П.А.Флоренским и А.Ф.Лосевым, можно констатировать, что их сходство обусловлено прежде всего единством методологического фундамента, каковым является философия всеединства, и проявляется в постановке сходных задач (вскрыть сущность языка в его связи с мышлением, установить характер соотношения «слово — мир», «язык — наука» и др.), применении диалектического метода, антиномичности мышления, понимании языка как онтологической реальности. Различия же связаны в первую очередь с особенностями индивидуального сознания и научной базы философов: — более лингвистичным и всеобъемлющим пониманием языка у Лосева и более философским и образно-обобщенным — у Флоренского.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шапошников Л.Е., Федоров А.А. История русской религиозной философии. М.: ВШ. 2006
2. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. — СПб.: «Искусство — СПб», 2002. С.210
3. Лосев А.Ф. Философия имени. // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: «Правда». 1990. С.13
4. Лосев А.Ф. Философия имени. — М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990. С.20
5. Там же. С. 217
6. Там же. С.20
7. Там же. С. 69
8. Там же. С.71
9. Там же. С. 59
10. Там же. С. 49
11. Бажанов В.А., Баранец Н.Г. Полемика о способах аргументации и философском доказательстве на рубеже XX-XXI вв. // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып.18. СПб., 2007. С.230-241
12. Лосев А.Ф. Философия имени. — М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990. С.20. и С. 254
13. Там же. С. 166
14. Там же. С. 253
15. Там же. С. 49-51

Аннотация: Статья посвящена анализу концепции философии языка А.Ф.Лосева в сопоставлении с идеями философии слова П.А.Флоренского с целью выявления, с одной стороны, специфики каждого учения, с другой — общего, инвариантного, что коренится в философии всеединства как фундаменте создания целостных концепций мироздания и его отдельных элементов, в частности такого сложнейшего феномена, как человеческий язык. Кроме того, особое внимание в данном материале уделено выявлению специфики языка самого А.Ф.Лосева как средству выражения картины мира личности.

Annotation: This article is devoted to an analysis of A.F. Losev's conception of word philosophy. It is compared with P.A. Florensky's ideas of word philosophy to define the specific nature of each of these philosophers' views and discover something common and invariant in all-unity philosophy as the basis for creating the integrated conceptions of the universe and its separate elements, for example, such a complicated phenomenon as human language. Besides, the author tries to discover the specific nature of A.F. Losev's language as a means of expressing personal vision of the world.

РАЗДЕЛ 3.
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

Будин А.А.,
*Московский государственный областной университет,
аспирант кафедры социальных наук и государственного управления*

СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ЕЕ БЕЗОПАСНОСТЬ

В современной России по-прежнему наблюдаются процессы межэтнических конфликтов, разгорающихся под влиянием объективных и субъективных причин, в том числе, не в последнюю очередь, как следствие действий политиков, представителей местных элит, средств массовой информации. Это приводит к международным отношениям крайней степени остроты, враждебности, перерастающим в затяжные вооруженные конфронтации. Наличие подобных противостояний может парализовать жизнедеятельность государства, нарушить его этнополитическую безопасность. Этнические проблемы стали принимать ожесточенный характер, оказывая, прямо или косвенно, негативное воздействие на внутренний климат и политические процессы, происходящие в России, угрожают ее целостности, политической и экономической стабильности, оказывают влияние на национальную безопасность государства.

Понимание причин конфликтов, их эволюции, поведения противоборствующих сторон облегчают возможности предупреждения и контролирования конфликтов. Знание о том, к каким последствиям может привести политическая игра на этнических противоречиях, или же игнорирование объективных факторов, важно как в плане выработки концепции этнической безопасности России, учитывающей многообразие “мира наций”, так и для минимизации воздействия сепаратизма, религиозного экстремизма и порождаемых ими конфликтов. В связи с данным обстоятельством необходим упор на исследование специфики влияния этнополитического устройства России на ее национальную безопасность для выявления факторов, определяющие динамику развития полиэтнических государств, а изучение истоков, генезиса и динамики межрелигиозных и этнополитических основ устройства государства помогает отыскать оптимальные средства для урегулирования и разрешения опасностей и поддержания стабильной безопасности государства. В этой же связи одним из важнейших факторов изучения данной проблематики стал анализ этнополитического устройства России с учетом степени и масштабов воздействия на нее этнополитического фактора. Специфика этого влияния представляется здесь важным и актуальным.

Актуальность исследования специфики влияния этнополитического устройства России на ее безопасность обусловлено рядом причин. Основными из них являются:

- резкое обострение социальной и этнической активности, связанное со сложом тоталитарной системы социального контроля, а также произошедший переход к демократической системе общественных отношений;
- объективная необходимость поставить нарастающей в обществе социальной и этнополитической активности определенные ограничительные рамки, найдя для этого подходящие способы и средства;
- в условиях переходного периода эскалация этнополитических конфликтов

проявляется с особенной остротой; рост же этих конфликтов в России приобретает такой уровень и размах, что подводит к критической черте, делая реально возможной социальную катастрофу с такими характерными чертами, как потеря управляемости, распад основных государственных и общественных структур, моральная и культурная деградация, разрушение этнополитической безопасности;

- сложившаяся социальная ситуация в России требует подойти к рассмотрению этнополитического устройства как к неизбежному и неустранимому фактору становления новой общественной системы, способу укоренения новых взаимоотношений между его обособляющимися частями и формирования демократических норм гражданского общества в сфере национальных взаимодействий;

- для эффективного социально-политического анализа этнополитического устройства России следует выявить тот факт, что конфликтная ситуация в современных этнополитических противостояниях формируется целым комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов: экономических, политико-правовых, идеологических и социокультурных.

- в России в начале 90-х годов нечетко просматривалась национальная политика федеральной власти, опирающаяся на обоснованные приоритеты осуществления и развития национальных отношений. Это будоражило этносы, толкало их на самостоятельное решение вопросов национального самоопределения. Этнополитические конфликты в России связаны и с построением федеративных отношений, в которых множество противоречий, вытекающих из различия подхода к суверенитету.

На первый план в исследовании выдвигается осмысление этнополитического устройства России и степени влияния, которое оно оказывает на этнополитические конфликты и безопасность в целом. Это обстоятельство ставит целый ряд исследовательских задач:

- осмысление и анализ исторических предпосылок формирования этнополитического устройства России в комплексном применении к политическим реалиям сегодняшней России;
- обоснование влияния этнополитического политического и социального устройства государства на становление, развитие, урегулирование этнополитической безопасности;
- исследование качественно новой специфики влияния этнополитического устройства России на национальную безопасность.

Итак, приступая к рассмотрению поставленных задач необходимо, прежде всего, осмыслить исторические предпосылки формирования этнополитического устройства, его отличительные черты и степень влияния на этнополитическую безопасность.

Исторически наше государство складывалось в процессе объединения удельных княжеств, потом в результате колонизации новых территорий. Хотя в составе Российской империи Польша и Финляндия обладали определенной автономией, а на территориях, населенным нерусским населением, власти опирались на традиционное право, в целом российское государство носило централизованный характер. В Советском Союзе были закреплены, по конституции, федеративные отношения между субъектами.

На 1 октября 2007 года Россия обладает усложненным политико-территориальным разграничением: 85 субъектов разнородны по территории, природным условиям, численности и составу населения, уровню развития экономики и культуры — 21 республика, 8 краев и 47 областей, 1 автономная область и 6 автономных окру-

гов, Москва и Санкт - Петербург.

Наша модель федерализма включает в себя два различных принципа:

- 49 субъектов Федерации выделены по территориальному признаку;
- 36 субъектов Федерации — по национальному признаку.

Большое количество образований обеспечивает определенный характер неустойчивости административно-территориальных границ в связи с тем, что большинство разграничений устанавливались произвольно и не раз пересматривались. Происходило разделение ареалов проживания этносов, обширные земли в приказном порядке переходили в ведение новых областей. Нередко это сопровождалось перемещением крупных групп людей в несвойственное им социокультурное пространство. Подобное явление происходило, например, в Поволжье и на Северном Кавказе в связи с депортацией и реабилитацией ряда этносов.

Советский федерализм носил чисто формальный характер. Тем не менее он был прогрессивен по сравнению с дореволюционной Россией. Народы получили возможность самоуправления, пусть и ограниченного. На местах у национальных кадров были определенные преимущества, складывалась собственная интеллигенция.

Полноценный федерализм в нашей стране нуждается в развитом гражданском обществе и политической культуре населения. В России продолжает оставаться влияние советского наследия, происходит складывание среднего класса, недостаточно развита система различных объединений, малый опыт сбалансированных федеративных отношений и системы местного самоуправления. В связи с данными обстоятельствами, для понимания специфики влияния этнополитического устройства России на ее национальную безопасность необходимо рассмотреть предпосылки формирования современной концепции территориально-этнического устройства нашего государства. Углубляясь в данную проблему надо, прежде всего, обратить внимание на следующие основополагающие данные.

В становлении Российской Федерации фундаментальное значение принял Федеративный закон 1991 года. Он сыграл определяющую роль в становлении этнополитического устройства страны и наметил современную федеративную природу. Произошло юридическое закрепление разновидностей субъектов федерации, построенных по смешанному — этническому и территориальному принципу, равноправие всех субъектов федерации. Договор зафиксировал равные обязанности в социальной, экономической, культурной областях всех субъектов, единый стандарт прав и свобод гражданина. Впоследствии все постулаты договора вошли в Конституцию, однако не учтенными оказались некоторые положения, например, проблема паритета в Федеральном собрании РФ республик и автономий с краями и областями, а также отражение национального устройства (1). Это прослеживается при обзоре статей главного закона страны:

- в статье 3 фигурирует выражение «многонациональный народ»;
- статья 5 говорит о «равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации», устройство государства основано на целостности и единстве власти;
- статья 11 гласит, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и ее субъектами осуществляется Конституцией;
- статья 69 говорит о правах «коренных малочисленных народов»;
- статья 72 описывает вопросы совместной деятельности центра и субъектов (2).

Конституция подтверждает право народов России на сохранение родного языка, обеспечивает регулирование и защиту прав национальных меньшинств. Закрепленные положения — обязательства государства перед своими гражданами,

главенствующими в политике российской власти. Без этого невозможна стабильная внутренняя этнополитическая безопасность.

Стоит вспомнить и о концепции государственной национальной политики Российской Федерации, разработанной еще в 1996г. Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям, движением «Сотрудничество народов во имя жизни (Сенежский форум)» и Институтом этнологии и антропологии РАН. В этом документе говорится о приоритетах России в области межнациональных отношений и вопросах координации законотворческой деятельности на всех уровнях. При этом констатируется, что в качестве субъектов национальной политики не выделены этнические группы, нуждающиеся в специальных мерах государственной защиты — национальные меньшинства. Отсюда, в результате, только усиливаются проблемы, связанные с этнополитической безопасностью.

Концепция государственного национального устройства ставит ряд конкретных программ — задач:

- создание правовой базы для регулирования федеративных и национальных отношений;
- выработка четких правовых, организационных и материальных условий, способствующих удовлетворению интересов народов;
- разрешение возможных споров и конфликтов между субъектами федерации и Центром;
- решение социально — экономических проблем развития субъектов (3).

На государственном уровне федеративная форма устройства нашей страны практически не ставится под сомнение. Это обстоятельство сыграло стабилизирующую роль. Вплоть до обнародования весной 2000г. президентских предложений по реформе федеративного устройства России сама «федеративность» этого устройства принималась как его единственно мыслимая форма (4).

Но национально — государственное устройство России сегодня вызывает споры на «тему» своего окончательного формирования. Наиболее преобладающими являются две противоположные позиции.

Первая отражает мнение о стране — федерации, с основой признания государственности национальных образований. Современная Россия рождалась как федерация национальных республик, народы которых свободны в своем самоопределении, таковой она должна и оставаться. Неясно одно в этой системе — форма государственного самоопределения русского народа. Оппоненты этой точки зрения полагают, что развитие федерации немыслимо без расширения бюджетных и иных прав краев и областей с преимущественно русским населением.

Представители второй точки зрения говорят, что наша страна исконно является унитарным государством, ее территориальное устройство должно опираться на географические и экономические особенности, а на второй план ставить исторические и национальные моменты. Федерализм в качестве объединяющего начала не может успешно конкурировать с центробежными силами, имеющим место в настоящее время и, несомненно, угрожающим целостности страны и ее этнополитической безопасности в первую очередь. Как государственная доктрина федерализм вновь разделяет страну на удельные княжества, ведет к росту этнократических настроений, противопоставляет местные элиты центральной власти. Ни «федерация территорий», населенных людьми, близкими друг другу по своим этническим корням, ни тем более «федерация народов», различающихся по вере, языку и культуре, не обладают достаточной степенью прочности и при неблагоприятных обстоятель-

ствах рассыпаются.

Спорным является, с этой точки зрения, намерение превратить в субъекты федерации исконно русские земли, сделать Россию подобием «федераций земель». Результатом может стать лишь возрождение феодальной раздробленности и потерей общегосударственного политического суверенитета. Поэтому необходимо продолжить осуществление радикальной административной реформы, иначе неизбежен процесс социально — экономической трансформации, наталкивающийся на неразрешенность проблем государственно-территориального устройства. Ресурсы страны пойдут на поддержание этнополитической безопасности и урегулирование конфликтных ситуаций. Необходимо продолжить уменьшение числа субъектов федерации, стремясь к их примерному равенству в социально-экономическом плане. Важно принимать во внимание национальный фактор при устройстве границ. Строить унитарное государство при широкой национальной автономии (5).

В основе унитаристских концепций национальной политики лежат как монархическо-националистические, так и внешне-демократические позиции. Первые выступают за замену национально-государственного деления административно-территориальным. По мнению некоторых из них, русские перестали быть собственно этносом, а «переросли» в надэтнический конгломерат и составляют государствообразующую основу России. Например, Ю.Кузнецов представляет следующие, по его оценке, — «основополагающие принципы»:

1. «Русская нация — это сплав великороссов, малороссов и белорусов, имеющих историческое право на воссоздание единой русской державы с единой территорией проживания.

2. Политическая власть в России должна принадлежать русской нации — это аксиома, и пусть кто-нибудь докажет обратное» (6).

Вторые, опасаясь дезинтеграции России в результате «суверенизации» и нарастания сепаратизма и принимая некоторые аргументы первых об искусственности национально-государственного деления России, предлагают перейти к исключительно административно-территориальному делению страны на земли, волости, области и т.п. Этнонациональные же права и интересы можно реализовывать, по их мнению, через национально-культурную автономию. В отличие от сторонников федералистских концепций национальной политики, приверженцы унитаристских концепций отвергают этническую государственность внутри России и лежащее в ее основе «большевистское право наций на самоопределение», понимаемое фактически как самоопределение «коренной нации» (7).

Как указывает С. Каспэ (8), следует принимать во внимание, что федерализм как принцип организации российского политического пространства не имеет под собой прочного исторического основания. Проблематично не только территориально устройство, но и республиканская форма правления, и фундаментальные основы нынешнего правового уклада страны. Правовой уклад современной России — совокупный продукт разнородных обстоятельств, а также произвола различного рода властей. Если даже республиканская форма правления, которая была утверждена в России 1 сентября 1917г. актом Временного правительства, оказывается с последовательно юридической точки зрения фиктивной, то российский федерализм фиктивен вдвойне.

Федерализм появился в России лишь с установлением власти большевиков и только как ее эпифеномен. Территориальный подход возобладал потому, что адекватной была задача сохранения максимального объема власти на максималь-

ном пространстве (9). Принятая в качестве «политического понятия», отвечающего текущим задачам государства, федерация мыслилась как временное состояние тогдашней власти. Главное отклонение советского государственного устройства от федеративной модели заключалось в том, что вся институционально-нормативная конституция, за которой закрепились наименования федерации, скрывала реальный властный механизм — партийные структуры, никогда, разумеется, не являвшиеся федеративными.

Э. Карр вынужден был признать «нереальность конституционных форм при советской системе правления» (10) — делающую всякое обсуждение этой системы правления, в том числе и ее этнотерриториального измерения, невозможным. После распада СССР фикция федерализма была принята за объективную данность и стала наполняться действительным содержанием. Произошло это потому, что «пустая форма» федерализма была воспринята как готовый институциональный «дизайн», способный обеспечить плавный переход России в новое агрегатное состояние. На Россию естественно был перенесен опыт СССР, в процессе распада которого удалось избежать наихудшего варианта — низвержения всего постсоветского пространства в состояние хаоса. Но эффективный механизм ликвидации одного государства вряд ли может служить столь же эффективным средством строительства нового.

Фиктивная природа «федеративных» форм не была принята во внимание. Россия ни в один период своей истории не являлась федерацией. Этот факт, казалось бы, очевиден, однако логически обусловленные им препятствия на пути к федерализму подлинному в полном объеме осознаются очень редко. Среди исключений — работы А. Зубова, полагающего, что «судьба Советского союза должна постигнуть и российский федерализм, столь же искусственный и инородный для нашего государственного организма» (11). Это, конечно, крайняя позиция. Признание инородности федерализма по отношению к российским традициям необязательно должно приводить к радикальным выводам.

Наконец, есть и еще одно, может быть, наиболее фундаментальное препятствие успешной федерализации. Выражение «субъекты Федерации» вошло в политический и научный лексикон, не сопровождаясь критическим осмыслением. Действительно, условием жизнестойкости федеративного строя является наличие у него автономных субъектов, способных к свободному самоопределению и действию. Там, где части государства не наделены в рамках национальной традиции более или менее ярко выраженной субъективностью, федерации просто не возникают (12).

Говоря о специфике влияния этнополитического устройства России на ее национальную безопасность, не следует забывать, что народы России и можно, и надо рассматривать не только как отдельные этносы, но и как многонациональный российский народ, со всеми присущими ему признаками общности экономической и политической жизни, культуры и быта, традиций и обычаев.

Каким бы противоречивым не был исторический процесс становления России, он сделал нас людьми, достаточно близкими по своим духовно-нравственным ориентациям, гражданами единого Отечества. Преступления и невежество разного рода «вождей» не смогли остановить историческое единение народов России. Данное обстоятельство оказывает несомненное влияние на этнополитическую безопасность, ставя ее обеспечение государством в ранг первостепенных задач.

Не следует забывать и о том факторе и факте, что многие из национальных меньшинств выжили благодаря защите России как федерального центра (13). Российская Федерация является одним из крупнейших в мире многонациональных

государств, в котором проживает около 150 народностей. Каждый из этих этносов обладает своей спецификой — по численности, социально-профессиональной структуре, языку, особенностям материальной и духовной культуры. Характерной особенностью этнополитического устройства России является то, что границы расселения народов, как правило, не совпадают с границами определенных республик, краев и т.п. На численность и характер расселения национальностей в различных регионах постоянное воздействие оказывает интенсивность миграционных процессов. Преобладающее большинство народов страны складывались как этнические общности веками.

Отсюда их историческая роль в формировании российской государственности и притязания на самостоятельные национально-территориальные образования. И все же, хотя российская государственность складывалась столетиями, многие ее современные черты и проблемы являются продуктом недавней восьмидесятилетней истории. Именно революция 1917 года привела к созданию федеративного государства, с образованием сначала РСФСР, а затем и СССР. Иерархическая четырехуровневая структура этой федерации, наделение тех или иных этносов, причем далеко не всех, одним из видов субъектов Федерации и определение их границ носили во многом волюнтаристско-конъюнктурный характер. Ситуация усугублялась такими чертами советской национальной политики, как массовые репрессии и депортации ряда народов.

Заложенные в этой политике и в советской модели федерации потенциальные этнонациональные конфликты сдерживались до тех пор, пока действовала жестко централизованная реальная структура власти. Начавшаяся под воздействием реформы сверху — «перестройки» эрозия однопартийной политико-государственной системы управления и лежавшей в ее основе идеологии в сочетании с рядом субъективных факторов в конечном итоге привели к распаду советской федерации (14). Процессы, происходившие в данный период оказали влияние на формирование этнополитического устройства, являясь еще одной специфической чертой этнополитического bezpieczeństwa России.

Автономная субъектность составляющих регионов России, по меньшей мере, сомнительна. Нет даже полной ясности относительно их количества — объективно, а не произвольно установленного. Зафиксированные сейчас 85 субъектов не имеют основания даже в советской эпохе — в РСФСР насчитывалась 71 территориальная единица первого ранга (края, области, автономные республики) и 15 единиц второго ранга (автономные области и округа) (15). Образование семи федеральных округов можно рассматривать как выражение еще одной точки зрения на этот вопрос. Но отечественная традиция попросту не знает такой субъектной автономии — ни территориальной, ни какой-либо другой. При этом происходит рождение принципиально иной, автономной субъективности, основанной на процессе политизации этничности. Но эти явления затрагивают лишь некоторые меньшинства; и если ими и стимулируется формирование дифференцированной идентичности, то скорее сегментарной, чем региональной — территориальные маркеры идентичности остаются вторичными. Этническая мобилизация в ее настоящем виде работает не на укрепление федерации, а, напротив, на последующую проблематизацию. А.Г. Здравомыслов указывает, что радикальная этническая мобилизация охватывает лишь от 7% до 17% российского населения, и основная масса населения остается ею почти незатронутой (16). Сказанное противоречит ставшему общим местом представлению о регионализации как об одном из базовых направлений эволюции постсоветской

политики: «государство перемещается в провинцию», «регионализация политического пространства будет определять лицо отечественного политического процесса в обозримом будущем» (18). Действительно, в середине и второй половине 1990-х гг. региональные элиты оттянули от федерального центра и сконцентрировали значительный политический капитал, но массовой поддержки, способной превратить ситуативные колебания баланса сил в устойчивую парадигму, эта изначально элитарная политическая линия так и не нашла. Региональная идентичность остается в России размытой, ослабленной, значительно уступая по своей выраженности идентификации граждан со страной в целом.

Показательны цифры, приводимые в работе В.Рукавишникова, Л. Халмана, П. Эстера: с локальными сообществами — городом, местностью ассоциируют себя 17% взрослого населения России, столько же — с регионом, с Россией же — 49% (19). Для граждан России первичной социальной реальностью является не локальное сообщество и не регион, а государство в целом. Противоположную точку зрения выдвинул Р. Туровский, утверждая, что «региональный патриотизм все больше проникает в массы» (20). Однако в этом утверждении можно усомниться вследствие недостаточной регионализации российского политического процесса, затрагивающего лишь небольшой элитный слой. Благодаря данному фактору произошло восстановление властного потенциала Кремля по отношению к региональным лидерам, «завоевавших» свой суверенитет в прежние годы.

Единственным эмитентом политического капитала в России был и остается Кремль, приступивший в 2000г. к конфискации той части этого капитала, которая ранее оказалась, с молчаливого согласия верховной власти, распределена между локальными элитами. Такой взгляд подтверждается и тем, что, например, принципиально важное решение Конституционного суда 7 июня 2000г., которым были упразднены положения конституции Республики Алтай, устанавливающие ее суверенитет: «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации», не вызвало какой-либо реакции (21).

Неограниченность российского федерализма, отсутствие у него сколько-нибудь прочного фундамента не означают фатальной его обреченности. Если бы новая социальная и политическая реальность вообще не могла возникнуть посредством волюнтаристского акта, то было бы невозможно и утверждение демократии в Японии или Индии, возникновение светского государства в Турции. Сделанный в пользу федерализации ситуативный выбор может стать действительно необратимым. И основания считать этот вариант развития событий оптимальным является важным для всей российской политической системы. Не следует считать, что существующая форма федерации способна вынести серьезные потрясения. Государство, хотя и продвинулось на пути своего преобразования к федерации, но пока ею не стало — федерация остается проблемой, а не данностью (22).

Существует унаследованный от прошлого парадокс федеративного государственного устройства России, состоящий в том, что собственно русские, составляющие 83% населения, юридически не имеют своей государственности. Некоторые ученые и политики выдвинули концепцию создания «Русской республики» в составе многонациональной России. В нее, по их представлениям, должны войти края, области, а также Москва и Санкт - Петербург. Эта идея отвергается подавляющим большинством экспертов, так как ее реализация спровоцирует дальнейшую дезин-

теграцию России. Ибо русские составляют свыше 50 процентов жителей в 16 из 21 республик, в единственной автономной области, а также в большинстве автономных округов. В совокупности «коренные» этносы составляют лишь треть населения республик РФ (23). Из 21 республики Российской Федерации только в шести народы, давшие название республике, имеют большинство, а во всех остальных преобладают русские. Это требует многовариантной модели исправления национальной политики.

Для России характерно дисперсное проживание многих национальностей. Например, немало башкир живет в Челябинской, Пермской, Курганской и других областях, в ряде республик. В нашей стране практически нет однонациональных регионов, а коэффициент многонациональности очень разный, что объективно предполагает и различный подход к решению проблем в сфере национальных отношений (24). Национальных меньшинств России так много, что учесть все их ареалы вряд ли возможно. При этом критерии «заметного» меньшинства значительного разнятся. Для России берется до 100 тысяч человек, за исключением редконаселенного Крайнего Севера, где малочисленные коренные народы играют важную роль в поддержании экологического равновесия (25).

Учитывая то, что не все этносы имеют свои территориальные автономии и обеспечить существование их для каждого этноса невозможно, а также то, что в Российской Федерации сегодня из 32 этнизированных субъекта Федерации только в 6 преобладает коренное население, вполне закономерен вопрос о том, насколько вообще справедливо такое устройство. Получается, если некий этнос приобрел государственность и пользуется всеми возможностями, то остальные проживающие на этой же территории национальности находятся в ущемленном положении.

Да, национальность, конечно, — не единственный признак ущемления прав человека в этнизированных республиках, в качестве примера можно упомянуть «иноверцев». Не имеет большого смысла подсчитывать, насколько уменьшилось число «инородцев» в этнизированных субъектах Российской Федерации за последние годы реформ, так как ситуацию можно повернуть и противоположным образом, то есть начать говорить о возрождении той или иной нации. Да дело и не в конкретных цифрах. По заявлению В. Бочкарева: — «Нам всем пришлось время осознать, что там, где публично от имени государства правят религиозные фундаменталисты, националисты, расисты или сторонники классового подхода, «иным» делать нечего. «Иные» тут «естественно» обречены на геноцид. А «иными» в многонациональном государстве могут быть все... (26)»

Российская Федерация унаследовала от советского прошлого искаженную модель федерализма: она иерархична и ассиметрична, построена на причудливой смеси этнонационального и конституционного принципов, часть субъектов федерации входит в состав других субъектов. Это «наследие» усугублено действующей Конституцией РФ. Возьмем, например, статью 5 Конституции. В первом ее пункте провозглашается равноправие всех субъектов. Во втором же пункте только республики объявляются государствами, с предоставлением права иметь свои конституции. Остальные субъекты РФ могут иметь лишь уставы. Более того, в части 4 этой же статьи объявляется, что субъекты равны лишь «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти (27)».

В период «парада суверенитетов» элиты титульных наций смогли в принятых конституциях, в нарушение федеральной конституции, закрепить особые права за своими этносами. Официальное подтверждение части данных прав между феде-

ральными властями и властями республик вело к ускоряющемуся развалу Федерации; уже потому, что в ответ на это территориальные субъекты Федерации также стали добиваться расширения своих полномочий. Федеральный центр постепенно уступал давлению наиболее влиятельных из них. Затем этот процесс стал распространяться и на другие субъекты Федерации, превратившись в предмет торга между федеральными и региональными властями.

Заключаемые между ними договоры инициировали двойственный процесс: во-первых, постепенного, хотя и избирательного, уравнивания прав национально-государственных и административно-территориальных субъектов Федерации; во-вторых, создания нового неравенства за счет предоставления административно-территориальным субъектам преимуществ, с которыми заключены договоры о дополнительных правах и привилегиях.

Вместе с тем, по мнению сторонников децентрализованного федерализма, Россия так и не стала подлинной федерацией, оставаясь, по существу, скорее унитарным государством. Особого внимания заслуживает позиция тех, кто настаивает на деэтнизации государственности и деэтнизации личности, стремясь перейти к территориальному федерализму. Они выступают против полной «разэтнизации» федеративного устройства России.

Национально-культурная автономия выступает как дополняющая федеративное устройство страны форма национально-культурного самоопределения. Согласно 4 статье Федерального закона «О национально-культурной автономии» «право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение (28)». Иначе говоря, национально-культурная автономия не является государственной организацией национально-этнической общности и не предоставляет права на национально-государственное самоопределение. Данный закон отверг содержащуюся в одном из проектов возможность образования местных единиц национально-территориального самоуправления. Национально-культурная автономия, в соответствии со второй статьей этого закона, основывается на принципах свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии, уважения культуры и обычаям и т.п.

Национально-культурная автономия имеет право:

- получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления;
 - осуществлять развитие национального языка и национальной структуры;
 - создавать средства массовой информации в порядке, установленном законодательством РФ;
 - получать и распространять информацию на национальном языке;
 - сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям;
 - создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством РФ;
 - участвовать через своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций;
- и ряд других прав.

Организационные основы национально-культурной автономии определяются спецификой расселения граждан РФ, относящих себя к определенным этническим общностям, и уставами национально-культурных автономий. Данный Федеральный

закон отказался от более радикальной позиции, в соответствии с которой национально-культурная автономия должна быть формой национально-территориального самоуправления национальностей и национальных меньшинств. Недостатком здесь является то, что некоторые лидеры этнонациональной государственности усматривают в ней попытку демонтажа национальной государственности со стороны федерального центра. Но есть и несомненные достоинства, которые способствуют укреплению этнополитического устройства России, как главного фактора стабильной внутренней безопасности России, сохранение нашего отечества как динамично развивающегося, комфортного для проживания различных национальностей государством, с развитой системой этнополитической безопасности (29).

Становится ясно, что решающее значение в формировании стабильного политического и социального «климата» в нашем многонациональном государстве невозможно без глубокого и всестороннего исследования специфики влияния этнополитического устройства России на ее безопасность. Изложенный анализ исторических предпосылок формирования современного устройства России, рассмотрение Конституции РФ, исследование понятия «федерация» раскрывает многие факторы, необходимые для понимания этнополитической безопасности. Без четкого осмысления специфики влияния этнополитического и социального устройства государства невозможно поддержание стабильной национальной безопасности. Исходя из вышесказанного разрешение внутренних противоречий этническо-политического характера требует постоянного внимания и осмотрительности в связи со своей очевидной значимостью и актуальностью для современной России, ее безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. — М.: Славянский диалог. 2000., - С.16.
2. Конституция Российской Федерации. — М.: АСТ, Астрель. 2007., - 160 с.
3. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство. — М.: Славянский диалог. 2000., - С. 16-17.
4. Каспэ С.И. Конструировать федерацию - *Renovatio Imperi* как метод социальной инженерии.//Полис, 2000. - № 5., — С. 55.
5. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. — М.: Юстицинфонд. 2003., — 256 с.
6. Ю.Кузнецов. Россия в глобальном историческом процессе. — СПб.: Питер, 1994., — С.49.
7. Смирнов В. Этнические проблемы России в контексте современных мировых этнических процессов. \ \ Этническое измерение федерализма. — М.: Третье пленарное заседание. — 2004. - С. 15.
8. Каспэ С.И. Конструировать федерацию - *Renovatio Imperi* как метод социальной инженерии.//Полис 2000 - № 5, — С. 55-56.
9. Карр Э. История Советской России. Кн.1. Большевицкая революция. — М.: Харвест, 1990., — С.125.
10. Там же. С.128.
11. Зубов А.Б. Является ли федерализм наилучшей формой обеспечения прав и свобод граждан России? — Российский бюллетень по правам человека. — 1999. Вып. 12, - С.54.
12. Каспэ С.И. Конструировать федерацию - *Renovatio Imperi* как метод социальной инженерии.//Полис, 2000. - № 5, — С. 55-61.
13. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство. — М.: Славянский диалог. 2000., - С.12-13.
14. Смирнов В. Этнические проблемы России в контексте современных мировых этнических процессов. \ \ Этническое измерение федерализма. — М.: Третье пленарное заседание. — 2004., - С. 16.
15. Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. - М.: Госюриздат. - 1960., — 301с.
16. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М.: Аспект пресс. 1997., — С.156.
17. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идео-

- логии в современной России. — М.: Политиздат. 2000., — С.69.
18. Шестов Н.И. Выбор дискурса исследования регионального политического процесса. // Регион как субъект политики и общественных отношений. — М.: Легион. 2002., - С.116.
19. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. — М.: Лира, 2001., — С.282-283.
20. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России. // Российское общество: становление демократических ценностей? — М.: ИНФРА. 2002., — С.100.
21. Постановление Конституционного суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П. 2.1. — М.: Юридическая Россия. 2001., - С.18.
22. Каспэ С.И. Конструировать федерацию - *Renovatio Imperi* как метод социальной инженерии.// Полис - 2000 - № 5., — С. 58-61.
23. Смирнов В. Этнические проблемы России в контексте современных мировых этнических процессов. \\ Этническое измерение федерализма. — М.: Третье пленарное заседание. — 2004., - С. 16.
24. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство. — М.: Славянский диалог. 2000., - С.6.
25. Колосов В.А., Трейнин А.И. Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов// Полис, 1996. - № 2., — С.47.
26. Бочкарев В.К. Логика ущемления // Независимая газета. — 2000. — 22 марта.
27. Конституция Российской Федерации. — М.: АСТ, Астрель. 2007. - 160 с.
28. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74 вступил в силу с VI. 1996.
29. Авксентьев В. Этнические проблемы России в контексте современных мировых этнических процессов. \\ Этническое измерение федерализма. — М.: Третье пленарное заседание. — 2004. - С. 31.

Аннотация: Сегодня вопрос, касающийся специфики влияния этнополитического устройства России на ее безопасность приобрел важное значение. Поэтому автор в этой статье рассматривает некоторые аспекты, касающиеся исторических основ формирования этнополитического устройства нашего государства. Кроме того, автор остановился на рассмотрении нормативных актов, Конституции РФ, затронул вопросы, касающиеся понятия нашего государства как федерации, в контексте осмысления этнополитического устройства России, как неотъемлемой части ее безопасности.

Annotation: Today the question, concerning specificities of influence of an ethno-political system of Russia on its safety has got great value. Therefore the author in this clause considers some aspects, formations of an ethno-political system of our state concerning historical bases. Besides the author has stopped on consideration of statutory acts, the Constitution of the Russian Federation, has mentioned the questions, concerning concepts of our state as federations, in a context of judgement of an ethno-political system of Russia, as integral part of its safety.

Кашурников С.Н.,

соискатель ученой степени
по кафедре политологии и права МГОУ

НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

До недавнего времени было принято полагать, что система обеспечения национальной безопасности должна включать иерархически стройную структуру исполнительной власти, сдерживающую структуру законодательной власти, арбитражную структуру судебной власти, поскольку наличие и деятельность такой структуры рассматривались как ключевые условия достижения целей и реализации задач обеспечения национальной безопасности.

Однако при таком рассмотрении в качестве главного и, по сути, единственного, субъекта обеспечения безопасности страны выступает государство, что сужает сферу обеспечения национальной безопасности до сферы деятельности государства и его органов. С этой точки зрения и само понятие национальной безопасности, по сути, оказывается ограниченным понятием государственной безопасности. Автор полагает, что существующие сегодня, активно развивающиеся и успешно функционирующие структуры негосударственной безопасности также обладают субъектностью в обеспечении безопасности страны.

На наш взгляд, к числу оснований, позволяющих рассматривать негосударственную систему обеспечения безопасности страны в качестве субъекта обеспечения национальной безопасности, необходимо отнести следующие.

Во-первых, *негосударственные службы безопасности являются структурными элементами гражданского общества*, которые в качестве одной из основных функций воплощает в практику возникающие «внизу», в массах социальные инициативы и тем самым обеспечивает процесс саморегуляции внутри цивилизационной системы. Оно дополняет вертикальные властные отношения, утверждаемые государством, культивированием горизонтальных социальных связей, функционирующих на основе принципов саморегуляции. С одной стороны, самоуправляющиеся структуры и организации граждан не выходят за рамки норм права, источником которых является государство, с другой стороны, энергия и активность граждан не нуждается во вмешательствах государства, поскольку они (энергия и активность граждан) взаимополагаются ковенциальными цивилизованными отношениями продуктивной состоятельности и здоровой солидарности (1).

Если в сфере безопасности страны выделяется безопасность общества, личности и государства, то субъектность в обеспечении безопасности является некоторым образом «поделенной» между негосударственной и государственной системами безопасности, причем государство защищает от рисков и угроз общество и собственно государство, а негосударственные структуры – общество и личность. Интересы личности, в рамках этической традиции, являются не всегда приоритетными для государства, напротив, сама сущность функционирования гражданского общества состоит в защите интересов личности, причем как в ходе солидарной деятельности с государством, так и в противовес, вопреки государству.

Таким образом, в деятельности каждой из подсистем гражданского общества интересы личности оказываются приоритетными. Однако без блага личности не

может быть блага общества. В частности, нам близка позиция Бердяева, который верил, что «организация справедливого общества не есть цель, есть лишь средство для достойного существования человека», и что «личность есть граница власти природы» (2). В то же время, интересы личности и общества составляют содержание деятельности государства, поэтому между интересами государства и общества не может быть антиномии. Таким образом, негосударственная и государственная системы обеспечения безопасности страны составляют единую систему, в рамках которой существует разделение функций.

Причем именно структуры негосударственной системы безопасности создают и поддерживают внутреннюю сбалансированность всей системы. Государство и личность, вначале противопоставленные в своих интересах защиты безопасности, обретают, при наличии негосударственных систем безопасности, ценностную равновеликость. А это, в свою очередь, способствует активному протеканию процессов самоорганизации внутри всей социальной системы.

Само существование негосударственной системы обеспечения безопасности способствует тому, чтобы государство и личность относились к интересам, связанным с безопасностью друг друга, с равным взаимным уважением. Не поощряя ни этатистский произвол властей, ни правовой нигилизм индивидов, она активно способствует укреплению и стабилизации безопасности внутри цивилизационной системы. Взаимная требовательность (как этическая, так и правовая) и юридическая ответственность всех участников социального «триалога» — государства, личности и гражданского общества — сообщают социальной жизни чрезвычайно важное системное качество — цивилизованную безопасность. На высоких ступенях развития общества и государственная и негосударственная системы обеспечения безопасности выступают как две необходимые друг другу системы, участвующие в процессе обеспечения безопасности общественной жизни, то есть личности, общества и даже, в конечном счете, и государства.

Кроме того, сам факт существования негосударственной системы обеспечения безопасности страны позволяет говорить о наличии защиты от одной из самых серьезных и самых значимых внутренних политических угроз: замедления процессов демократизации общества. Значительный уровень коррупции, низкий уровень гражданской инициативы, разочарование в западных либеральных ценностях и т.д. — все эти факторы представляют серьезную внутреннюю политическую угрозу прогрессивному и поступательному развитию страны. Защита от этих угроз состоит не только и не столько в борьбе с коррупцией, организованной преступностью с оружием в руках, сколько в развитии гражданской инициативы, самой инфраструктуры гражданского общества. С этой точки зрения, негосударственная система обеспечения национальной безопасности выполняет организующую, консолидирующую, интегрирующую функции.

Создание негосударственных структур безопасности на почве общих материальных и духовных интересов позволяет обществу и личностям продвигаться по пути социального самоутверждения и защиты своей безопасности не за счет противопоставления себя другим личностям и государству, а через использование социальных связей, деловых, творческих, дружеских контактов с другими людьми. Взаимные добровольные конвенции делают возможной интеграцию усилий и более быстрое достижение целей обеспечения безопасности и личности, и общества, и государства.

Следует подчеркнуть, что деятельность негосударственных структур безопасности также способствует защите общества, личности, государства от таких внутрен-

них угроз, как безработица и вызываемая ею социальная напряженность. Согласно некоторым подсчетам, в 1991-1996гг. до 200тыс. человек ежегодно уходили из МВД, вливаясь в ряды частных охранников. Массовые сокращения Вооруженных Сил также привели в ряды частных охранников, по некоторым оценкам, до 500 тысяч офицеров. В результате, частная охранная и сыскная деятельность стала для многих не только бизнесом, но и, в каком-то смысле, продолжением службы, - наиболее естественной формой самосохранения и самоорганизации военно-служилого сословия, которое всегда составляло становой хребет России.

Люди, о которых многие думали, что они «умеют только убивать», организовались и вскоре вступили в бой с антиобщественными силами, прежде всего криминалом, для того, чтобы воплотить как раз те обещания, которые демократы давали, но выполнять не собирались: «свобода, собственность, безопасность». Благодаря тому, что были созданы крепкие, некриминальные структуры негосударственной безопасности, составленные в основном из ветеранов спецслужб и правоохранительных органов, бандитам не удалось затоптать первые ростки свободного предпринимательства, не удалось загнать всю рыночную экономику на «черный рынок» (3).

Во-вторых, негосударственные структуры безопасности являются структурными элементами общенациональной системы обеспечения безопасности страны, поскольку *само государство, сначала фактически, затем в форме законодательства возложило на негосударственные структуры безопасности как часть функций, так и часть полномочий, связанных с обеспечением безопасности личности и общества и защитой от внутренних угроз национальной безопасности*. Так, к концу 1990-х гг. в России сложилась негосударственная система защиты прав собственности, в которой государственная правоохранительная деятельность дополнилась (а во многом была заменена) тремя разновидностями коммерческих структур: частными охранными предприятиями, частными детективами и их объединениями и службами безопасности юридических лиц.

Частные детективные и охранные предприятия за годы, прошедшие со дня их возникновения, стали необходимой частью системы субъектов предупреждения преступности, которая представляет собой одну из самых существенных угроз внутренней безопасности страны. Частные детективные и охранные предприятия взаимодействуют с элементами государственной системы обеспечения безопасности, прежде всего, с правоохранительными органами, не подменяя их, но выполняя важные и нужные обществу функции. Они принимают действенное участие в осуществлении различных профилактических мероприятий, в общегосударственной программе по борьбе с наркоманией, в розыске и задержании особо опасных преступников, в предотвращении экологических правонарушений, в охране порядка во время проведения массовых мероприятий. Так, частные охранники привлекаются к участию в охране правопорядка практически на всех масштабных общественно значимых мероприятиях. В 2006 г. ими осуществлено около миллиона человеко-выходов, с участием работников охранно-сыскных структур раскрыто более 10 тыс. преступлений, задержано свыше 120 тыс. правонарушителей. Многие представители охранных структур поощрены руководством правоохранительных органов (4).

В-третьих, *в настоящий период развития российского общества в системе внутренней безопасности все больший удельный вес обретает экономическая безопасность, сущность которой заключается в обеспечении состояния защищенности экономических интересов личности, организации, общества, государства*. Развитие рыночных отношений привело к тому, что, с одной стороны, экономическая безопасность всех

функционирующих в обществе систем играет все более значительную роль в сфере безопасности страны, с другой стороны, негосударственные службы безопасности взяли на себя значительную часть функций по обеспечению экономической безопасности личности и предпринимательства.

Стабильный экономический рост, высокий уровень жизни, благополучие и экономическое процветание населения являются приоритетными национальными интересами в области экономической безопасности. В 90-е годы важнейшей угрозой экономической безопасности был системный экономический кризис, связанный с сокращением производства, инвестиционной и инновационной активности, разрушением научно-технического потенциала, расстройством товарно-денежной системы и другими негативными тенденциями. На том этапе формирование и функционирование негосударственных структур безопасности способствовало процессу либерализации экономики, сокращению ее теневого сектора, защите интересов частного сектора экономики. Эта деятельность в той или иной степени способствовала сокращению экономических угроз и созданию системы экономической защищенности личности и общества. В настоящее время деятельность структур негосударственной системы обеспечения национальной безопасности также во многом связана с реализацией задач защиты личности и общества от криминальных проявлений в сфере экономики.

Таким образом, *негосударственная система обеспечения национальной безопасности, все ее структурные элементы обладают субъектностью и входят в общенациональную систему обеспечения безопасности страны.* Она играет существенную роль в обеспечении защиты личности, общества и государства от социальных, политических, экономических угроз относительно внутренней безопасности страны. В политической сфере деятельность негосударственной системы обеспечения безопасности способствует защите от таких угроз как замедление процессов демократизации общества, коррумпированность государственного аппарата, низкий уровень гражданской инициативы, разочарование в западных либеральных ценностях, разъединение, атомизация, взаимоотчуждение граждан. В социальной сфере – в нейтрализации таких угроз как безработица, преступность, в экономической сфере – в противостоянии криминализации экономической деятельности и другим угрозам личности, предпринимательству как явлению и т.д.

В то же время, на внешнюю безопасность страны субъектность негосударственной системы обеспечения безопасности российского общества практически не распространяется, поскольку предотвращение и нейтрализация рисков и угроз, исходящих государству извне, является, с одной стороны, функцией, а с другой, монополией государства. Такого рода деятельность государства, очень тесно связана, прежде всего, с внешней политикой, а также с международными и межгосударственными отношениями, монопольное право на осуществление и установление которых является одним из атрибутивных свойств суверенной власти любого государства.

Негосударственная система обеспечения безопасности страны включает те же элементы, что и соответствующая государственная система. Под силами негосударственной системы обеспечения безопасности страны необходимо понимать те профессиональные группы людей и предприятия, возможности которых используются при осуществлении негосударственной охранной и сыскной деятельности. Средства негосударственной системы обеспечения национальной безопасности – это совокупность научно-технических, информационных и силовых систем, применяемых в целях обеспечения безопасности личности, предпринимательской деятельности

и самих сотрудников негосударственных охранных структур. Диапазон этих средств ограничен действующими нормативно-правовыми актами, но его составляют и некоторые виды оружия, специальные и технические средства.

Наряду с государственными органами безопасности, негосударственные структуры обеспечения безопасности вступают во взаимоотношения с элементами других подсистем, в частности, со всеми подсистемами гражданского общества (общественными объединениями граждан, оказывающими помощь правоохранительным органам, или, напротив, с преступной средой). Негосударственные службы обеспечения безопасности находятся между структурами государства и гражданского общества, являясь при этом частью двух систем: с одной стороны, системы обеспечения безопасности страны, наряду с государственными системами и органами, и системы гражданского общества, наряду с прочими элементами гражданского общества: негосударственными предприятиями, средствами массовой информации, добровольными объединениями граждан. Такое пограничное положение негосударственной системы обеспечения безопасности страны создает для элементов и структур этой системы сложный симбиоз возможностей, которые представляют собой потенциал, с одной стороны, для использования в интересах этих пограничных систем, с другой стороны, для реализации целей и задач обеспечения национальной безопасности.

Промежуточное положение системы обеспечения безопасности российского общества (между системами государства и гражданского общества) является выражением специфики негосударственной системы безопасности. Будучи автономной от государства, независимой и находящейся вне сферы политики, развивающейся и функционирующей по законам гражданского общества, в то же время, она не только взаимодействует с государственными структурами и подсистемами, но и зависит от политики государства. Существует ряд проблем, которые в настоящее время осложняют функционирование негосударственной системы обеспечения безопасности российского общества, затрудняя для каждого из структурных элементов (частных охранных предприятий, детективных агентств, каждого отдельного охранника и частного детектива и т.д.) и всей подсистемы в целом выполнение задач и достижение целей их деятельности, связанных с защитой личности и предпринимательской деятельности.

Основные проблемы, осложняющие функционирование и развитие негосударственной системы обеспечения безопасности, как исследователи, так и практики обычно объединяют в три группы: *правовые, организационные, экономические*. В общенациональном масштабе, на уровне единой системы обеспечения безопасности страны, наличие этих проблем приводит к тому, что нарушается функционирование всей единой системы в целом. В результате, и негосударственная подсистема, и вся единая система обеспечения безопасности не могут эффективно функционировать в соответствии с целями и задачами национальной безопасности.

Все проблемы функционирования и развития негосударственной системы обеспечения безопасности российского общества имеют общенациональную значимость и, в силу их сущности, масштаба и характера, могут и должны быть решены лишь субъектом государственной власти и на уровне государства, поскольку именно государство является субъектом осуществления политики обеспечения национальной безопасности.

Политика обеспечения безопасности — это деятельность социальных и институциональных субъектов по согласованию интересов личности, общества и го-

сударства и - на этой основе - использованию политической власти для предотвращения, нейтрализации и устранения последствий угроз обществу, личности и государству. Государство является важнейшим субъектом обеспечения безопасности: ему и принадлежит решающая роль в организации и проведении политики безопасности. Словом, негосударственные структуры безопасности как часть гражданского общества, *являясь субъектом обеспечения национальной безопасности, по отношению к политике государства в области безопасности выступают объектами.*

Властные полномочия государства, выраженные в политике по отношению к гражданскому обществу вообще (и по отношению к негосударственной системе обеспечения безопасности), реализуются не в форме управления, а в форме создания соответствующих условий благоприятствования для развития институтов и структур гражданского общества. Поэтому *и политика обеспечения безопасности по отношению к негосударственной системе безопасности выражается в создании тех условий (в рамках полномочий власти государства), которые должны способствовать целенаправленному и поступательному развитию негосударственной системы безопасности, а также ее взаимодействию с государственной системой безопасности.* И, таким образом, государственная политика, направленная на создание благоприятных условий для становления субъектности негосударственной системы обеспечения безопасности личности и структур гражданского общества, в конечном итоге формирует единую (общенациональную) систему обеспечения безопасности, включающей уже сегодня два системных компонента: государственную и негосударственную системы безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Автор опирался на существующие концепции гражданского общества и его взаимоотношений с государством, представленные как в монографических работах и статьях, так и в исследованиях диссертационного уровня. В их числе: Арата А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание, направление для дальнейших исследований // Полис. - 1995. - №3; Боднар А. Гражданское общество: проблемы интерпретации // Политология вчера и сегодня. - М.: АОН, 1991. - С.59; Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. - 1992. - №4; Гуськов Ю.В. Армия в системе отношений государства и гражданского общества: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. - М., 2005; Маркова С.А. Политическое самоопределение гражданского общества в постсоветской России: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - М., 2003; Нагаева С.К. Гражданское общество в политическом измерении: антропологический подход: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2002; Перфильев А.М. Гражданское общество как общественное явление: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - М., 2000; Степанова З.Ф. Проблемы отношений государства и гражданского общества в политическом учении Ш.Л. Монтескье: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2002; Фомина Е.Ю. Деятельность институтов гражданского общества по реализации государственной политики борьбы с наркоманией в молодежной среде: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2003; Харченко Л.И. Взаимодействие государства и гражданского общества в формировании национальной экологической политики Российской Федерации: Автореф. дис... канд. полит. наук. - М., 2002.
2. Бердяев А.Н. Судьба России // Российский следователь. - 2005. - № 5. - С. 237, 287.
3. См.: Прасолов В. Частная охрана и безопасность: История. Реальность. Перспективы. //www.psj.ru
4. См., в частности: Евланова О.А. Частная охранная деятельность в системе борьбы с преступностью России // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. - С. 214.

Аннотация: Развитие негосударственной системы обеспечения безопасности российского общества, начавшееся в период Перестройки, сегодня характеризуется такими масштабами и параметрами, которые позволяют сделать вывод, что негосударственные службы охраны и безопасности являются неотъемлемой частью

системы обеспечения безопасности российского общества. К этому тезису сегодня апеллируют многие практики в области безопасности, но он не является в полной мере обоснованным и отрефлексированным в теории, в стройной методологии философских наук. Соответственно, при написании статьи автор руководствовался целью рассмотреть негосударственную систему обеспечения безопасности российского общества в структуре всей системы национальной безопасности, причем, прежде всего, в контексте политических явлений и процессов и в терминологии и методологии политической науки. Основной вывод, к которому пришел автор, состоит в том, что негосударственная система обеспечения безопасности российского общества как элемент гражданского общества, являясь наряду с государственной системой, субъектом обеспечения национальной безопасности, по отношению к политике государства в области безопасности выступает в тоже время объектом.

Annotation: The development of the private system of providing security of Russian society that has been started during Perestroika is characterized today by such scales and parameters which allow make a conclusion, that private protection and security services are an integral part of security system of the Russian society. Many security experts appeal to this thesis today, but it is not to the full theoretically substantiated in harmonious methodology of philosophical sciences. Accordingly, writing this clause the author was guided by the purpose to consider private system of a safety of the Russian society in structure of all system of national safety, and first of all, in a context of the political phenomena and processes and in terminology and methodology of a political science. The basic conclusion, to which the author has come, is that Russian private security system as the element of a civil society, being the subject of maintenance of national security, alongside with the state system, in relation to a policy of the state in security acts as an object.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1.

*Проблемы социальной философии и
философские проблемы социогуманитарных наук*

<i>Байдакова М.Ю.,</i> Проблема воли в христианской антропологии.....	5
<i>Гудкова М.В.,</i> Особенности мыслительных процессов в критическом социальном мышлении.....	14
<i>Лыкова В.С.,</i> Философско-педагогические основы современного российского образования: статья первая (онтологический, гносеологический и антропоцентристский аспекты).....	22
<i>Лыкова В.С.,</i> Философско-педагогические основы современного российского образования: статья вторая (духовно-нравственный и аксиологический аспекты).....	35
<i>Музьяков С.И.,</i> Социальные ценности и воинская деятельность.....	42
<i>Огородников А.Ю.,</i> Социальные факторы формирования и присвоения личностью ценностей и ценностных ориентаций.....	53
<i>Песоцкий В.А.,</i> Художественная литература и мировоззрение.....	60
<i>Соколова С.Н.,</i> Формирование политико-правового механизма государственного регулирования безопасности России.....	75
<i>Соколова С.Н.,</i> Перспективы государственного регулирования безопасности российского общества и глобализации.....	83
<i>Суханов В.И.,</i> Системный подход к проблеме формирования привлекательности региона.....	93

Раздел 2.

*Проблемы истории философии
и истории других философских дисциплин*

<i>Алёхина Е.В.,</i> Религиозно-нравственное учение о смысле жизни человека в творчестве Ф.М.Достоевского.....	100
<i>Бабаева А.В.,</i> Проблема личностной идентичности в современном православном богословии.....	107
<i>Макеев С.В.,</i> Технократизм как объект философского исследования и теории (концепции) технократизма как предмет историко-философского анализа.....	114
<i>Пчелина О.В.,</i> Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского.....	128
<i>Пчелина О.В.,</i> Философские идеи в русской литературе: Д. Мережковский.....	135
<i>Якимец Н.В.,</i> Отечественная метафизика всеединства как основа формирования русской мыслью двух целостных концепций философии языка.....	142

Раздел 3.

Проблемы политологии и философии политики

Будин А.А.,

 Специфика влияния этнополитического устройства современной России
 на ее безопасность.....147

Кашурников С.Н.,

 Негосударственная система обеспечения безопасности российского общества
 в системе национальной безопасности страны.....159

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 1

Выпуск в серии десятый

Подписано в печать: 4.02.08.

Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonС”.

Уч. — изд. л. 13,25. Усл.п.л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 17.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. 265-41-63, факс 265-41-62.